

Журнал издается с июня 1998 г.

Периодичность — 4 раз в год

**Учредитель и издатель
Ю. Мандрика**

№1 (17)

**Главный редактор
Ю. Мандрика**

**Редактор номера
С. Пархимович**

**Адрес редакции
(для переписки):
625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84**

**e-mail: mandrika@sbtx.tmn.ru
<http://www.tmn.ru/~mandrika>**

**Сдано в набор 10.01.2001.
Подписано в печать 28.03.2001.
Формат 60x84/16.
Гарнитура «SchoolBook». Офсетная
печать.
Бумага офсетная №1.
Уч.-изд. л 9,2.
Усл.-печ. 9,3.
Тираж 300. Заказ №1027.**

**Корректор М. Дистанова
Операторы ПЭВМ А. Володин
и Н. Нохрина**

**Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГУП «Заурал-Пресс».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.**

Оглавление

ГРАФОМАН – НОМО SCRIBENS

С. Туров. Сибирские пути-дороги в прошлом 3

КНИЖНЫЙ ПРОСПЕКТ

С. Пархимович. История Югры:
время обретения имен 26

РЕСТИТУЦИЯ НЕВОЗВРАЩЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Михаил Плотников: Из дела о расстреле.
Окончание 36

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

П. Г-н. Исторические очерки ныне существующих
монастырей Тобольской епархии 77

I. Мужские монастыри

а) Второклассный Тобольский Знаменский 79

ТЮМЕНЬ ЗАБЫТАЯ

С. Филь. Биографии Высоцких:
Версии, мифы, факты 102

ИЗ БЛОКНОТА КРАЕВЕДА

С. Пархимович. Откуда пришла Калтасть:
К вопросу о генезисе теонима 108

СООБЩЕНИЯ

Ю. Зотин. Где ты, Святой ключ? 129

С. Белов. Братские могилы в Тюмени 132

О. Белослудцева, Л. Климова. Еще раз о памятниках... .. 134

В. Белобородов. «Детски-ясные грезы
давно я забыла...» 140

Н. Мурашова. Фотография в Тобольске 144

Указ из монетного департамента в Тюменскую
воеводскую канцелярию о правах и обязанностях
пробирного мастера П. Серебренникова 149

Ю. Соловьева. История одного техникума 154

TRIVIA

Судьбы местной печати: О кризисе
газетного жанра в Тюмени в 1907 г. 158

Туров Сергей Викторович, родился в 1957 г. Окончил истфак ТГУ, аспирантуру в Уральском университете. Доцент кафедры отечественной истории ТГУ, кандидат исторических наук.

Круг научных интересов: этнография русского старожильского населения Зауралья, история культуры, историческая экология.

Один из авторов книги «Выдающиеся тобольские и сибирские губернаторы» (Тюмень, 2000).

Постоянный автор журнала «Лукич».

Сибирские пути-дороги в прошлом*

Даже сегодня, когда расстояния мало что значат, поскольку современный авиалайнер может перенести нас в любую точку пока все еще необъятной Родины за считанные часы, многие соотечественники искренне считают, что до Тюмени, а уж тем более до Тобольска или Нового Уренгоя, можно добраться только на собаках, ну, в крайнем случае, на оленях.

Один мой знакомый рассказывал, как в начале 80-х годов он в одесском порту выгружал старенький «Форд», приобретенный то ли в Алжире, то ли в Тунисе, где ему довелось обучать местный пролетариат бурить нефтяные скважины. Так вот, публика, с интересом наблюдавшая за процессом выгрузки диковинной по тем

временам иномарки, узнав, что авто поедет в Тюмень,

очень интересовалась, где наш герой собирается ездить. Окружавшие обладателя подержанного «Форда» зеваки наивно полагали, что Тюмень — это несколько десятков деревянных домишек и несколько буровых вышек посреди тундры. Тюмонец не стал разочаровывать одесситов, напротив, совершенно покори их, сообщив, что будет ездить на иномарке от своего балка, находящегося в центре Тюмени, до родной буровой и обратно по единственной в городе бетонке длиной всего в полкилометра. Более

* Этой публикацией мы открываем серию материалов, появление которых стало возможным благодаря финансовой поддержке «Кволити-отель Тюмень», а также личному участию генерального менеджера отеля Александра Матвеевича Тулупова.

того, сразу после выгрузки с корабля «Форд» будет погружен в самолет, так как «только самолетом можно долететь...».

Впрочем, даже в нынешние времена сибирские ловеласы в целях создания романтического ореола вокруг своей персоны с успехом «грузят» южных и центральных барышень на сочинских пляжах рассказами о килограммовых комарах с полуметровыми клювами и о белых медведях, шатающихся по ночам по улицам Тюмени или Сургута.

«Жуть! Экзотика!» — вопят барышни, алкая взглядами более тесного знакомства с «героями белого безмолвия». Однако не так уж давно, всего лишь в начале XX века, на севере нашего края действительно основным сухопутным транспортным средством были олени и собачьи упряжки. Причем оленей и собак в качестве ездовых животных разводили и использовали не только аборигены Севера, но и русские северяне. Так, обдоряне и сургутяне держали ездовых собак и оленей, по крайней мере, уже в XVIII веке. О путешествиях на собаках в это время имеется любопытное свидетельство, оставленное неким Иоганном Людвигом Вагнером, прусским подданным, посланным в Сибирь русским правительством за шпионаж в пользу Пруссии во время Семилетней войны. Правда, Вагнер описывает свое путешествие на собаках по Восточной Сибири, но

вряд ли восточно-сибирские собаки в XVIII в. существенно отличались от западно-сибирских.

Итак, зимой 1759 г. Вагнера доставляют в Енисейск. Дальнейший путь Вагнер должен был проделать на собаках. Перед домом остановились странные сани (их было всего шесть), в которые были запряжены собаки. Вагнер при виде их выразил удивление, и сопровождавший его прапорщик Иван Александрович объяснил ему, пожимая плечами, что предстоит путешествие в 1000 верст по Енисею по снегу и льду, где нет ни одной живой души и невозможно пробираться лошадьми. «На первых санях, — продолжает свой рассказ Вагнер, — на которых был запас для команды, сидел солдат и возчик, на вторых — унтер-офицер с солдатом и возчиком, на третьих — солдат и возчик, которые везли запас для собак, мой запас был на четвертых санях, где был один возчик, на пятых, где находились мои остальные вещи, сидел я с возчиком, а на шестых следовал офицер, который также имел с собой свою провизию, вместе с возчиком. Все возчики были казаками, которые зимой тем же способом были командированы в Мангазею. Наш груз был так распределен, что на каждую собаку приходилось по 10 пудов, а так как пуд составляет 40 фунтов, вес каждой саней должен был составлять не менее 1200 фунтов.

Прежде чем продолжать свой рассказ, я должен более подробно описать сани и как на них ездят. Полозья из березы изготовляют не так, как у нас. Их отдирают от берез летом, рубят по длине и на такой высоте, как это необходимо, отдирают кусок толщиной примерно в полдюйма от ствола, обрезают и прислоняют концом к стене здания таким образом, что он получает необходимую кривизну. Из таких кусков и делают полозья саней. Когда они простояли все лето, их обрабатывают и делают толщиной в полдюйма, шириной в 10 дюймов, длиной в 16 футов, откуда примерно два с половиной фута уходит на кривизну. Остов состоит из легких планок, связанных крепкими веревками... Садятся в сани спинами к боковым стенкам, так что сидящие друг против друга должны переплести свои ноги. Позади лежат взятые с собой вещи. Ни с каким-либо другим транспортным средством по замерзшему Енисею не проедешь. Сани очень легкие, а широкие и тонкие полозья проходят по самому глубокому снегу. Еще здесь имеется поперечина с отверстием, чтобы в случае необходимости поставить шест с парусом. Собаки, используемые для такой езды, не

больше наших обычных крестьянских собак, но выше в ногах. Им надевают чулки из меха ног северных оленей, прикрепляя их спереди и сзади широкими мягкими ремнями через туловище. Вербки, при помощи которых они тянут сани, покрыты лосиной кожей, мехом снаружи, но со стороны, которой прилегают они к телу собаки, они выдублены, чтобы избежать трения. Эта обшитая веревка лежит в виде колбасы вдоль спины, а постромки идут между задними ногами к саням. Таким образом, собаки тянут не грудью, а спиной, где

Способы передвижения в Сибири.

Из Ремезовской летописи
(конец XVII—XVIII в.)

они, как представляется мне, имеют особую силу.

Передняя собака всегда обучена и ведет себя в зависимости от ударов плети возчика. Если справа ударит по снегу, вожак идет вправо, ударит он с левой руки, то и собака туда направляется; если заблудились, возчик предоставляет собак самим себе. В последнем случае собака верно идет к тому месту, где чует дым, и ошибется только тогда, если ветер отогнал дым в другую сторону. Задние собаки сами следуют за вожак. Идут они без принуждения, почти всегда рысью, но если снег оттаял и снова замерз, никоим образом не заставишь идти их иначе, как шагом».

Между прочим, Вагнер также познакомил европейцев с другим сибирским транспортным средством — лыжами: «Упомянутые лыжи состоят из тонких березовых дощечек, которые отдирают от дерева и с обеих сторон выравнивают. Они имеют в длину пять и в ширину два с половиной фута. Подошва покрывается оленьим мехом, снятым с ног этих животных, и так он приделан, что ворс направлен назад. В самой середине имеются дыры, через которые протягивают ремни. Между этими ремнями ставят ноги и крепко к ним привязывают лыжи.

Для опоры служит крепкая палка, просверленная со всех сторон в нижнем конце. Через дыры идут ремни, при помощи

которых крепко привязываются просверленные во многих местах маленькие ободки, так что они похожи на колесо, которое при помощи спиц, которыми в данном случае являются натянутые ремни, связано со ступицей. С лыжами ходят не только по глубокому снегу, не погружаясь в него, но и без всякой опасности поднимаются на самые крутые возвышенности, так как короткий и жесткий ворс под подошвами препятствует скатыванию. Так как нижний конец палки мало погружается в снег, имеют одновременно крепкую опору, при помощи которой всегда можно сохранить равновесие».

Более других европейцев наездился на оленях М.А. Кастрен, финский ученый-лингвист. В 30–40-е гг. XIX в. он путешествовал по европейскому и азиатскому Северу от Лапландии до Восточной Сибири. Все прелести передвижения на оленях исследователь познал на собственной шкуре, и не в переносном, а в прямом смысле: «Необузданный олень мой вздумал, спускаясь с пригорка, своротить с дороги и наскать с такой силой на березу, что от удара об нее у меня полила кровь изо рта и из носу. Лёнрот, видя, как я горевал о моем разбитом носе, утешал меня уверением, что можно еще спасти его. Так как и для всякого сохранение этой части тела весьма важно, то я твердо решился не подвергать ее в будущем никакой опасности во время

Запряжка в три оленя

езды на оленях. В большей части случаев это действительно возможно: не надобно только слишком уже покоить ноги, действовать, напротив, ими во всех затруднительных случаях, в особенности против колебания кериса. Этого колебания никак не должно, однако ж, останавливать пятками, потому что таким образом всегда можно переломить ногу; сев на керис верхом, необходимо прижать колена крепко к наружным бокам его, а ноги спустить и отклонять керис от камней и деревьев только ступнями. Теория, кажется, простая; не такова практика, потому что олень не дает спохватиться именно тогда, когда это нужно, т.е. при спуске с горы. Он бежит тогда так проворно, что не имеешь времени рассмотреть предметы, тем более что трудно не закрыть глаза от снега, который летит от ног его прямо в лицо. Недурно, в случае нужды, повалить керис

в глубокий снег, задок его увязнет в снегу и мгновенно остановит бег оленя, но на горном хребте это невозможно, потому что беспрестанные бурные ветры сносят весь снег.

Но, несмотря на все эти неудобства, и в начале XX в. на сибирском Севере путешественникам приходилось использовать собак и оленей в качестве основного средства передвижения. Тюменская «Сибирская торговая газета», в частности, сообщала в апреле 1901 г., что: «...в Березовском округе... закуплено более 650 ездовых самоедских собак... Одна партия собак продана с доставкой по 35 руб., а другая по 60 руб. шт.». Собаки закупались для различных северных экспедиций.

Однако собаки, олени, лыжи — это все-таки атрибуты северного быта. На юге нашего края в прошлом основным транспортным средством были лошади.

Бытует представление, что передвижение при помощи лошадиной тяги было чрезвычайно медленным. Но это мнение справедливо лишь отчасти. Действительно, в начале XVII в., когда Сибирь только-только начинала колонизироваться русскими, бывало так, что по еще плохо наезженным дорогам с Русского Севера везли хлеб в сибирские города по году и более. Хлеб привозили уже испорченный, в дороге он прорастал. Иной раз не лучше обстояли дела и с перевозкой людей. Будущий сибирский губернатор Ф.И. Соимонов в конце 30-х гг. XVIII в. потратил полгода на путешествие от Москвы до Охотска и обратно. Но это явилось следствием того, что был он на те поры еще не губернатором, а каторжанином, сосланным в Сибирь в результате козней всеильного временщика Бирона, фаворита императрицы Анны Иоанновны, а губернатором Сибири его назначили только спустя 15 лет, уже при императрице Елизавете.

В 1838 г. Г.М. Толстой совершил поездку в Туринск к декабристу В.П. Ивашеву и оставил, между прочим, интересное свидетельство о скоростной сибирской езде: «В то время, — писал Г.М.Толстой, — езда по Сибирскому тракту была необыкновенно скорая, и вот как она производилась; подъезжаете к станции, вас встречает толпа ямщиков, между ними начинаются споры, крики и часто дра-

ка из-за того, кому ехать. Когда вопрос решен, то все они участвуют в закладке лошадей, потому что дикие лошади не идут ни в оглобли, ни в постромки. Когда упряжь кончена и пассажиры усядутся, ямщик кричит «пускай», ямщики, удерживающие лошадей, быстро разбегутся по сторонам, и бешеная тройка летит во весь дух, не разбирая ни гор, ни мостов, ни ухабов, и только на следующей станции задерживается она новою толпою встречающих вас ямщиков».

Г.М. Толстой вторит другой наблюдатель в середине XIX века: «К тому же на этом тракте в то время вольные ямщики провозили за плату на половину меньшую против почтового. Лошади здесь были хорошие, неутомонные, нередко везли по две станции, верст шестьдесят, не кормя и быстро. Они были, большей частью, мало езженные и случалось, что во время запряжки ноги их были в путах, которые осторожно снимались после того, как ямщик усаживался на козлы и забирал вожжи. Тогда вся тройка бросалась скакать и шла во весь карьер версты две-три, пока обойдется. Многие крестьяне занимались извозом, передавая седоков из деревни в деревню знакомым ямщикам, называемым дружками, почему езда называлась попросту «на дружках».

Скорая езда в городах нешуточно угрожала здоровью пешеходов: «С наступлением санной дороги любители сильных ощу-

щений сломя голову ездят по улицам. Кучер купца Ядрышникова измял переходившую дорогу у магазина Вяткина крестьянку Богданову. По той же Царской улице 1 ноября, под вечер, шел, будучи немножко под градусом, некто Ф. Лисицын, его нагнал кто-то на паре лошадей... Лисицын получил перелом ребра, а наехавший скрылся», — сообщала «Сибирская торговая газета» в ноябре 1898 г. Понятно, что подобных сообщений в старых газетах можно найти достаточно много.

Более того, случались порой дорожные катастрофы наподобие той, о которой поведал в свое время декабрист М.А. Бестужев: «Мы прискакали в Тобольск в 12-й день, грязные, разбитые и едва не убитые на Суксунском спуске в Томской губернии. Наш фельдъегерь, по обычаю, саблею наголо до того избил ефесом ямщика, что когда лошади подскакали к спуску в 1¹/₂ слишком версты и он, в ужасе ухватившись за ямщика, закричал: «Держи!», ямщик, бросив ему возжи, ответил: «Ну, барин, ваше благородие, теперь держи сам!». Фельдъегерь схватил возжи, направил коней на первую к нему повозку Барятинского, спускавшуюся шагом. Брат Николай, сидевший с ним, тихо кричал ему, что он всех погубит: фельдъегерь, как утопающий, хватался за соломинку. Вся тройка буквально вскочила в тележку Барятинского, который едва успел броситься на свою коренную и тем едва спасся от

неминуемой смерти. Вся масса шести сцепившихся коней, бесясь и обрывая упряжь, спускалась тучею на телегу Горбачевского, кони которого в испуге шарахнулись, понесли под гору и, задев за мою телегу, опрокинули ее. Я, падая, повис своими железами на задней оси, а кони, испуганные падением телеги, понесли в свою очередь и повлекли меня, как Гектора за колесницей Ахиллеса. Спасением от неминуемой смерти я обязан был только тому, что упавший ямщик, переломив правую руку в двух местах, не мог уже ее высвободить от запутавшихся около нее возжей и, тащась под колесом, затянув левую возжу коренной так сильно, что, притянув ее голову к самой оглобле, принудил ее заворотить поперек дороги и упереться в скалу, где пролегалa дорога. Изнемогая от боли, я не мог шевельнуться, а между тем с ужасом видел, как масса сцепившихся лошадей повозок брата Николая и Барятинского катится на меня. И эта масса точно на меня надвинулась: поперек дороги стоявшая моя повозка их остановила, и взбешенные кони неистово били надо мною. Три раза острые шипы подков коренной задевали мою голову, но только один раз пробил череп: два удара я получил вскользь и только сорвало кожу. Брат Николай бросился и с опасностью быть смятым в свою очередь, кое-как меня вытащил из-под копыт лошадей. Повозка же Горбачевского мчалась с та-

кой быстротою, что на повороте, встретив воз с сеном, быстро повернув, выбросила далеко в сторону его, двух сидевших с ним жандармов и ямщика. Горбачевский страшно разбил все лицо, ямщик переломил руку, а один из двух жандармов, преломив крестец, умер на дороге».

По причине всего вышеизложенного, любовь сибирских ямщиков к быстрой езде приходилось сдерживать. Особенно непримиримо боролся с лихачами сибирский губернатор Д.И.Чичерин в 60—70-е годы XVIII века:

«В Тобольскую Полицмейстерскую Кантору приказ.

По происходящим великим беспорядкам — скорым ездам от извозчиков, многие вредные опыты уже оказались. Узнать

их, кто они такие, никак не можно, потому что всякий, сделав вред обществу, повреждение здоровья человеческого, не может быть сыскан и пойман. И для этого предлагаю Тобольской Полиции с получения сего всем извозчикам, впредь до учреждения, наистрожайше запретить, чтоб ни единого не было; а ежели кто завтрашнее число в извозе явится, тех брать под караул и представлять в мою канцелярию и о сем сего числа публиковать.

Д. Чичерин.

Генваря 12 дня, 1773 г.».

Впрочем, подобные указы мало удерживали лихачей. Значительно более эффективным сдерживающим фактором было, выражаясь современным языком, качество дорожного покрытия

А.О. Орловский. Тройка. С литографии XIX в.

тия. Даже сибирская столица Тобольск в прошлом не могла похвастаться хорошими дорогами.

Большинство улиц в Тобольске были покрыты деревянными мостовыми. Делались они следующим образом. На поперечные толстые брусья клали продольные доски — плахи. Получалась вполне сносная мостовая. Со временем плахи начинали стираться, причем особенно быстро концы плах, так что плаха была еще достаточно крепка, а конец ее готов был обломиться в любую минуту. Вот тут-то и начиналось «штопанье» мостовой: ненадежный или уже изломленный конец плахи отпиливали и приставляли соответствующий кусок новой плахи. Эти приставки, естественно, не обладали устойчивостью целой плахи, и тогда мостовая становилась своеобразным капканом для проезжающих. Происшествие, которое дало повод Чичерину жестоко наказать хозяина того дома, против которого мостовая оказалась неисправной, случилось в апреле 1774 года. В один из злополучных дней этого месяца, во время проезда по улице полковника Булгакова цуговая лошадь в запряжке ногой проломила мостовую, сломала ногу, а сидевший на ней фореитор перелетел через голову и обрушился на мостовую. Беднягу подняли полумертвым. Виною всему оказалась «штопка», и на этот раз она дорого обошлась «портному», то есть хозяину дома, напротив которого произошло

несчастье с лошадью полковника и фореитором. По приказанию Чичерина его велено было «высечь на рынке с барабанным боем нещадно плетьюми и, выбрив голову, употреблять два месяца в каторжную работу».

Несмотря на все строгости, мало что менялось на тобольских улицах: «Приезжаю на лошадях в Тобольск. У самого города гладкая, ровная, совсем новая дорога — улица. Вот, думаю, культурный центр. Но не успел кончить своей мысли, как провалился куда-то в тартарары... лошадей, а потом и экипаж затянуло в трясину... В нескольких шагах тонет водовоз с бочкой.

— С чего бы это, — говорю кучеру, — такая «деликатная» дорога...

— Великатная, это точно, барин. Да погода, вишь, была не великатная-то!

— Что за глупость, при чем тут погода!

— Они, вишь, глины-то понавозили да натрамбовали; полило дождиком — она-то, ма-тушка, и раскисла!

— Чего врешь-то? Кто они?

— Да кто же?! Известно... Общественные работы!

— ?!

Выезжаю в центр... Улицы выложены досками. Но как? Не спешите читатель! Все равно не поймете! Поскольку через 5 минут езды я принял бы присягу, что у меня и ущемленная грыжа, и заворот кишок, и всякая иная подобная чертовщина.

— Это, — спрашиваю возницу, — тоже общественные работы?

— Никак нет, эфто городские! — с гордостью возражает «тоболец»... — писал в 1912 г. корреспондент газеты «Ермак».

Понятно, что по «качеству» тюменские дороги мало чем уступали тобольским. Вот как описывает их в 60-х годах XIX века известный в свое время сибирский публицист И. Завалишин: «...лошади буквально потащили меня по наисквернейшей дороге и, о чудо чудес, пролегающей уже по городской земле прогрессивной Тюмени! Что за отчаянные крюки да повороты, что за выбоины, что за мосты, даже пни патриархально торчат посреди разгону! Плохо рекомендует себя богатая Тюмень!». Вообще, по мнению Завалишина, дороги всего Тюменского уезда даже в сравнении с другими сибирскими дорогами находились в состоянии вызывающей запущенности: «...между Туринским да Тюменским округами большая разница даже в самой внешности. Начать с того, что почтовая дорога в Тюменском округе хуже, мосты черные и ветхие, инде даже их ветхие перилы перевязаны мочалами и веревками! Неутешительная прочность и незавидная безопасность, особливо в ночное время!

...И на козлах у меня торчит уже не смиренный апатический мужик Туринского округа, селянин и землепашец по необходи-

мости (ибо других промыслов здесь нет, и звероловство — почти исключительность малонаселенного Пелымского края), но Гарибальди en personne — в красно-рыжеватой блузе, снятой, вероятно, с дюжих плеч какого-нибудь обозного «молодца», и в соломённой шляпе с широкими полями», — последнее замечание относится к типу тюменского ямщика». Не только И. Завалишин подметил, мягко говоря, живость нрава тюменских ямщиков. «Нас просят обратить внимание на дерзость извозчика, имеющего № 7. Неужели нельзя обуздать подобных господ? Да и вообще не мешало бы обратить внимание на всех других извозчиков».

Однако плохое состояние сибирских дорог и хамство ямщиков не шли ни в какое сравнение с другими опасностями, подстерегавшими путешественника — дикими зверями и разбойниками («варнаками»). Уже знакомый нам пруссак Вагнер так описывает встречу с сибирскими «романтиками с большой дороги»: «В этом пустынном месте нам однажды угрожало нападение двадцати четырех сбегавших с рудников злоумышленников. Они кричали нам, чтобы мы все, что при себе имеем, отдали им, иначе нас всех убьют. Нас было всего восемь человек, а именно три возчика при трех повозках, и я с одним унтер-офицером и тремя гренадерами. Мы имели при себе пять ружей и пару писто-

летов, а также достаточный запас патронов и особенно много зашитой в холст картечи, какую русские употребляют для стрельбы из своих ружей. Мы не колебались стрелять, и пули застучали об деревья, и, как только мы выстрелили из двух ружей, разбойники уже пустились в бегство, но угрожали нам возвратиться в усиленном составе. Теперь мы быстро поехали и поздно ночью достигли один из упомянутых домов, где переночевали, а на другой день взяли свежих лошадей. Здесь нас стало 12 человек, и мы выставили, так как боялись нападения, пост с заряженными ружьями. Но, очевидно, этот разбойничий сброд от голода и усталости не мог так быстро передвигаться, ночью нас не беспокоили, и с наступлением дня мы поехали дальше».

Таким образом, Вагнер достаточно легко отделался, почему и смог со временем рассказать об этой встрече. Даже в начале XX века хищники и разбойники были серьезно опасны на сибирских дорогах, об этом свидетельствует рассказ современника, как и Вагнер, отделившегося легким испугом:

« — А сколько, барин, медведей бывает! — сказал мне ямщик, въезжая в первое широкое и глубокое, мрачное от чрезвычайной густоты леса ущелье. — По большой дороге ходят! — и, полуборотясь ко мне, с улыбкой посмотрел на меня.

Но я почти не слышал его; мои глаза с жадностью всматривались в лесную густоту.

— Барин, варнак... варнак... Эй, ну, девки!

Лошади рванули сразу и понеслись как бешеные. Я чуть не выскочил из телеги.

— Подайте, сударь, Христа ради! — крикнула диким, отчаянным голосом, мимо летевшей телеги, какая-то оборванная человеческая фигура. — Христа ради! — донеслось до меня сзади уже так далеко, что я едва услышал.

— Стой, стой, ямщик! — закричал я. Дикий человеческий крик отзывался чем-то особенно страдальческим. Повозка остановилась, я оборотился назад и поманил к себе чуть виднеющегося нищего. Это был мужчина высокого роста, довольно молодой; длинные светло-русые волосы космами торчали из продырявленной, когда-то белой, откинутой на затылок шапки; одет он был в коротенький татарский желтый шерстяной армяк; из-под армяка виднелись синяя засаленная рубашка и такие же синие штаны; обуви не было никакой.

— Христа ради... — повторила фигура, протягивая ко мне свою грязную руку и как-то странно осматривая своими впавшими серыми глазами и меня, и повозку, и лес.

— С какого завода? — спросил прямо и резко ямщик, пока я доставал из кармана деньги.

— Из-за моря, батюшка, из-за моря... (Байкал — С.Т.)

— Куда же ты идешь? — спросил я. И мне невольно представилось, какую страшную даль прошел этот человек.

— Бог знает, сударь, Бог знает, хотелось бы взглянуть хоть на родину, — и по загоревшему лицу нишаго пробежало тревожное и грустное чувство.

— А далеко твоя родина?
— Новгородская губерния, Новгород.

— Неужели ты думаешь пробраться туда?

— Э... сударь, где уж? И надежды нет... да хоть по крайности подышишь волей-то! — и в его серых глазах показались как будто слезы.

— Как же ты идешь? Что ты ешь?

— А вот, какой добрый человек милостыню даст... а то больше всего ягодами да орехами питаюсь...

— Им, сударь, милостыню подают... — заметил уже не так грубо ямщик и довольно ласково посмотрел на бродягу.

Вежливый и грустный тон бродяги, очевидно, тронул его.

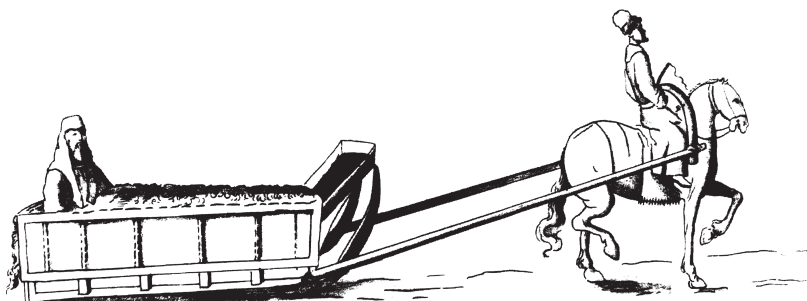
— Давно ты с родины?

— Десять лет, сударь, десять лет! Прощайте! Награди вас Бог! — как-то особенно выразительно почти прокричал бродяга и скрылся в ущелье.

Местом отдохновения путешественников были «ямы», а позднее «почтовые станции». Здесь можно было получить свежих

лошадей, пищу и ночлег. Одно из первых описаний сибирского дорожного быта принадлежит все тому же Вагнеру: «На всей этой дороге каждые 100 или 150 верст встретишь дом, стоящий посреди леса у дороги. Хозяева этих домов имеют скот и все виды продовольствия и должны бесплатно кормить проезжающие команды. Их посылают туда из деревень, расположенных в стороне на 400—500 верст, за что они не обязаны платить ничего императрице и могут иметь столько земли, сколько только в состоянии обрабатывать. Было бы значительно приятнее жить у большой дороги, так как здесь нет недостатка ни в хорошей почве для пашен и лугов, ни в озерах. Но, несмотря на это, живут эти крестьяне охотнее в стороне, в глухих лесах, чтобы, как они говорят, не подвергаться так часто дурному обращению со стороны команд. И это правда, я сам был свидетелем того, что солдаты в пути почти не считают крестьянина человеческим существом и все, что им нужно, требуют почти всегда с побоями, из-за чего и крестьяне этих мест являются самыми забитыми созданиями на божьей земле».

А лет за сто до описываемого Вагнером времени сибирские «служилые люди» (казаки, «дети боярские»), когда отправлялись в дорогу, мало того что били «смертным боем» поселян и требовали лошадей и провизию, но еще и забирали с собой их жен

Игумен в санях. Рисунок XVII в.

и дочерей, считая подобную практику вполне законной. Но прошли годы и десятилетия. В середине XIX в. проезжающим уже не было особой нужды бить поселянам морды, чтобы получить необходимое, их встречал станционный смотритель.

«Станционный смотритель, очнувшись от сладкого сна, выбегает встретить меня в форменном сюртуке с пряжкой за 20 лет и медалью за спасение России в 1853–1856 годах. Умильно приглашает он в комнату, даже кажет в заманчивой дали яичницу с ветчиной. Но я уже знаю по горькому опыту, поколесив от Петербурга до верховьев Амура, что значит станционная яичница и какая изгарь во рту от нее целые сутки бывает».

Далее путешественнику предлагалось проследовать в «станционную горницу» для ночлега: «Станционные горницы везде дрянь. Зимой в них банный жар, осенью сквозной ветер, а летом затхлый воздух. Тоску притом наводят табели, еще

во времена всемирного потопа подписанные губернским почтмейстером и до такой степени загаженные мухами, что уже ни числа верст, ни названия станций решительно разобрать невозможно! Печально горит сальный огарок в ржавом подсвечнике да нещадно терзает слух конская брань ямщиков из-за очередей. Нет, воля ваша — это не комфорт и уж куда как не Европа! Это черт знает на что похоже».

Неудивительно, что все проезжающие стремились устроиться на отдых в так называемой «земской квартире», то есть в доме, который должна была представить сельская община в порядке повинности «казенным людям». В начале XX в. на сибирских дорогах стали появляться почтовые станции, устроенные вполне «по-европейски»: «Дом содержателя Каменской станции большой каменный, внутри устроенный по-европейски, даже с водопроводом и номерами для проезжающих. У содержателя этой станции можно получать обед и все, что угодно,

сравнительно недорого. На этой станции нам запрягли сытых лошадей, и мы через 3 часа были в Тюмени.

Дорого ли было ездить с ямщиком? Казенный люд, как и сегодня, ездил по командировочным — «подорожным». Вот, например, как выглядела подорожная, выданная в 1702 г. тюменским воеводой О.Я. Тухачевским тобольскому конному казaku Д. Селиванову:

«23 июня 1702 г.

По указу великого государя, от Тюмени до Тобольского уезда по острогам и слободам до Каменских железных заводов по ямам ямщиков, а где ямов нет всем людям без отмены чей хто нибудь, чтоб давали тобольскому конному казаку Данилу Селиванову подводу верхи с седлом и с проводником везде незадержав ни часу. Послан он Данило ис Тобольска по Указу великого государя и по отписке боярина и воеводы князя Михаила Яковлевича Черкасского и с тюменскими детьми боярскими пушечного дела с мастерами с Андреем, да с Елизаром Колокольниковым на Каменские железные заводы. К сей подорожной великого государя печать земли Сибирские города Тюмени, стольник и воевода Осип Яковлевич Тухачевский, приложил лета 1702 июня в 23 день».

Тюменская адресная книга, изданная в Екатеринбурге в 1893 г., донесла нам «Таксу извозчикам в Тюмени»:

«Легковые извозчики:

Получают плату в час 40 к.

Весною и осенью с 15 марта по 1 мая и с 1 сентября по 15 ноября плата увеличивается за час на 10 к.

От пароходных пристаней за конец во все места по нагорной части и на городище — 50 к.

В Затюменскую и Заречную части — 75 к. (с одного седока).

Ломовые извозчики:

В телегах и дрогах в час 30 к.

В Весеннее и Осеннее время плата увеличивается на 5 к.

От пароходных пристаней во все места по нагорной части и на городище с одного седока с тяжестью не более 10 пудов — 40 к.

В Затюменскую и Заречную части — 60 к.

Если же окажется более седоков и тяжести более 10 пуд., то за провоз таковой извозчики получают по вышесказанному расчёту.

Если извозчик нанимается для катания, то плата назначается по взаимному соглашению, а также в первый день Рождества Христова, Пасхи и в Новый год.

Примечание: от вокзала ж. д. будет дополнительная такса, таковая представлена на утверждение».

С древнейших времен сибирские реки выполняли роль транспортных артерий. Дружина Ермака в свое время прошла с Урала в Сибирь по рекам Чусовой, Тагилу, Туре и Тоболу. Дальнейшая колонизация Сибири рус-

скими была бы невозможна без речного судоходства. Путешествие по воде в старинной Сибири было связано с немалой опасностью. Например, в 1600 г. московское правительство снарядило экспедицию в Мангазею с целью подчинения тамошних самоедов (ненцев, энцев). Князя Мирон Шаховской и Данило Хрипунов и 100 человек служилых прибыли на «коломенках» (старинное русское большегрузное судно, поднимало до 12 тысяч пудов груза), добрались до г. Березова. Здесь экспедицию доукомплектовали и поместили на пять морских «кочей» и пять новых коломенок. Но едва флотилия выплыла из Оби в Обскую губу, как потерпела жестокое крушение: три коча были разбиты, две коломенки, прибитые к берегу, затоплены водой, мука и «толокно», в них находившиеся, были подмочены, а крупа и соль потонули. Трагедией закончилось в 1643 г. путешествие дьяка Григория Теряева и его спутников в Мангазею.

После кораблекрушения они подверглись нападению «самояди». Многие погибли от самоедских стрел и от голода. Оставшиеся в живых дошли до того, что «от великие нужи постели (оленьи шкуры) и ременье и испод лыж — камасы, и собак, и мертвых людей ели». Из почти сотни служилых и промышленных людей до Мангазеи добрались и были «приволочены» 20 человек.

Между прочим, особенно часто в XVII в. кораблекрушения в Обской губе случались в районе, именуемом «Черными горами». В этом месте губа особенно мелководна и при штормовой волне суда попросту проваливались между гребнями волн и разбивались о дно.

Из челобитной тюменских ямщиков 1634 г. на имя государя Михаила Федоровича, между прочим, можно узнать о скорости передвижения в старину по сибирским рекам под парусом или на веслах. Так, от Тюмени до Туринска, т.е. вверх по течению реки Туры, на лодке или небольшом судне успевали за 5–6 дней; крупное судно (коломенка, дощаник) доходило до Туринска за 10–12 дней. От Тюмени до Тобольска, т.е. по течению, на легком судне плыли 6–7 дней, а на тяжелом — 12.

В XIX в. на реках Обь-Иртышского бассейна стали ходить пароходы.

Основателем сибирского пароходства стал тюменский купец 2-й гильдии Наум Тюфин, построивший в Туринской слободе в 1838 г. пароход «Основа». Судно было деревянным и приводилось в движение машиной мощностью в 50 лошадиных сил. Позднее пароход принадлежал чиновнику Главного Управления Западной Сибири А.Ф. Поклевскому-Козелу. Последний усовершенствовал пароход, снабдив его более

мощной паровой установкой (60 л.с.), изготовленной в Швеции. В 1846 г. Поклевский объединился в совместное предприятие с тюменским купцом Н. Швецовым, владельцем парохода «Взор» (30 л.с.), и создал «Пароходство А.Ф. Поклевского-Козелла и К⁰». Эта компания стала первым в Обь-Иртышском бассейне пароходством. В 1846 г. «Взор» совершил первый рейс от Тюмени до Томска.

Речные перевозки из Тюмени в начале XX в. осуществляли три крупные фирмы-пароходства: «Курбатов и Игнатов»; буксирно-пассажирское пароходство И.Н. Карнилова и пароходство-товарищество А. Трапезникова и К⁰. Речное плавание стало настолько безопасно, что большинство пассажиров предпочитали путешествие по воде поезду. Поездов боялись. Слишком часто последние в те времена терпели крушения. Если с безопасностью на речном транспорте все было в порядке, то качество сервиса составляло желать много большего. Одно из главных неудобств заключалось в том, что расписание прибытия поездов в Тюмень никак не было согласовано с расписанием отбытия пароходов. Да и само пароходное расписание не было догмой даже для его составителей.

Вот типичная отповедь, которую мог получить на тюменском речном вокзале от пароходного чиновника слишком

назойливый пассажир вместо билета:

«Я не понимаю, что за народ, без всякого понятия. Хотя сколько толкуй им, все лезут Тысячу раз говорю: у нас пароходов нет! У нас пассажиров не возят

— Позвольте, — решаюсь я слово сказать, — ведь, кажется, было расписание например, в прошлом году

— Расписание вот! — гаркнул он и с особенной силой хлопнул задней частью ладони по таксе за перевозку пассажиров. — Вот наше расписание, а больше мы никаких не признаем.

— Но позвольте, — возражаю я. — Раз есть у вас расписание рейсов и такса за провоз пассажиров до Томска, значит, ходят пароходы какие-нибудь и возят пассажиров

— Нет у нас пароходов, — отрезал водяной Юпитер и прошелся по классу».

Таким образом, ненавязчивый сервис на транспорте не есть порождение советской эпохи, поэтому неудивительно, что отношение к пассажиру за последние годы кардинально не изменилось. Но вернемся в начало XX века. Вот еще одна зарисовка означенной эпохи по поводу сибирского пароходного расписания. На сей раз речь идет о Тобольске: «Извозчика мне и скорее на пристань. И тут не повезло!.. Приезжаю. Еще издали слышен плач, причитание. Что за напасть? Не утонул ли кто?! Да нет! Подъехали ближе. Стоят священники.

Ага, понял! Покойник! Отпустил извозчика, подбегаю

— Где гроб? — спрашиваю.

— Какой тебе гроб! — грубо обрезали меня.

— Вишь, остались, куда денемся?! Вот и батюшки-то остались!

По городу расклеены объявления, что «Сухотин» отправляется в 10 часов вечера. Публика едет в 8 к 9 час. Ну, а Сухотин? И жить поторопился, и чувствовать поспешил. И уехал раньше 8-ми. На 2 часа раньше расписания. М-да!..».

Но вот вожаденный пароход находится в поле зрения пассажира, осталась последняя, но, как оказывается, нелегкая задача — попасть на борт и устроиться в каюте. «Чтобы не проспять пароход, мы накануне вечером приехали на пристань; только что перед нами пришел пароход, и пассажиры буквально заняли все классы,

остались только 2—3 каюты в отделении, где занимаются конторские служащие. Мы стали ждать, когда освободятся места в классах, но пассажиры и не думают уходить, а расположились по-домашнему на ночлег. Имея билеты, я уже обращаюсь к «сизому» господину:

— Пожалуйста, дайте нам место.

— Ничего не знаю, — небрежно отвечал он.

— Но как же? У нас девочка маленькая

— Обратитесь к капитану, может, пустит на пароход.

Обращаюсь к последнему и получаю ответ, выраженный далеко не в деликатной форме:

— Нельзя. Не готово еще

— Но ведь ночь уже, где же нам ночевать?

— Подождите, не готово еще.

Я начинаю «ждать», то прохаживаясь до пристани, то присаживаясь куда-нибудь. Моя

Перенос лодки через волок. С гравюры XVI в.

супружница, видимо, уже покорилась обстоятельствам и, подперев щеку рукою, о чем-то грустно думает, терпеливо ожидая, что будет дальше.

Время уже 12 часов; я снова обращаюсь к капитану:

— Пустите же, пожалуйста, на пароход, если не меня, то хоть жену с дочкой: ведь она — ребенок!

— Подождите, как будет готово, я скажу, — довольно резко отвечает он и куда-то исчезает.

Я ждал еще сколько-то времени, бесцельно толкаясь по пристани. Стало уже темно, и подул сильный холодный ветер. Время ужасно медленно идет! Я решаюсь идти на пароход и более настойчиво просить себе места на ночь на нем, но каково же было мое удивление! Оказалось, что все огни потушены и весь пароходный мир уже погрузился в сон, и капитан тоже давно спит. Значит, он меня надул, сказав, что когда «будет готово — скажу»

Но и о счастливицах, попавших на пароход, никто не спешил особенно беспокоиться. Не на каждом пароходе был даже буфет, а если и был, то отпускал продукты по заоблачно высоким ценам. А посему пассажиры были вынуждены запасаться продуктами. Но максимум через неделю пути провизия заканчивалась или окончательно портилась, а несчастные пассажиры переходили на «подножный корм».

«Едва пароход пристал к берегу, как пассажиры, один другого обгоняя, кинулись к остояцкому жилью.

Все энергично принялись обшаривать остояцкие постройки с целью найти что-нибудь съедобное, но, кроме остояц, остоячек, нарт и собак, ничего не нашли. Остояки же преспокойно занимаются своим делом: кто веревки вьет или невод чинит, а то и просто сидит на корточках около костра с чугунным котлом, из которого чем-то ужасно воняет, и нуль внимания на голодных пассажиров.

— Хлеба нет ли?.. Хлеба продай! — слышится со всех сторон.

— Н-э-та, — прехладнокровно отвечают остояки.

— Яиц нет ли?.. Молока! — не унимаются пассажиры.

Тот же лаконичный ответ: «Н-э-та».

— Но молоко-то ведь есть! Вон коровы ходят, сходите пойдите их! — умоляют уже пассажиры.

Однако оказывается, что коров остояки не доят, а кормят их только для мяса и шкуры.

— Рыбы хоть нет ли?

Остояк показывает на протянутую веревку, унизанную распластанными вдоль мелкими карасями:

— Вот купай; больше н-э-та, — говорит он.

Боже мой, что это за рыба! Мелкие 2—3-вершковы караси, потемневшие и покрытые пятна-

ми, висят на веревке, вялятся на солнце и ветре и пахнут какой-то гнилью; так и кажется, что по ним ползают мелкие червяки».

Справедливости ради нужно отметить, что с голоду пассажиры все-таки не умирали, слава Богу, на реке встречались и сытные местности:

«Как только пароход приближается к пристани, остяки уже мчатся к нему на своих душегубках — маленьких необнабренных лодочках, качаемых и подбрасываемых обскими волнами. Вдали эти лодки кажутся точками, которые то погружаются в волны, то снова выплывают из них все ближе к пароходу. На корме с повязанной по-бабьи головой в дырявых ломотях сидит остяк и работает маленьким веселком, а лодка-душегубка стрелой мчится по волнам. На дне лодки трепещется живая рыба: стерлядь, щука, язи, ельцы и сорога. Полуаршинная стерлядь стоит 5—8 коп. за штуку, а иногда еще дешевле, десяток яззей в 5—6 вершков продается по 20—30 коп., а ельцы и сорога — 10—15 коп. десяток, десятивершковая щука стоит 5—10 коп. Так как пассажиров много, не менее 200 человек, не считая пароходских, то остяков с рыбой окружают плотной стеной, хватают рыбу и смотрят ее, рядятся, и бывали случаи, когда остяки недосчитывались. Всюду запахло рыбой на пароходе, а «классные» пассажиры только

стерлядь кушали. Но хлеба все-таки мало было».

Существовал еще один способ аборигенной продовольственной торговли, напоминающий дозаправку современных самолетов в воздухе:

«Во время хода часто приставали на своих небольших лодочках остяки, предлагавшие разную рыбу, преимущественно стерлядей. Каждому догнавшему в лодочке остяку с кормы кидали чалку, за которую он и подтягивался к лодке, следовавшей за пароходом. Один из матросов спускался в лодку и вел торг. Ряда обычно происходила долго, и остяка увозили версты за две-три. Некоторые просили продать им «винка», у других лодочки были пусты, и они, поймав чалку и прицепившись к лодке, заливались смехом, как дети».

Положение дел с пароходным сервисом стало быстро меняться в годы экономического подъема, предшествовавшего первой мировой войне. В это время начинают строиться в Сибири или закупаться двухэтажные пассажирские пароходы «американского типа». На таких судах (200 л.с.) имелись каюты I, II, III классов, ресторан с обеденным залом, буфет с запасом напитков и закусок. В 1915 г. пассажирский флот Обь-Иртышского бассейна насчитывал 52 парохода, в том числе 32 — американского типа.

Простолудинов везли по сибирским рекам в баржах. В конце XIX — начале XX века из европейской части страны в Сибирь двигались огромные массы переселенцев, исчислявшиеся сотнями тысяч в год. Многотрудный путь переселенцев начинался в Тюмени. Здесь формировались из них партии по несколько сот человек и размещались на баржах, ведомых буксирными пароходами. В период навигации в день из Тюмени отправлялось шесть и более партий переселенцев. Благодаря газетной статье некой Е. Кр. (?) у нас есть возможность проследить за одной баржей, отправившейся из Тюмени на Алтай летом 1897 года. «Баржа, предназначавшаяся для перевозки хлеба, была битком набита переселенцами — 750 человек, среди которых было немало детей. Дети в пути умирали почти ежедневно. В нашей партии только в пути от Тюмени до Тобольска умерло 4 ребенка».

Самыми распространенными заболеваниями, приводившими к летальному исходу, были корь и дизентерия. Впрочем, жизнь брала свое, в это же время три переселенки благополучно разрешились от

бремени. Продолжалась жизнь, и продолжался немудрящий быт на барже:

«Погода весь день стоит переменная, пасмурная с небольшим ветром, поэтому переселенцы больше сидят внизу, в барже, предпочитая духоту ветру и дождю. Но вот показалось солнце, один по одному начали выбираться переселенцы из баржи на палубу. Все они разделились на несколько кружков. Женщины оживленно о чем-то толкуют, ребятишки затевают игры в «вершки», а большинство уселись чинно возле матерей и играют в «лепки», которые, по всей вероятности, сделаны или в Тюмени во время долгого «сидения», а то, по-

Русский город конца XVI в. в Сибири.

С миниатюры С.У. Ремезова
из Кунгурской летописи XVII в.

жалуй, везутся и с родины. Девочки-подростки водятся с маленькими братьями и сестрами; ребят в каждой семье достаточно. Молодые парни и мужики нашли себе занятие в картах; примостившись за ветром, у багажа, они сражаются в «три листка», «носки», «фильку» и другие игры. Кроме играющих, много зрителей. Карты почернели и разбухли от частого употребления, тасовать понастоящему их уже нет возможности, но игра идет очень азартно. Играют без денег, на деньги строго воспрещено.

В карты играют с утра до позднего вечера. Переселенцы постарше, усевшись поудобнее, ведут разговоры о родине и о новых землях, куда они идут. Сколько надежды в этих разговорах!

«Переселенческая» кухня топится целый день; во всякое время дня можно видеть у кухни целую толпу женщин, которые варят себе щи, просовую и гречневую кашу, кипятят молоко, чай и т.п. Когда бы вы ни пошли по барже, всегда можно видеть обедающих или пьющих чай переселенцев».

На барже можно было получить и духовную пищу:

«Сегодня выдавали переселенцам книги для чтения. Переселенцы с большой охотой берут книги для чтения, причем книжки религиозно-нравственного содержания предпочитают перед светскими; большинство, обращаясь за

книжками, просит «божественных». Переселенцы очень любят слушать, а потому грамотные обыкновенно читают вслух».

Наконец, переселенцы даже ухитрялись отмечать на барже праздничные дни:

«Сегодня все принарядились, особенно молодежь. Вечером в носовой части палубы, где было более свободного места, устроилось нечто вроде вечеринки: девушки пели песни, парни им подтягивали, один играл на балалайке, а другой на дудке, сделанной им самим же из какого-то дерева».

Вот так, даже в самых стесненных условиях люди стремились устроиться с минимальными, но удобствами. Однако на сибирских пароходах был еще один тип пассажиров, путешествовавших с еще меньшим комфортом, чем переселенцы, — это арестанты:

«Часов в 10 является на пристань взвод солдат и с саблями наголо выстраиваются. Из трюма одного парохода выводят партию арестантов, человек в 20—25. Бледные, серые и землистого цвета лица, серые халаты и звяканье кандалов — удручающая картина».

Если качество и количество комфорта у речных путешественников в прошлом могло быть различным, то великолепные виды берегов сибирских рек служили всем одинаково. Сколько поэзии и «отдохнове-

ния души» нашел в сибирских речных пейзажах один из паромных пассажиров в начале XX века:

«От Тобольска природа как бы меняет свой характер: леса пошли гуще и зелень пышнее. Берега Иртыша круты и высоки, местами похожи на горные утесы. Они то с одной, то с другой стороны величественно выступают и грозной стеной тянутся далеко. Едва крутой берег с одной стороны начинает переходить в низменность, как с того же места начинает возвышаться противоположный берег. Эти высокие утесистые берега то уходят куда-то в глубь девственных лесов, то снова подходят к реке; они местами идут отлогостями вдоль ее, то крутыми обрывами, скалами, или вертикально стеной спускаются в воду.

Верхушки скалистых берегов не голые, а покрыты густым лесом, на отлогостях и низменностях особенно прелестна и богата растительность. Вся перспектива подобна темно-зеленому ковру, с светло-зелеными узорами. Куда бы взор ни упал, он всюду покоится на ласкающем темно-зеленом ковре. Лесная зелень так чудно прекрасна, дышит силой, здоровьем и негой; взор невольно приковывается к ней и не может оторваться от нее.

Особенно под вечер хороша природа на Оби и Иртыше. Вон половина солнечного дис-

ка утопает в синеве леса, и щедро льются последние ласкающие лучи «на мир очарованный». Небесный свод около диска пышет ярко-оранжевым светом, который к центру постепенно переходит в изумрудную синеву. Облака в районе сияния окрашиваются в такой голубой, лиловый и золотистый с темными тенями цвет, какого не создавал еще ни один смертный художник. Солнце так медленно садится, будто не хочет расстаться с грешной перед Богом, но дорогой миру землей. Вот уж последний краешек его потонул в верхушках дальних деревьев, но закат еще долго горит багряным заревом.

От воды поднимается прохлада и тихо веет над рекой. Лес благоухает ароматом хвои и листвы, который живыми волнами носится над водой. Речная прохлада, лесной аромат сливаются и живительными струями всюду проникают: в каждый атом души и тела. Жадно вдыхаешь в себя эту чудную оздоравливающую благодать и не можешь вдоволь надышаться ею. Кругом величавое безмолвие лесного царства, благовонный здоровый аромат, жизнь, радость и счастье. Этот величавый покой доходит до самых сокровенных тайников души, шелестом едва касается таких же сокровенных струн бытия; внутри будто поднимаются какие-то неведомые до сих пор аккорды, и льется ти-

хая, нежная и убаюкивающая мелодия, под влиянием которой забывается все

Все пережитые горести и невзгоды, мучительные думы и заботы — все отходит в глубь прошлого и забывается. Только и чувствуешь, что кругом

живая природа, и сам живешь в общении с нею. Ни о чем не хочется думать, и работа на ум нейдет: всюду покой, отдых и забвение. Только и дела, что встречаешь восходящий день да провожаешь его в роковую вечность».

В статье использованы материалы из следующих книг:

- ¹ Бахареv А. От Туринска до Бийска // Сибирский наблюдатель, 1902.
- ² Боярский П.В., Визгалов Г.П. и др. Коч — русское полярное судно: проблемы исследования и реконструкции. М., 2000.
- ³ Буцинский П.Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645 гг.) // П.Н. Буцинский. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2.
- ⁴ Воспоминания Бестужевых. М.—Л., 1951.
- ⁵ Гольденберг Л.А. Федор Иванович Соймонов (1692—1780). М., 1966.
- ⁶ Ермак. 1912.
- ⁷ Ефремов В.А. Ямские колокольчики Тюмени и Шадринска. Тюмень, 2000.
- ⁸ Ефремов В. Материалы для истории оружейного производства в Тобольской губернии XVIII столетия // Лукич. 2000. № 2.
- ⁹ Завалишин И. Путевые заметки (Тобольская губерния) // Лукич. 2000. № 1.
- ¹⁰ Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.
- ¹¹ Кастрен М.А. Путешествие в Лапландию, северную Россию и Сибирь 1841—1844 гг. // Кастрен М.А. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2.
- ¹² Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1996. Т. 3. Кн. 2.
- ¹³ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII— первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.
- ¹⁴ О распорядах Чичерина в Тобольске: Сорок архивных документов с предисловием действительного члена Тобольского губернского статистического комитета Е.В. Кузнецова // Лукич. 1999. № 1.
- ¹⁵ Сибирская торговая газета. 1897; 1901.
- ¹⁶ Смирнов С. Станционный писарь. Из впечатлений по Сибири. б.г. б.д.
- ¹⁷ Тюменская адресная книга. Екатеринбург, 1893.
- ¹⁸ Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032—1882 гг. Сургут, 1993.

Книжный проспект

Очерки истории Югры/
Отв. ред. Д.А. Редин, Н.Б. Патрикеев. — Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2000. — 400 с.

В 2000 году научно-производственное предприятие «Волот» (Уральский госуниверситет, Екатеринбург), известное как активный популяризатор истории ХМАО, выдало «на-гора» очередной коллективный труд — «Очерки истории Югры». Книга вышла солидная, обильно снабженная цветными иллюстрациями. Темы очерков подобраны в целом удачно и поданы по тематико-хронологическому принципу. Ряд сюжетов в той или иной степени знаком сведущему читателю по прежним изданиям «Волота» («Нягань: город на историческом фоне Нижнего Приобья», «Очерки истории Коды» и др.), но авторы очерков постарались придать им новое звучание. И это закономерно: ежегодно исследователи находят новые материалы, иногда существенно дополняющие или корректирующие ранее выдвинутые ими версии тех или иных событий или явлений.

Книга, несомненно, «получилась», однако при ее чтении все же возникают вопросы, замечания и пожелания, которые я «не корысти ради, а токмо» пользы для считаю необходимым высказать коллегам. Надеюсь, что в дальнейшей работе на ниве популяризации авторы «Очерков» не оставят их без внимания. Некоторые недочеты характерны вообще для большинства научно-популярных работ по Западной Сибири, поэтому приводимый ниже критический экспресс-анализ продиктован не желанием укорить авторов «Очерков», а стремлением обратить внимание коллег на «ахиллесову пяту» популяризации истории региона, дабы найти пути ее лечения.

Пожалуй, наиболее сложная задача стояла перед археологами А.П. Зыковым и С.Ф. Кокшаровым, авторами первых двух очерков («На заре истории» и «Таежная цивилизация»). Известно, что археологические материалы, на которых они построены, — источник весьма специфический. Не зря их иногда образно именуют «немыми свидетелями прошлого», заставить «заговорить»

которых могут лишь квалифицированные специалисты, но немногим из последних по плечу перевод полученной информации с археологического «арго» на обычный язык в доступной и увлекательной форме. Авторы этих очерков таким талантом не обделены. Отсюда — обстоятельный и интересный рассказ, широкие аналогии, убедительная аргументация тезисов, оригинальные реконструкции явлений и процессов, протекавших в западно-сибирской тайге и на смежных территориях в глубокой древности, начиная с эпохи палеолита.

Тем не менее, их очерки не лишены недостатков. В первую очередь это касается проблемы этнической интерпретации археологических культур. Традиционные для археологов названия археологических культур — не более чем их рабочий инструментарий. Конечная цель исследований — выход на этнокультурные реконструкции, иначе все построения остаются «вещью в себе», «зависают» в виртуальном пространстве и не могут в полной мере считаться действительно историческими. Надо сказать, что далеко не все археологи оптимистично настроены по поводу принципиальной возможности этнической идентификации археологических культур, даже эпохи развитого средневековья, не говоря уже о более ранних временах. А. Зыков и С. Кокшаров к

пессимистам не относятся. Они, как и многие их коллеги, выход из этого своеобразного тупика видят в комплексном подходе: использование данных письменных источников, этнографии и этнолингвистики, по их мнению, позволяет археологам «создать более или менее полную, последовательную и непротиворечивую картину древнейшей этнокультурной истории региона». Однако на практике эта задача удалась им лишь частично. Характеризуя период до раннего железного века (до VIII в. до н.э.), авторы, наверное, справедливо решив не утомлять читателя обилием названий различных археологических культур, типов и общностей, оперируют терминами «уральцы», «сибиряки», «таежные охотники и рыболовы», «далекие предки обских угров». Лишь в двух абзацах первой главы они ссылаются на лингвистические материалы: когда говорят о контактах таежников со скотоводами Южного Урала, «говорившими на индоевропейских языках», и в конце, сообщая о выделении угров из финно-угорской общности и об их связях с южными соседями — ираноязычными народами. Учитывая мнение ряда ученых о самодийской принадлежности таежного населения Западной Сибири чуть ли не до развитого средневековья, на мой взгляд, авторам следовало бы привести какие-то

аргументы, обосновав таким образом свою точку зрения.

В главе, посвященной раннему железному веку и развитию средневековой, впервые встречаем четкую этническую «привязку»: лесостепная саргатская культура — угры-скотоводы. Последних авторы отождествляют с прамадьярскими (древневенгерскими) племенами, а их северных соседей — с собственнo обскими уграми. Часть угров-скотоводов под натиском гуннской орды продвинулась на север, где смешалась с предками обских угров — таежными охотниками и рыбаками (остальные ушли на запад, в Приуралье). Здесь уместно вспомнить гипотезу выдающегося угроведа, археолога и этнографа В.Н. Чернецова, который в 40–50-х годах прошлого столетия говорил о двухкомпонентном составе обских угров: таежный компонент он, пользуясь фольклорной традицией, именовал «пор», а мигрантов с юга — «мось» (фратрии, зафиксированные у северных ханты и манси). Последние, на его взгляд, были связаны с той же саргатской археологической культурой, носители которой были уграми-савырами, упоминавшимися в письменных источниках. Древний этноним «савыры» (сипыры, сыбыры) сохранился в легендах и преданиях обских угров и сибирских татар; кроме того, он до сих пор фиксируется в антропонимии и топонимии

ханты и манси. Все это хорошо известно авторам очерка и в целом согласуется с их построениями.

Расплывчатость трактовки таежного компонента, думается, могла быть снята, используя авторы хотя бы терминологию Чернецова — она, на мой взгляд, удачно связывает археологические древности с этнографией обских угров.

С этнической интерпретацией археологических культур Урала и Западной Сибири дела обстоят неважно: чем древнее эпоха, тем более туманна и неопределенна формулировка пятой графы в «паспортах» аборигенов края. И это не вина авторов очерка, а беда исследователей, занимающихся изучением древней истории края. Эпизодические попытки одиночек осуществить этнокультурные реконструкции не меняют ситуацию в целом. Как правило, они состоят в использовании археологами отрывочных данных лингвистики и этнографии, иногда достаточно удачном и убедительном, но чаще неумелом и уязвимом.

Столь же беспомощно зачастую выглядят и лингвисты, пытающиеся скоррелировать свои материалы с археологическими. Хотя справедливости ради следует признать, что существующие гипотетические схемы этногенеза народов уральской языковой семьи — заслуга компаративистов. Срав-

нительно-историческое языкознание шагнуло далеко вперед, этнологи и археологи заметно отстают, но именно их материалы могут способствовать «оживлению» гипотетических схем компаративистов, приданию им «зримости» и «осязаемости». В очерке «На заре истории», к сожалению, использована лишь крайне незначительная часть достижений сравнительно-исторического языкознания.

В этой ситуации ясно, что существенные сдвиги в решении данной проблематики надо связывать, прежде всего, не с *использованием* учеными данных смежных наук, а с действительными комплексными, т.е. совместными, *исследованиями*.

Безусловно удалась авторам социальная реконструкция обско-угорского общества в XI–XVI веках (Очерк 2). Они достаточно убедительно реабилитировали концепцию С.В. Бахрушина, уточнив и дополнив ее новыми фактами. При этом им удалось, пожалуй, максимально «выжать» необходимую информацию из археологических, этнографических, фольклорных и письменных источников. Вывод о том, что к концу XVI века ханты и манси «находились на пороге формирования классового общества раннефеодального типа со значительной долей патриархального рабовладения» подкреплен соответствующими аргументами и выглядит зако-

номерным.

Очень жаль, что размашистый эскиз обско-угорского общества позднего средневековья А. Зыков и С. Кокшаров не снабдили ярким сюжетом об открытом ими Эмдере — «Северной Трое». Ведь он является прекрасной иллюстрацией возможности заставить «заговорить» археологические древности с помощью фольклора. Редчайший случай, когда эпические события получили конкретную «привязку» к хантыйскому городку! Неясно, то ли авторы поскромничали, то ли решили не повторяться, так как уже неоднократно обращались к этому сюжету. Но, на мой взгляд, в той или иной форме он был бы здесь весьма уместен, ведь далеко не всем читателям удалось с ним ознакомиться.

Две другие главы очерка производят странное впечатление: совершенно иной подход, использование почти исключительно этнографических материалов для характеристики традиционного хозяйства и духовного мира обских угров XI–XVI веков. Бесспорно, экстраполяция этнографических материалов на археологические уместна и необходима, но их очевидное превалирование вряд ли приемлемо там, где необходима реконструкция. Особенно заметен этот перекося в главе «Духовный мир и декоративно-прикладное искусство обских уг-

ров». Религиозные представления и культовая обрядность подаются на материалах XIX–XX веков, при этом археологические данные полностью игнорируются. Мифам — исключительно ценным источникам, характеризующим основу мировоззрения ханты и манси и их далеких предков, отведено до обидного мало места. Правда, сделана попытка «стратифицировать» варианты сюжета о возникновении земли, но при этом какие-либо аргументы о более позднем (энеолитическом) возрасте мифа о добыче земли со дна первичного океана ныряющей птицей не приводятся. Между тем, этот сюжет убедительно трактуется как древнейший, возникший в эпоху верхнего палеолита в рамках т.н. восточно-ностратической общности (см. фундаментальное исследование В.В. Напольских «Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф)»).

Представления обских угров о строении окружающего мира и пантеон характеризуются опять же на основе чисто этнографических данных (кстати, мифа о горизонтальном устройстве мира у обских угров нет), хотя известно, что «современная картина представлений не отражает древнего состояния соответствующих областей мировоззрения хантов и манси»

(А.П. Зенько. Стабильные и варьирующие элементы традиционного мировоззрения обских угров// История, краеведение и музееведение Западной Сибири. Тюмень, 1989. С.15).

Справедливости ради следует отметить, что авторы пытались показать динамичный характер пантеона, но проиллюстрировали этот тезис лишь широко известным мнением о заимствовании образа Мир-Сусне-Хума предками ханты и манси у «южных скотоводческих племен» (читай — ирано-язычных) и последующей его трансформации под влиянием христианства. К слову сказать, вряд ли они правы, характеризуя одно из имен божества — Эква-пырище («Сынок женщины») — как результат «вульгаризации и упрощения исходных образов героической эпохи». Вероятнее всего, здесь мы имеем дело с исконно таежным и весьма древним типичным образом трикстера, на который наложился заимствованный южный образ «небесного всадника».

В целом разработка проблемы генезиса обско-угорской мифологической системы, и, соответственно, хронологическая стратификация пантеона, находится в начальной стадии, поэтому авторам надо было лишь акцентировать внимание на этом обстоятельстве, указав тем самым ее перспективность и актуальность.

К сожалению, и традиционные орнаменты представлены лишь этнографическими материалами, причем основное внимание уделено лишь технологической стороне явления. Говоря о декоративной функции, авторы лишь мельком упомянули о семантике узоров, хотя известно, что она несет этническую нагрузку и тем самым позволяет исследователям проследить генезис культурных традиций и, в конечном счете, реконструировать этногенез. За рамками повествования, таким образом, остались сюжеты, связанные с археологическими орнаментами на керамике и бересте (две представительные коллекции орнаментированных изделий из бересты из Нижнего Приобья авторам хорошо известны). А. Зыков и С. Кокшаров — признанные специалисты в типологии орнаментов на керамике, им, полагаю, удалось бы без особого труда показать генетическую преемственность древних и этнографических орнаментов, что, безусловно, было бы полезно и небезынтересно читателям. Видимо, основная причина отмеченных недостатков в их очерках — исходная ограниченность в объеме текста и, возможно, диктат концептуальной основы книги.

Чрезвычайный интерес представляет глава «Таинственные письмена» (Очерк 3. Обретение имен), написанная В.М. Морозовым. Она посвя-

щена проблеме пиктографического письма у обских угров. Автор приводит знаки, вырезавшиеся аборигенами тайги на затесах деревьев, и, анализируя точки зрения своих предшественников, приходит к выводу о том, что такие знаки — переходная форма от простейшего пиктографического письма к идеографическому. Рассказ В. Морозова отличается обстоятельностью, само явление рассматривается на широком историческом и географическом фоне. Обращение к этой полузабытой теме можно только приветствовать. Помимо чисто познавательного значенияopus В. Морозова еще и провоцирует дальнейшую разработку данного сюжета. Значимость изучения знаков на затесах выходит далеко за рамки этнографического явления: его истоки — в глубокой древности, что предполагает поиск аналогов среди археологических материалов (знаки на керамике и других материалах, наскальная живопись) и соответствующую интерпретацию.

Другая глава этого очерка — «Язык земли окрестностей Хуллора» принадлежит перу Т.Н. Дмитриевой, специалиста по топонимии обских угров. Собранные ею в бассейне Казыма хантыйские географические названия наглядно демонстрируют ценность этого вида источников для археологов, этнографов и историков. Жаль,

что творческое сотрудничество последних с лингвистами исчерпывается в книге лишь этой главой: потенциал топонимической школы А.К. Матвеева (Уральский госуниверситет) для реконструкции этногенеза обских угров, динамики их миграций и характеристики инкультурных субстратных, адстратных и суперстратных пластов трудно переоценить. Краткий очерк на указанные темы, несомненно, повысил бы «вес» книги, тем более что топонимика всегда вызывает интерес не только у исследователей, но и у широких масс населения.

Как всегда плодovit А.Т. Шашков: по объему текста он лидер авторского коллектива — четыре главы (одна из них — в соавторстве с Е.В. Вершининым). Хронологический интервал — XII–XVII века. Благодаря А. Шашкову, собственно, и началось движение популяризации древней и средневековой истории обско-угорского края. Нисколько не умаляя заслуг его великих предшественников (Г.Ф. Миллера и С.В. Бахрушина), надо признать, что во многом трудами этого автора позднее средневековье Северо-Западной Сибири стало обретать имена. Конкретные факты, доселе малоизвестные или вообще неизвестные, оригинальная трактовка исторических событий, дешифровка запутанных и зачастую искаженных сведений письмен-

ных источников, реконструкция «политической карты» средневековых княжеств обских угров — вот далеко не полный перечень достижений А. Шашкова на избранном поприще. Подкупает и его живой, динамичный стиль изложения материалов. В то же время, обращает на себя внимание такая характерная черта очерков А. Шашкова, как игнорирование других версий событий, представленных в исторической литературе. Автор предлагает читателю лишь собственное прочтение источников, оставляя другие варианты за рамками рассказа, хотя, не сомневаюсь, краткий исторический разбор последних, сопровождаемый его аргументацией, был бы в книге уместен. Возможно, «однолинейная» трактовка и дидактический подход объясняются тем, что А. Шашков пожалел неподготовленного читателя, освободив его от необходимости самому разбираться в разноречивых позициях исследователей.

Конечно, автор волен в своем подходе к подаче материалов, но, на мой взгляд, чрезмерная дидактичность способствует формированию у читателя ложного представления о том, что перед ним — единственная и окончательная версия исторических событий.

История — наука достаточно субъективная; движение к истине идет в противоборстве точек зрения, что, безусловно,

необходимо знать читателю. Сегодня, несмотря на заметную девальвацию веры в печатное слово, инерция прежнего отношения к исторической книге все же сильна. Не зря до сих пор нередко сталкиваешься с бытующим недоумением по поводу того, чем собственно занимаются историки: «Ведь в книгах давно уже все написано».

В очерке «Богатства стран полуночных» автор вновь обращается в периоду XII–XVI веков, казалось бы, уже освещенному А. Зыковым и С. Кокшаровым. Однако никаких повторов нет: взгляду археологов все-таки присущи «эпохальность» и некоторая схематичность, широкие «мазки» по живописному полотну реконструируемого периода; текст А. Шашкова, основанный на анализе данных письменных источников и картографического материала, отличается обилием конкретных фактов, событий, имен. Его «конек» — международное положение Югры, торговые связи и пути, военные конфликты и историческая география края.

Кстати, об этнопониме «югра». Ныне этот термин закрепился в общественном сознании, благодаря свойственной ему лапидарности и звучности, как неофициальный синоним ХМАО. В то же время, историкам известно, что в средневековье это понятие имело более узкое значение, будучи связано

с конкретной территорией в Северном Приуралье, где обитал эпонимный народ. Строго говоря, это была одна из северных групп обских угров. В связи с этим, то и дело встречающиеся в очерке А. Зыкова и С. Кокшарова выражения «югорские князья», «югорские вожди» и «население Югры» приобретают некоторую двусмысленность: речь идет об обских уграх вообще, но можно понимать и иначе, имея в виду Югорское (позднее — Ляпинское) княжество, одно из нескольких (к тому же, не самое мощное) обско-угорских предгосударственных территориальных образований. Перенос местного термина на всю общность обских угров для эпохи средневековья неприемлем. Видимо, учитывая это, археологи в том же тексте одновременно оперируют более широкими терминами: «угорский воин», «угорские племена»...

А. Шашков в своем очерке пытается внести ясность в историческое содержание термина «югра», опираясь на данные письменных источников. По его мнению, до середины XIV века народ югра обитал в Северо-Восточном Приуралье, в среднем течении Печоры, а затем, под давлением соседей и новгородцев, перевалил через Уральские горы и обосновался в бассейне Северной Сосьвы и в Обдоре. Автор намеренно обращает внимание читателей на фра-

зу из «Книги Большому Чертежу», текст которой восходит к концу XVI века, где говорится: «И те города по Сысве (то есть Сыгве) и по Сосьве — Югра».

Остается добавить, что версия А. Шашкова о первоначальной печорской прародине югры основана на летописных данных 1096 года, трактуемых историками неоднозначно. Сторонники сибирской прародины ту же фразу из летописи толкуют иначе. Происхождение самого термина «югра» автор очерка, вслед за другими историками, объясняет как внешний этноним, присвоенный этой группе северных угров коми-зырянами. При этом почему-то все забывают о том, что в несколько ином звучании данный этноним был известен и в более ранних источниках. Речь идет о все тех же степных уграх-савырах (ранний железный век), которых трудно заподозрить в контактах с коми-зырянами. В целом дискуссию о локализации югры все же нельзя считать завершенной. Ее решение — дело будущего. Новые аргументы в пользу той или иной точки зрения могут появиться в ходе сопоставления данных топонимики и археологии из районов предполагаемых прародин.

Очерк «А се, государь, мы люди дикие и кочевные» — результат новейших архивных исследований Е. Вершинина. Пожалуй, впервые со времен

Г. Миллера и С. Бахрушина история обдорской «самояди» XVII века получила углубленное продолжение. Непростые взаимоотношения самоедов с нижеобскими остяками, русскими служилыми, торговыми и промышленными людьми, а также с местной властью, иллюстрированы конкретными фактами и именами, многие из которых обнаружены автором в центральных архивах и публикуются впервые. Очевидно, дальнейшие поиски в этом направлении будут способствовать прояснению «туманного» периода в истории арктической окраины России.

Очерки 9–14, посвященные истории края в XVIII–XX веках, еще более насыщены конкретикой, что вполне естественно, учитывая обилие письменных источников. Перед их авторами, в связи с этим обстоятельством, стояли задачи иного характера: из обилия фактов и имен надо было выбрать наиболее значимые. Очерк Н.А. Миненко «Судьба православия на Обском Севере (XVIII—начало XX века)» основан на архивных документах, записках путешественников и свидетельствах очевидцев и участников событий. Обстоятельное и глубокое исследование проблемы сопровождается оценкой точек зрения исследователей. Пожалуй, это наиболее полное научно-популярное повествование на данную тему.

Авторы очерков 9–12 сосредоточили внимание на персоналиях: судьбы военнопленных, самозванцев, раскольников и политических ссыльных (очерки Н.Н. Попова), а также некоторых подвижников просвещения, культуры и образования (очерк В.К. Белобородова). Обращение к биографиям этих людей можно только приветствовать, так как имена некоторых из них мало что говорят многим нашим современникам либо настолько обросли легендами и вымыслом, что давно нуждаются в освобождении от вековой «шелухи». Кстати, не повезло опальному графу И.Ф. (А.И.) Остерману: в книге не нашлось места для его портрета, в то же время мельком упомянутые в тексте ссыльные Э.И. Бирон и Б.Х. Миних гордо и мрачно взирают на читателя.

К сожалению, наиболее насыщенные событиями постперестроечные годы в книге даны пунктирно, в оптимистическом стиле, в духе приснопамятных «Истории КПСС». Животрепещущие экологические проблемы и судьбы коренного населения в переломную эпоху фактически игнорированы. Три небольших абзаца, посвященных созданию и деятельности ассоциации «Спасение Югры» трудно считать достаточными для освещения всей многогранной проблематики, связанной с сохранением исторического наследия Югры, жизнью коренных обитателей края и возрождением этнических традиций

обских угров. В частности, ни слова не сказано о НИИ ВОУН, значение которой в жизни округа трудно переоценить.

Обращение к биографиям конкретных людей, оставивших след в истории края, будь то коренные сибиряки или «иноземцы», представляется удачным решением авторского коллектива. Понимая, что даже в рамках столь значительного тома трудно уделить достаточное место для всех, кто действительно достоин попасть в анналы Югры, выражу все же надежду, что ситуацию удастся поправить.

Белые пятна в истории края все еще остаются. Некоторые темы находятся в стадии разработки, другие еще ждут своего исследователя. Постоянно идет поиск новых материалов, появляются оригинальные интерпретации известных событий и явлений. В связи с этим авторы книги, безусловно, правы, назвав ее «очерками», тем самым не претендуя на исключительную полноту предлагаемой версии истории Югры и, видимо, подразумевая продолжение столь благого начинания.

Р.С. Жаль, что тиражи изданий «Волота» оседают, главным образом, на территории округа. Интерес к ним за пределами Югры чрезвычайно высок, так как аналогов не существует. Остается надеяться, что переиздания и новые «Очерки» не заставят себя долго ждать.

До публикации Ю. Переплеткина «Многолюдная тундра» (Лукич. 2000. №2. С. 11–20) ред-ко кто мог даже предположить, что автор «Янгал-маа» Михаил Павлович Плотников не исчез в конце тридцатых в застенках НКВД.

Тюменский краевед Александр Петрушин помог редакции журнала разыскать дело о расстреле, которое мы и печатаем практически без купюр и комментариев. Итак, неизвестные страницы жизни М. Плотникова.

Михаил Плотников*: *Из дела о расстреле*

Из протокола судебного заседания

1939 года сентября 10–11 дня, гор. Хабаровск, Военный Трибунал Нижне-Амурского Речного Пароходства, в составе: Председательствующего — Военного Юриста 1 ранга тов. Машкова, членов: т.т. Григорьева и Иванова при секретаре Технике-интенданте 1 ранга Хирнове,

Рассматривал в закрытом судебном заседании дело по обвинению б/литературного сотрудника редакции газеты «Пограничный водник» Плотникова Михаила Павловича в преступлении, предусмотренном ст.ст. 58-1 п. «а», 19-58-2, 58-10 ч.1 и 58-11 УК РСФСР.

Судебное заседание открыто в 12 часов 30 минут местного времени.

В суд вызывались и явились:

Обвиняемый — Плотников Михаил Павлович — доставлен под стражей.

Свидетели:

1) Фризендорф Максимилиан Юльевич — доставлен под стражей.

2) Данилович Лев Иванович — доставлен под стражей.

3) Горбунов Иннокентий Алексеевич.

4) Ермакова Мария Михайловна.

По ходатайству обвиняемого Плотникова вызвана в суд свидетелем гражданка Марущак Екатерина Григорьевна.

Устанавливается личность подсудимого: Плотников Михаил Павлович, рождения 1892 года, уроженец деревни Каменки, Новосибирского района, Западно-Сибирского края, гр-н СССР, русский, женатый, на иждивении имею 2 детей в возрасте 14–17 лет, по положению слу-

Окончание. Начало см.: 2000. ЧЧ. 5, 6.

Орфография и пунктуация дела о расстреле М. Плотникова сохранены.

жащий, по происхождению из крестьян. Образование (специальное по оленеводству) высшее, — окончил реальное училище и агрофак. Был на территории белых в 1917—20 г.г. в бытность сибирского правительствa, директории и Колчака. В то время работал в должности члена коллегии контроля Омской жел. дороги, ранее не судимый.

С текстом обвинительного заключения ознакомлен 3-го сентября 1939 года, под стражей по настоящему делу содержу с 4-го октября 1938 года.

Председательствующий предупреждает явившихся свидетелей об ответственности за дачу ложных показаний, после чего у них отобрана подписка и они удалены из зала суда.

Разъясняются права подсудимого на судебном следствии и право отвода суда. Объявляется состав суда, отвода не заявлено.

На вопрос Председательствующего какие у подсудимого имеются к суду ходатайства при заявлении перед началом судебного следствия и возможно ли слушать дело в отсутствие выставленных в ходатайстве обвиняемого свидетелей Михайлова Н. — работника Крайзу, и работников института оленеводства — Кожанова Ивана Ефимовича, Ивановой А.Т. и Погодина, которые выбыли из пределов ДВК.

Подсудимый Плотников: «Ходатайств к суду не имею и против слушания дела без свидете-

Фото из дела о расстреле. Единственная известная на сегодня фотография.

лей Михайлова, Кожанова, Ивановой и Погодина не возражаю».

**Военный трибунал
определил:**

Дело слушанием продолжать в настоящем его положении.

**Оглашается
обвинительное заключение**

На вопрос председательствующего — признает ли себя виновным подсудимый Плотников в предъявленном ему обвинении или не признает?

Подсудимый Плотников: «Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю».

**Показания
подсудимого Плотникова:**

По своему делу могу показать следующее:

Меня обвиняют в том, что я состоял членом организации «Сибирское областничество». Я не отрицаю этого, что до 1920 года увлекался этим вопросом, но членом этой организации я никогда не был.

Организация «Сибирское областничество» является общим сибирским течением, которое началось в 60-х годах прошлого столетия. Этим течением в особенности была охвачена ученическая молодежь Сибири.

В 1920 году, когда мне стало известно, что перспективы Советской власти перекрывают в отношении развития общества перспективы областничества, поэтому я совершенно откололся от областничества и всецело разделил взгляды большевиков.

Я должен сказать суду, что организация «Сибирское областничество» была использована буржуазией в борьбе с большевиками, т.е. буржуазия прикрывала реакционные силы областничеством и когда я об этом узнал, то стал против областничества.

На Дальний Восток я прибыл в 1931 году по приглашению Крайзу на работу по отрасли оленеводства, где я познакомился с Фризендорфом и др.

С Фризендорфом я близко познакомился в 1935 году, но вообще знал его с 1933 года. На квартире ни он у меня, ни я у него не были. Были однажды на одном из вечеров вместе у Данилович. Даниловича я знаю более близко чем Фризендорфа. Я у Даниловича бывал на квартире, иногда и он бывал у меня.

Гр-н Горбунова, Ермакову, Михайлова я знаю хорошо и бывал иногда с ними вместе на вечерах.

Профессора Погодина я совершенно не знаю, так как он выехал еще в 1933 году с Дальнего Востока.

В отношении свидетелей, вызванных по моему делу: Фризендорфа, Данилович, Горбунова и Ермаковой я могу сказать, что с Фризендорфом и Данилович у меня взаимоотношения хорошие и личных счетов не было, а с Горбуновым и Ермаковой взаимоотношения плохие, — имеются личные счета которые заключаются в следующем: в 1935–36 году я с Ермаковой

находился в близких отношениях, потом разошлись с ней и она познакомилась с Горбуновым, который через некоторое время тоже разошелся с ней, после этого она пыталась снова со мной сойтись, но я от этого отказался и Ермакова с тех пор мне мстит, а Горбунов как я считаю недоволен на меня за то, что я с Ермаковой жил, поэтому прошу суд учесть, что Горбунов и Ермакова могут дать показания неправильные — по злобе.

По предъявленному мне обвинению в том, что я якобы был участником организации «РОВС», я могу показать следующее: о том, что существует организация РОВС я узнал когда уже был арестован, — по показаниям Фризендорфа, до этого об этой организации мне ничего известно не было.

Собственноручные показания мной даны под видом опасения, что ко мне могут применять физическое воздействие на допросах. В этих показаниях есть часть ложного, но в основном они соответствуют действительности.

По показаниям Фризендорфа и Данилович, я якобы вел часто разговоры об областничестве, это неверно. Я помню случай, когда в разговоре с Даниловичем на одном из вечеров я ему рассказывал про областничество, но я не говорил, что это течение правильное, я высказывал что преследовало это течение, но в защиту его я не говорил ничего.

На меня так-же показывает Фризендорф, что я якобы во время продажи в Институт своей рукописи там с ним вел разговор об областничестве, это так-же является вымышленным. Никаких разговоров в то время я с Фризендорфом не вел.

31 декабря 1935 года вечеринка действительно была, на которой присутствовали Фризендорф, Данилович и др., но на этой вечеринке никаких контр-революционных разговоров не было, об областничестве я так-же ничего не говорил.

Показания Фризендорфа и Данилович я отрицаю.

Показания свидетелей Ермаковой и Горбунова являются пристрастными показаниями, так как Ермакова и Горбунов мной не довольны.

Председательствующий оглашает показания свидетеля Данилович л. д. 191–195.

Свидетель Данилович: «Показания свои подтверждаю полностью. Плотников на всем протяжении нашего знакомства при встречах систематически вел разговор в направлении того, что фашизм — это единственная правильная власть, которая должна будет сменить коммунизм. Фашизм идейно вооружен и основан на базе философии Гегеля. Поэтому сейчас идет противопоставление Гегелианства — Марксизму. Плотников так-же говорил, что коммунизм это вера недостаточно развитых умов, фашизм же есть философское уче-

ние, а не вера. Плотников прямо высказывал, что «Мы не советская интеллигенция, а ученые», «Мы сибиряки, а не русские — мы областники». Плотников говорил, что «Муссолини и Гитлер не такие дураки как их представляет советская власть».

Эти разговоры Плотниковым велись в мае-июне месяце 1936 года однажды в ресторане, а затем у меня на квартире в период моей болезни.

Насколько я помню это 1936 год, когда Плотников работал над селекцией пшеницы, в разговоре со мной заявил, что если ему удастся добиться успеха, то Иосиф Виссарионович не дожидется их все равно.

Плотников говорил, что рано или поздно Советской власти не будет — она падет, на смену ей придет фашистский строй, что фашизм это единственная сила в мире, которая может победить коммунизм, что только Германия может спасти Россию от коммунизма, а также и весь мир и она, Германия поставила своей целью покончить с большевиками и сейчас направляет все силы на эту борьбу для чего и создан «4-й Интернационал» — фашистский в противовес коммунистическому интернационалу.

Все то, что написано в моих показаниях на л.д. 191–195 правильно и я не знаю почему Плотников это отрицает».

Подсудимый Плотников: Показания свидетеля Данилович

отрицаю. Об областничестве я с Даниловичем действительно иногда вел разговор, но это было просто рассказ как о истории.

Свидетель Данилович: «Я показания подписал о том, что Плотников являлся одним из руководителей фашистско-областнической организации, но эти показания даны мной не начем не обосновано под нажимом следствия. Показания данные мной в августе 1938 года я отрицаю частично».

Показания свидетеля Фризендорфа

По делу Плотникова я могу показать следующее: с Плотниковым близко я познакомился в 1935 году, когда он приносил продавать свои рукописи в институт. Об антисоветском настроении Плотникова мне было известно от профессора Погодина, а потом я и сам лично убедился, что Плотников резко антисоветский человек, что и послужило поводом быстрого сближения меня с ним.

От профессора Погодина мне было известно, что в контрреволюционной организации действовавшей на Дальнем Востоке состоят так-же Данилович и Плотников, с которыми мне и нужно будет завязать связь. Официальной связи я с Плотниковым не завязывал — так чтобы вести с ним в открытую разговор по вопросу о нашей контрреволюционной организации или давать или получать от него какие либо за-

дания, но я при первом же разговоре с ним сразу убедился в том, что он так-же является членом нашей фашистской организации как и я, ставившей своей целью помочь Японии забрать ДВК и сделать автономную Сибирь.

Я считал и считаю, что о том, что мы: я, Плотников и Данилович знаем о принадлежности каждого из нас к контр-революционной организации РОВС (Русский общевоинский союз) в этом я не сомневаюсь, но почему они отказываются от этого я сказать не могу. За нашу контр-революционную работу нас, т.е. меня, Данилович и других Трибунал Армии скоро будет судить.

На путь контрреволюционной деятельности я стал с 1931 года я был связан с Германской разведкой, а потом мной было получено задание связываться с японской разведкой. Связь эта была осуществлена. Мне было известно, что за границей существует очень большая организация РОВС, но в СССР она имеет свои отдельные ячейки в одной из которых состояли я, Данилович и Плотников. Эти ячейки имели целью объединить в себе контр-революционные элементы находящиеся в СССР на ДВК для активной борьбы с большевизмом, а так-же для того, чтобы иметь точный учет и в случае оккупации советской территории можно было сразу опереться на надежных лиц. Кроме того, на нашей обязанности лежало вербовать как можно больше

новых членов организации. Эти задачи были известны не только мне как руководителю, но и Данилович и Плотникову. Одновременно с этим мы должны были заниматься вредительством, т.е. разваливать работу.

Плотников задачи РОВС знал и на практике это проводил в жизнь. В частности Плотников развалил работу оленеводства. Работая в оленеводстве он умышленно ничего не делал, в результате после развала работы его уволили. Плотников развалил работу также и по экспедиции. В результате всех кто был в экспедиции пересадили.

От Погодина мне было так же известно, что Плотников имеет связь с заграницей. В разговоре с Плотниковым мне он это также подтвердил. Когда Плотников вел разговор со мной об областничестве, то заявил, что возможно скорое свидание с Краковским — одним из руководителей и деятелей сибирского Правительства. Краковский якобы находится за границей. Областничество является тоже контр-революционной организацией и в областничестве Плотников состоял — это мне известно до 1937 года. В разговоре со мной в 1936 году Плотников широко развивал взгляды областничества и рассказывал мне о задачах областничества в настоящее время, это об автономии Сибири.

Я должен заявить суду, что как германская, так и японская

разведки свою основную работу проводили через членов организации РОВС.

Подсудимый Плотников: «Показания Фризендорф ложные, ни в какой организации РОВС я не состоял и о существовании ее узнал только во время следствия. Книгу я продавал не Фризендорфу, а директору института Земледелия».

Свидетель Фризендорф: «Книгу действительно покупал директор института, но это было исключительно по моей инициативе. Я знал, что книга ничего ценного для института не представляет, но я ее порекомендовал купить лишь потому, что продавал ее член РОВС. Я помню, что Плотников приходил в институт в пальто светло-желтого цвета, но сейчас твердо не могу припомнить».

В том, что Плотников является членом РОВС я убежден и своих взглядов от Плотникова никогда не скрывал, причем сам Плотников всегда мои взгляды поддерживал и высказывал свои взгляды так-же контр-революционного характера.

При встрече нового года на вечере у меня с Плотниковым действительно был разговор об областничестве, но я не припомню высказывал ли тогда Плотников мысль о распределении портфелей или нет, так как я был изрядно выпивши.

Подсудимый Плотников: «Показания Фризендорфа ложные. В библиотеке при прода-

же рукописи разговора об областничестве не было и я был не в пальто желтого цвета, а в сером. Пальто желтого цвета у меня не было и нет, что может подтвердить вызванная в качестве свидетеля Марущак».

Показания свидетеля Горбунова

По делу Плотникова я могу показать следующее: Плотникова я знаю с 1923 года по работе в гор. Чите, где Плотников работал в должности секретаря редакции журнала «Охотник Забайкалья». С конца 1923 по июнь 1934 года я с Плотниковым не встречался и встретился с ним уже в Хабаровске. Поскольку я был знаком с Плотниковым раньше, то я начал и в Хабаровске часто заходить к нему на квартиру, а так-же встречались с ним на улице и вели разговор. Из разговоров, которые имели место в период моего посещения квартиры Плотникова, это относится к периоду июнь-июль месяцы 1934 года, я пришел к выводу, что Плотников враждебно настроенный против Советской Власти.

Это явление подтверждается еще и тем, что Плотников в разговорах о Германии восхвалял фашиста Гитлера и фашистский строй. Плотников так-же высказывал свой взгляд за создание автономной Сибири. Однажды в разговоре на квартире у Плотникова последний заявил, что Советская Карелия в настоящее время представля-

ет сплошную ссылку — концлагерь и виселицы, тогда как ранее этот край был очень богатым и цветущим.

Однажды я зашел к Плотникову прямо с работы с газетой, где сообщалось, что прошел плебисцит в Саарской области, Плотников заявил, что: «А если-бы у нас провести в СССР такой же плебисцит что-бы получилось?». Из этого разговора я понял Плотникова, что он не был убежден в прочности советского строя.

На вечеринках Плотников всегда поднимал тост с возгласом «Хэйль» — это приветствие фашистов, а в разговорах о Германии, Гитлера называл Адольфом Ивановичем с ноткой уважения.

Плотников мне рассказывал, что когда он работал в Чите, то у него был очень хороший знакомый чех Хайт, который бежал за границу и сейчас проживает там. Хайт являлся со слов Плотникова областником.

О том, что Плотников занимался контрреволюционными разговорами — это я подтверждаю полностью, так как я это сам от него слышал.

Подсудимый Плотников:
Показания свидетеля Горбунова ложные.

Показание свидетеля Ермаковой

По делу Плотникова я могу показать следующее: Плотникова я знаю с 1932 года. Еще когда был жив мой муж, то Плот-

ников с ним часто имел споры на тему учения Маркса и Гегеля. Плотников отстаивал учение Гегеля.

Нужно сказать, что Плотников не только высказывал свои контр-революционные взгляды, но и не старался скрывать их. Еще в 1933 году, когда Гитлер приходил к власти, высказывал, что фашизм — это возвращение Гегелевщины на смену Марксизму, что сейчас в СССР проходит полоса средних умов, при этом сравнивал Гитлера с тов. Сталиным говоря, что Гитлер решает быстро и умно, а у нас вожди умами против Гитлера слабы.

Плотников говорил, что он ученик и последователь учения Гегеля, а не сторонник Советской власти, ну поскольку ему пришлось жить при советской власти ничего не поделаешь. Плотников говорил, что сейчас идет противопоставление учения Гегеля Марксизму. Христианство, как говорил Плотников пережило себя — это вера для рабов, коммунизм — это вера для недостаточно развитых умов, а фашизм — философское учение, — и оно придет на смену христианству и коммунизму.

При разговоре об оленеводстве и селекции зерновых культур, Плотников заявил, что он своих знаний никогда советской власти не даст и что многие ученые сибиряки умерли, но своих секретов для Советской власти не открыли; что он,

Плотников, чистокровный сибирик, а только такие лица могут быть президентами США.

При разговоре с Плотниковым еще в 1934 году, последний меня спросил: «Ты советский человек» и в заключение сказал, что «Скоро все переменится», — по разговору, который был до этой фразы я поняла, что Плотников ожидал какой-то перемены советской власти.

Подсудимый Плотников: Показания свидетельницы Ермаковой ложные, если и были у нас с ее мужем разговоры на политические темы, то я всегда стоял за Советский строй, а не против, Гитлера и фашистскую власть я не восхвалял.

Показание свидетельницы Марущак

На вопрос обвиняемого Плотникова свидетельница Марущак пояснила: Плотникова я знала с 1931 по 1933 год как соседа по квартире. Плотников все время ходил в пальто серого цвета, никакого пальто желтого цвета у Плотникова я не видела.

Мне было известно, что Плотников с Ермаковой были в близких отношениях, но потом разошлись и были в недружелюбных отношениях.

Вообще я Плотникова знаю мало и больше о нем ничего сказать не могу.

Вопросов у подсудимого Плотникова к свидетельнице Марущак не имеется.

В 17 часов 30 минут объявляется перерыв судебного следствия до 14 часов 11-го сентября 1939 года.

11-го сентября 1939 года в 14 часов местного времени судебное следствие по делу объявляется продолжающимся.

Подсудимый Плотников: Я виновным себя ни в чем не признаю. Ни в какой организации РОВС я не состоял и узнал о ее существовании только после ареста и очной ставки с Фризендорфом.

На вопрос Председательствующего: «какие у подсудимого Плотникова имеются к суду заявления или ходатайства, и к свидетелям вопросы, и чем он может дополнить судебное следствие».

Подсудимый Плотников: Вопросов к свидетелям, ходатайств к суду не имею и судебное следствие дополнить ничем не могу.

**Судебное следствие по делу
объявляется окончанным и
подсудимому предоставляется
последнее слово.**

Последнее слово подсудимого:

Я прошу суд обратить внимание на следующие обстоятельства:

Фризендорф на суде показал, что он со слов профессора Погодина знает, что я состою членом РОВС. Со мной же он по этому вопросу никакого разговора не вел, а только предполагает что я состоял членом

РОВС. Кроме того характерно отметить, что Фризендорф получив задание от профессора Погодина связаться со мной, как якобы членом организации РОВС еще в 1933 году, тогда как Фризендорф меня узнал в 1935 году во время продажи рукописи мной институту и тут Фризендорф не связался со мной по контрреволюционной работе, а только догадался по разговору, что я являюсь членом РОВС. Кроме того, с показаниями Фризендорфа у Даниловича имеются разногласия, — Данилович на суде показал, что на одной из вечеринок я занимался распределением портфелей министров, Фризендорф же этот факт отрицает.

Показания свидетелей Горбунова и Ермаковой сначала до конца вымышленные это на почве того, что они со мной имеют личные счёты.

Основное в чем я признаю себя виновным, это мое пребывание в организации «Сибирское областничество», но я прошу учесть, что это было до 1920 года и что цель этой организации не была контрреволюционной.

Суд удаляется на совещание для вынесения приговора

Оглашается приговор. Разъясняются срок и порядок его обжалования. Мэру пресечения впредь до вступления приговора в законную силу в отношении осужденного Плотникова Военный Трибунал определил:

Оставить прежнюю — то есть содержание под стражей в тюрьме гор. Хабаровск.

Судебное заседание в 17 часов 00 минут объявляется закрытым.

Председательствующий военный юрист 1 ранга (*Машков*)

Секретарь техник-интендант 1 ранга (*Хиринов*)

Копия.

Сов. секретно.

Экз. №7.

Отпечатано десять экземпляров.

Приговор № 72

Именем Союза Советских Социалистических Республик

1939 года, сентября 10—11 дня, Военный Трибунал Нижне-Амурского Речного пароходства в закрытом судебном заседании гор. Хабаровска, в составе Председательствующего — Военного юриста 1 ранга Машкова, Членов: Иванова В.П. и Григорьева, При секретаре-техник-интенданте 1 ранга Хиринове, Без участия сторон ВП и защиты.

Рассмотрев дело по обвинению литературного сотрудника редакции газеты «Пограничный Водник» Плотникова Михаила Павловича, рождения 1892 года, уроженца дер. Каменка Новосибирского района Западно-Сибирского Края, гр-на СССР, русского, неженатого, с высшим образованием, служащего — в преступлении предусмотренном ст.ст. 58-1 «а», 19-58-2, 58-10 и 58-11 УК

У П Р А В Л Е Н И Е
Государственного Комиссариата Внутренних Дел СССР по Дальневосточному Краю
У П Р А В Л Е Н И Е Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й Б Е З О П А С Н О С Т И

Действителен по № 193 г.

О Р Д Е Р № 036

Выдан сотруднику *Пол. Сидорова* 1938 г.

по повелению *М. М. Ковалев*

по поводу объекта и имени *Плотникова*
Михаила Павловича

адрес: *Капарово, Татарская д. 107*

ПРИМЕЧАНИЕ: Все подлежащие алии и граждане обязаны оказывать
указанному сотруднику полное содействие.

Служба Управления НКВД СССР по ДВК

Начальник 2-го Отдела УНКВД

ПРИСЛА:

Документ из материалов дела

Нашел установленным:

Плотников виновен в том, что состоял членом контр-революционных организаций под названием: «Сибирское областничество» и РОВС и на протяжении ряда лет с 1933 года по октябрь 1938 года, т.е. по день его ареста, совместно с организаторами и руководителями РОВС Фризендорфом, Даниловичем и другими систематически проводил в гор. Хабаровске подрывную, контрреволюционную работу, направленную к свержению Советской власти и установления капиталистического строя, т.е. **Плотников** виновен в преступлении, предусмотренном ст.ст. 58-1 «а», 19-58-2, 58-10 и 58-11 УК.

На основании изложенного, Военный Трибунал руководствуясь ст.319-320 находит, что предъявленное обвинение **Плотникову** является доказанным, поэтому

приговорил:

Плотникова Михаила Павловича по совокупности преступлений на основании ст.ст. 58-2 УК подвергнуть высшей мере социальной защиты — *расстрелять*, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Приговор может быть обжалован в Военную коллегия Верховного Суда СССР в кассационном порядке в течение 78 часов с момента вручения копии приговора осужденному.

Подлинный за надлежащими подписями.

Верно: Ст. секретарь ВТ
ВАРПа Технич. Интендант 1
ранга (Хирнов)

Сов. секретно.

Снято 4 копии.

Из определения № 004846-Р

Военной Коллегии
Верховного Суда Союза ССР

В составе: Председательствующего: Диввоенюриста — т. Романычева. И членов: Бригвоенюриста — т. Суслина Бригвоенюриста — т. Кандыбина.

Рассмотрев в заседании от 4 декабря 1939 года кассационную жалобу Плотникова Михаила Павловича на приговор ВТ Нижне-Амурского Речного пароходства от 10-11 сентября 1939 года по делу осужденного за преступления, предусмотр. Ст. ст. 58-1 «а», 19-58-2, 58-10 и 58-11 УК РСФСР — к высшей мере наказания *расстрелу*, с конфискацией всего лично

ему принадлежащего имущества. И заслушав доклад тов. Суслина заключение Главного Военного Прокурора тов. Пинаева *определила*:

Обвинение Плотникова по ст. ст. 58-1-а, 19-58-2, 58-10 ч.1 и 58-11 УК РСФСР, основано на показаниях главным образом Даниловича и Фризендорфа. Преступная деятельность Плотникова тесно связана с к-р деятельностью Даниловича и Фризендорфа и дело о них по единству намерения, должно быть соединено в одно производство. Кроме того по показаниям Фризендорфа к к-р деятельности причастен некий Погодин, однако следственными органами мер, к установлению личности Погодина, розыску, а равно и тщательной проверке его деятельности, совершенно не принято.

Деятельность Плотникова совершенно не расследована и по материалам дела не видно в какой области и в каких размерах Плотников причин. ущерб Народному Хозяйству СССР. Также не проверено следственным органом взаимоотношения Плотникова со свидетелями Ермаковой и Горбуновым.

В силу изложенного приговор Трибунала в отношении Плотникова отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. Дело для доследования направить через Главную Военную Прокуратуру РККА.

Подлинное за надлежащими подписями.

верно:

Пом. секретаря Военной Коллегии Суда Союза ССР — мл. лейтенант (Ехалов)

С подл. верно: Ст. секретарь ВП НАВБ Мл. Военный юрист (Вербицкий).

Сов. секретно.

27 апреля 1940 г.

Начальнику Следственной части УНКВД по № 0027 Хабаровскому краю капитану государственной безопасности тов. Лещенко

Возвращаю при этом следственное дело № 85649 по обвинению Плотникова Михаила Павловича по ст.ст. 58-1 «а», 19-58-2, 58-10 ч.1 и 58-11 УК РСФСР для доследования.

По делу необходимо:

1. Допросить свид. Данилович, путем которого подтвердить и уточнить его прежние показания на предварительном и судебном следствии.

2. Проверить взаимоотношения свид. Ермаковой и Горбунова с обвиняемым Плотниковым.

3. Установить, был-ли когда либо на ДВК в частности в Хабаровске профессор Погодин. Если был когда именно — какое время (с какого и по какой год), кто такой этот Погодин, где он работал находясь в Хабаровске и когда и куда убыл (указанные сведения очевидно можно будет добыть в мединституте).

4. Установить в какой области и хотя-бы примерно в каких размерах Плотников причинил государству ущерб в результате своей контр-революционной деятельности.

5. Уточнить литературную деятельность Плотникова, выяснив какие книги, брошюры и статьи он писал и что эти литературные труды собой представляют.

6. Уточнить прошлое Плотникова, в связи с его службой в Сибирском областничестве и у Колчака.

Прошу обеспечить окончание следствия по настоящему делу в самый короткий срок.

О времени допроса свидетелей и обвиняемого по делу прошу ставить меня в известность, в целях моего присутствия на допросах.

Врио Военного Прокурора
НАБ Военный юрист — /Ку-
щенко/

**Из протокола допроса
Ермаковой (май 1940 г.)**

***Показания свидетеля
Ермаковой.***

Вопрос: Скажите свидетель Ермакова, с какого время и как вы знали Плотникова Михаила Павловича?

Ответ: Плотникова М.П. я знаю с 1932 года как гражданина проживавшего по соседству в одном доме по день его ареста. Являясь соседями все вышеуказанное время, были не редкие, что заходил

он к нам в квартиру, заходили и мы к нему.

Вопрос: Расскажите какие у Вас были с Плотниковым взаимоотношения?

Ответ: До смерти моего мужа Ермакова Ивана Ивановича (до 1934 года) у меня лично с Плотниковым были взаимоотношения — обыкновенно-соседские, ничего общего у нас с ним не было, а также никогда не состояли в ссоре. После смерти моего мужа, Плотников, начал за мной ухаживать и даже одно время — в конце 1934 года, мы с ним жили. В начале 1935 года в результате личных неурядиц, я с ним всякую связь порвала и до дня его ареста я держала себя в отношении Плотникова, как совершенно не знакомая, даже при встречах не здоровались. Если конкретно рассказать о причинах разрыва моего знакомства с Плотниковым, то это дело было так: в процессе некоторого моего с ним близкого взаимоотношения, я убедилась, что все это знакомство является бесполезным, по причине того, что он был семейный и по ряду других причин, в результате я решила близкие взаимоотношения с Плотниковым порвать, но ссоры у нас никакой на этой почве не было. В начале 1935 года после того как мы с ним перестали быть близкими знакомыми, я как-то зашла в крайзу, где Плотников работал и попросила его возратить мне деньги которые он у меня ранее брал 500 р. и 200 р. Не знаю почему, но Плот-

ников на это мне ответил грубостью — «Чего Вы ко мне пристаёте; никаких денег я не знаю». После чего я перестала с ним разговаривать и ушла.

Вопрос: Скажите Ермакова, Вы свои показания данные Вами по делу Плотникова, на предварительном следствии от 15 июня 1939 г. и на суде 10-го сентября 1939 года помните?

Ответ: Я свои показания, данные мною по делу Плотникова, на предварительном следствии 15-го июня 1939 г. и на суде 10-го сентября 1939 г. хорошо помню.

Вопрос: В настоящее время Вы свои выше указанные показания в отношении Плотникова подтверждаете или нет?

Ответ: Свои прежние показания (от 15/VI и 10/IX 1939 г.) по делу Плотникова, подтверждаю полностью и считаю их правильными.

Из протокола допроса

1940 г. мая мес. 23 дня. Я, следователь с/ч УНКВД Допросил в качестве свидетеля Горбунова Иннокентия Алексеевича, 1905 года рождения.

Место рождения — Читинская обл, Казановские золотоприиски.

Место жительства — г. Хабаровск, ул. Шевченко 26, кв.17

Национальность — русский, гр-н СССР

Паспорт — 8/VII 1936 г. 2-ое отд. РКМ НКВД по ДВК УИ № 592077

Род занятий — редакция «ТОЗ», заводделом краевой информации

Социальное положение — служащий

До революции — служащий

После революции — служащий

Состав семьи — жена Лидия Александровна Логинова, рожд. 1915 г., сын Владимир Иннокентьевич Горбунов — 2 года, проживают: Шевченко — дом 26 кв.17.

Образование — неоконченное высшее. Художественный технический институт в Москве.

Партийность (в прошлом и настоящем) — б/п.

Каким репрессиям подвергался:

а). до революции — нет

б). после революции — нет

Какие имеет награды — нет

Категория воинского учета и где состоит на учете — техник интендант 2-го ранга-запаса. Хабаровский горвоенкомат.

Служба в Красной Армии (когда и в качестве кого) — с 1927 г. по 1928 г. в качестве рядового одногодичника.

Службы в белых и др. к-р армиях — нет

Участие в бандах, организациях и восстаниях — нет

Сведения об общественно-политической деятельности — нет

Об ответственности по ст. 95 УК РСФСР за дачу ложных показаний предупрежден.

Вопрос: Следствие располагает данными о том, что

Плотников был в близких связях с Ермаковой, после чего Вы стали в близких взаимоотношениях с Ермаковой и на почве этого имели злобу на Плотникова.

Ответ: Я это категорически отрицаю, за Ермаковой Марией Михайловной я никогда не ухаживал, стать доподлинно близким ее человеком, т.е. мужем я никогда не мечтал и чувств ревности или злобы на почве ревности к Плотникову не питал.

Вопрос: Вам зачитаны Ваши показания данные на суде 10 сентября 1939 г. Подтверждаете ли Вы их?

Ответ: Да, свои показания данные мной на суде по делу Плотникова 10 сентября подтверждаю полностью.

Вопрос: Что Вы еще можете добавить следствию по данному делу?

Ответ: Больше показать следствию по делу Плотникова не имею ничего.

**Из протокола допроса
свидетеля Лескова-Онгудинова**
23 мая 1940 года

Вопрос: С какого года знаете Вы Плотникова Михаила Павловича?

Ответ: Когда в 1935 году я был назначен начальником Управления Севера Крайзо, то здесь я узнал и Плотникова, который еще до моего поступления на работу, работал ст. зоотехником-оленоводом при крайзо.

Вопрос: Охарактеризуйте Плотникова как работника специалиста-оленовода?

Ответ: Плотникова я знаю по совместной работе с сентября м-ца 1935 г. и по май 1936 г.

К работе Плотников относился не добросовестно, за порученную ему работу не болел, вместо проявления своей инициативы, занимался лодыричеством, часто выпивал, что тоже отразилось на его работе. Большинство Плотников уделял своего времени — литературной деятельности. Помню в зиму 1935—1936 года Плотников написал книгу «Северное оленеводство ДВК» и до передачи ее в издательство он попросил меня познакомиться с этой книгой и дать свой отзыв. Я познакомился с этой книгой и написал о ней рецензию, которая была передана в редакцию журнала «На рубеже».

В общем книгу в своей рецензии я считал полезной, но вместе с этим я крепко критиковал Плотникова за его проявленный в этой книге либерализм по части антисоветской трактовки бывш. начальника Корякского ОКРЗУ — Ильина, в отношении инициативы бедняцкого середняцкого крестьянства по коллективизации оленеводства.

Суть антисоветской трактовки Ильина заключалась в следующем: не помню в каком году Ильин написал отчет о работе Корякского национального ОКРЗУ, в котором указывал, что

в период реконструкции сельского хозяйства убыль оленеводства произошла в следствии якобы того, что бедняцко-средняцкие слои национального населения были освобождены от эксплуатации кулачества.

Была ли издана вышеупомянутая книга Плотникова я не знаю, но что же касается моей рецензии к этой книге, то такая в печать выпущена не была.

Вопрос: Известно ли Вам какие либо факты о контрреволюционной деятельности Плотникова?

Ответ: Каких либо конкретных примеров контрреволюционной деятельности Плотникова я не замечал, но сказать что он чисто советский человек я возраживаюсь по следующим соображениям: Плотников по ряду мероприятий партии и Правительства в полушутливом тоне высказывал свои сомнения. Из этого я делаю вывод, что у Плотникова проявлялось неприятие к мероприятиям нашей партии и правительства.

Вопрос: Проживая солидное количество лет в пределах Д.В.К. известна ли Вам была такая фигура как профессор Погодин который работал в пределах ДВК, в частности в Хабаровске.

Ответ: Как личность профессора Погодина я совершенно не знаю, но слышал от многих и из литературы мне известно, что примерно в пределах 1925 года по 1930 год в пределах ДВК какой то научный работник — Погодин

был, кто он такой и какие его последствия мне не известно.

Протокол записан с моих слов правильно, мною лично прочитан: И. Лесков

Допросили: следователь с/ч УНКВД По Хабаровскому краю /Федорко/ Врио Военного прокурора НКВД, Военный юрист /Кушченко/

Характеристика

На быв. ст. специалиста по оленеводству р-нов Севера ДВКрайЗО — Плотникова М.П.

На основании письма зоотехника-олeneвода КрайЗО т. Петрова, о работе Плотникова М.П. в управлении севера и приказа КрайЗО №209 от 21/VII-37 г. об увольнении его с работы, характеристика работы Плотникова в КрайЗО определяется следующим образом.

Плотников работал в управлении Севера КрайЗО с 1932 по 1937 год по договору в качестве специалиста по Северному оленеводству. Получал за работу по договору 1000 рублей зарплаты в месяц. Как специалист хорошо знает оленеводство, тундроведение, геоботанику и вообще всесторонне развит. В производственной работе и орг. вопросах инициативы не проявлял, к своему делу относился пассивно, проявлял бездеятельность, лодыричество и рвачество.

В то же время Плотников проявлял стремление к научным вопросам оленеводства, сотрудничал в печати по вопросам фоль-

клора (устного народного творчества) народов севера и пр., что определяется, как стремление получения дополнительного заработка к получаемому в сумме 1000 руб. по договору с КрайЗО.

В общественной жизни коллектива участия не принимал. В бытовом отношении Плотников вел себя, как человек разложившийся, исключительный пьяница. Согласно сообщения т. Петрова (зоотехника КрайЗО, Плотников определяется в своей деятельности, как типичный представитель старой технической интеллигенции. Уволен с работы по приказу КрайЗО №209 от 21/VII—37 г. за проявленную полную бездеятельность, неспособность выполнять обязанности старшего специалиста по оленеводству.

И.О. нач. Военного отдела Хабаровского КрайЗО (Гаврилов)
Зав. С/Ч Воен. отдела (Куликов)

**Протокол допроса
обвиняемого Плотникова
Михаила Павловича**

4 июля 1940 г.

г. Хабаровск Допрос начат
в 10 ч. 20 мин.

Вопрос: Вы Лескова-Онгудинова Ивана Максимовича знаете?

Ответ: Да, Лескова Ивана Максимовича я знаю.

Вопрос: Как Вы его знаете?

Ответ: Знаю я его с 1935 г. Он работал нач. управления Северного с/х-ва и оленеводства Крайзу. Здесь при управлении

я — Плотников работал специалистом по оленеводству. Летом 1936 г. он — Лесков был назначен в экспедицию наркомзема СССР по землеустройству.

Вопрос: На какой Ваш труд, Лесков писал рецензию?

Ответ: На какую именно книгу я сейчас не помню, но возможно, что Лесков писал рецензию на книгу по оленеводству.

Вопрос: Был издан Ваш труд «Северное оленеводство ДВК»?

Ответ: Нет, эта книга не издана, она находится в рукописи.

Вопрос: Вы свою книгу «Северное оленеводство ДВК» давали читать Лескову?

Ответ: Да, давал. Он — Лесков много просматривал написанных мною трудов.

Вопрос: Писал-ли Лесков рецензию на написанную Вами книгу «Северное оленеводство ДВК»?

Ответ: На эту книгу Лесков рецензию не писал. На рукопись книги «Северное оленеводство ДВК» отзыв и рецензию писала бригада института северного оленеводства в Ленинграде под руководством профессора Сочава и Виноградова. Лесковым была написана статья об оленеводстве и северном х-ве и передана в редакцию журнала «На рубеже». К книге эта статья Лескова никакого отношения не имеет.

Вопрос: Какой отзыв на Вашу книгу был дан Ленинградским институтом северного оленеводства?

Ответ: Ленинградский институт северного оленеводства дал благоприятный отзыв, и признал книгу заслуживающую к печатанию.

Вопрос: Вы сдали эту книгу «Северное оленеводство ДВК» в печатание?

Ответ: Данная книга была передана в крайплан, откуда должна была передаться в печать, но зав. сектором науки Цимек предложил мне уменьшить эту книгу, и эта книга по вине Цимека не была издана.

Вопрос: Если Ленинградский институт северного оленеводства дал хороший отзыв на Вашу книгу и признал, что книга заслуживает печатания, то какое имел основание Цимек предложить Вам уменьшить книгу в объеме, т.е. кое-что выбросить?

Ответ: Чем руководствовался Цимек мне не известно, но я как автор отстаивал то, что бы с написанной мною книги ничего не выбрасывать.

Вопрос: Вы говорите не правду, книга написанная Вами по северному оленеводству была недопущена к печатанию потому, что в ней был проявлен либерализм по части антисоветской трактовки быв. нач. Корякского ОКРЗУ — Ильина в отношении инициативы бедняцко-средняцкого крестьянства по коллективизации оленеводства. Отвечайте!

Ответ: Я говорю правду, что никаких трактовок в этой книге написанных не было, никакого Ильина я не знаю, и кни-

га мною была написана по плану Крайплана, либерализма в ней никакого не было и не могло быть. Вопрос о скорейшем выпуске этой книги разбирался на партсобрании крайплана по предложению партконтроля.

Вопрос: Вам зачитываются показания Лескова (зачитано). Вы намерены говорить следствию правдиво?

Ответ: Этот вопрос который мне зачитали с показаний Лескова в моей книге абсолютно не затрагивается.

Вопрос: В собственноручных показаниях Вы сами писали о том, что в своих трудах Вы протягивали областничество. Вы дадите следствию правдивые показания?

Ответ: Я заявляю, что собственноручные показания написаны мною сначала и до конца вымышлено, я их давал под физическим воздействием. И все работы там указанные, являются совершенно вымышленными.

Вопрос: На суде 11 сентября 1939 г. Вы заявили, что на Вас дают показания Ермакова и Горбунов — ложные, поскольку у Вас имеются между ими личные счета. Почему Вы на допросе 9 июня 1939 г. дали показания, что между Вами и Ермаковой взаимоотношения были нормальные. Чем это объяснить?

Ответ: С Ермаковой у меня были близкие взаимоотношения, а потом когда приехала жена, я связь с ней порвал, никогда после этого я с ней не разговаривал.

В последствии за Ермаковой стал ухаживать Горбунов, который через некоторое время порвал связь с Ермаковой. Кроме того я узнал, что Ермакова была дочерью городского головы г. Пудожа, а также и легкомысленность Ермаковой, это все и послужило разрыву связей между мной и Ермаковой.

Вопрос: Вы говорите неправду. Вам зачитываются показания Ермаковой о том, что свои показания она дает правдивые, и никаких личных счетов у нее к Вам небыло (*зачитано показание Ермаковой*). Отвечайте!

Ответ: Я считаю, что Ермакова дает ложные показания, на основании личных счетов которые были между мной — Плотниковым и Ермаковой. Никаких денег о которых говорит Ермакова я у нее не брал.

Вопрос: Вам зачитываются показания Ермаковой от 23 мая 1940 г. (*зачитано*) о том, что Ермакова с Горбуновым не имела никаких взаимоотношений и знает Горбунова лишь постольку, поскольку он заходил к Вам на квартиру. Отвечайте?

Ответ: Это гнусная ложь. Горбунов даже несколько раз ночевал у Ермаковой, может подтвердить Марущак, Ковтуненко и Картавий.

Вопрос: Вам зачитываются показания Горбунова от 23 мая 40 г. который показал, что взаимоотношения между Вами и Горбуновым были нормальные (*зачитано*). Отвечайте?

Ответ: До того времени пока Горбунов не ухаживал за Ермаковой, у меня с Горбуновым взаимоотношения были нормальные. После сожительства Горбунова с Ермаковой, взаимоотношения между мной — Плотниковым и Горбуновым стали не нормальные.

Вопрос: Вам зачитываются показания Горбунова о том, что он никогда за Ермаковой не ухаживал (*зачитываются показ. Горбунова 23 мая 40 г.*). Вы избрали провокационный метод оклеветать свидетелей. Давайте показания по существу!

Ответ: Это не правда. И я настаиваю на том, что Горбунов был в близких взаимоотношениях с Ермаковой, о чем он подтвердил на суде.

Вопрос: О том, что Вы проводили антисоветскую пропаганду, восхваляли Гитлера, а также выражали недовольство Советской властью, Вас также избличает свидетель Марущак Е.Г. Вы намерены говорить правду?

Ответ: В присутствии Марущак, а также и вообще, я никакой антисоветской пропаганды не проводил.

Вопрос: Вам зачитываются показания свидетеля Марущак Е.Г. от 25 мая 1940 г. Вы и эти показания отрицаете?

Ответ: С Марущак у Ермаковой на квартире я никогда не выпивал. Единственный раз Марущак была на квартире у меня при выпивке где присутствовали Тюляшев, Горбунов, врач Кали-

новская, зоотехник Иванова, заходил Сажин агроном Крайзу, была Щирица, Ермакова в начале присутствовала, а потом ушла, куда впоследствии ушел и я.

Вопрос: Какие были разговоры при выпивке?

Ответ: Разговоры были исключительно в большинстве по работе, т.е. по оленеводству. Горбунов дикламирровал стихи Есенина. Разговоров же антисоветского характера никаких не было. С моей стороны никаких антисоветских высказываний не было. Может быть были антисоветские разговоры без моего присутствия, т.е. в то время когда я уходил к Ермаковой в комнату. Что же касается Марущак, то она здесь присутствовала не более 30 минут.

С 1935 г. с Марущак я никакой связи не имел, даже и не здоровались. Еще прошу записать что Марущак в то время проживала в одной квартире с Ермаковой и со мной — Плотниковым.

Я еще хочу добавить, что Ермакова после разрыва связей с Горбуновым написала мне письмо, о том, чтобы я снова сошелся с ней жить, на которое я ничего не ответил.

После этого, Ермакова снова назначила мне, чтобы встретиться и кое о чем поговорить, на что я согласился и мы встретились на квартире у Коршунова Василия Николаевича где Ермакова снова завела разговор о возобновлении наших связей, на что я отказался. Еще была встреча с Ермаковой в Крайзу, когда она ко мне пришла

требовать деньги, на что я ответил, что у меня с ней всякие расчеты закончены давно, на что она мне ответила, еще посмотрим.

Протокол записан с моих слов правильно, мною лично прочитан

Допрос окончен в 15 часов 45 минут.

Допросил: Следователь с/ч УНКВД по ХК /Федорко/

**Из протокола
судебного заседания Военного
Трибунала 2-й Отдельной
Краснознаменной Армии
13 сентября 1939 г.**

Из показаний Фризендорфа:

В мае 1937 года Данилович дал мне стенографический отчет о работе Крайплана, где указывалось на плохую работу Крайплана.

31 декабря 1935 года я был приглашен к Даниловичу на встречу нового года. На этой вечеринке был некто Плотников, с которым меня познакомил Данилович и этот Плотников выражал в разговоре недовольство деятельностью коммунистического интернационала. Это все, что я знаю о Даниловиче.

В гор. Хабаровске организации «РОВС» как таковой не было. Были отдельные лица, которые считали себя членами этой организации и только. Руководства также никакого не было.

Верно: Суд. Секретарь ВТ ДВ Фронта Мл. военный юрист (Бесполов)

ХАРАКТЕРИСТИКА.

ПЛОТНИКОВ М.И. родился в редакции газеты "Иограничнй
Волни" в качестве литературного сотрудника со 2 марта по 4 сеп-
тября 1938 года. Как сотрудник он очень пассивный, т.е. много ла-
зал материала в газету, с его стороны имелись нехорошие т.е.
рвения тонкости, он доходил чуть ли не до торговли в оплате
государства. В общественной жизни не принимал никакого участия, од-
нажды хотел коллектив редакции и типографии выйти на субботник,
он не пошел. Во короткое пресечение он келс инсо изучен, но в
содем пресечении пресечении" угрожает со стороны традициями.

17/31-39г.

Документ из материалов дела

Протокол объявления Обвиняемому об окончании следствия.

1940 г. сентября 7 дня
г. Хабаровск

Я, следователь следствен-
ной части УНКВД по Хаба-
ровскому краю — Федорко,
объявил обвиняемому Плот-
никову Михаилу Павловичу о
том, что предварительное
следствие по делу, по которо-
му он обвиняется по ст. 58
п.п. 1 «а» — 19-58-2 — 58-10
ч.1 и 58-11 УК РСФСР закон-
чено, и что ему согласно ст.
206 УПК РСФСР предостав-
ляется право ознакомления со
всеми следственными матери-
алами дела состоящими из
одного тома, и заявить хода-
тайство о дополнении след-
ствия новыми данными.

Обвиняемый Плотников
ознакомившись со всеми след-
ственными материалами, зая-
вил следующие ходатайства:

1. Прошу приложить
к делу документы изъя-
тые у меня при аресте:

а). отношение совнар-
хоза о назначении меня
председателем коллегии
контроля Омской жд.

б). документ о том,
что я принимал участие в
1917 г. в Пролетарской ре-
волюции и укреплении
советской власти.

в). документ Дальрев-
кома о моей работе в
Дальревоме.

г). копию решения нарсуда
г. Хабаровска от июля 1937 г. по
моему делу.

2. Достать газету «Сибирс-
кий вестник» издававшуюся
август-сентябрь 1918 года, где
я был уволен из контрольно-
омской дороги за причастность
к большевизму.

3. Допросить свидетелей
Иванову Серафиму Меленть-
евну — работала в Ленингра-
де в институте оленеводства,
и Кажанова Ивана Ефимови-
ча — работает в Москве, ра-
ботает в наркомземе — бота-
ник.

Сажина Николая Ивановича — работал в Управлении Се-
вера агрономом.

Обвиняемому Плотникову о
дальнейшем направлении дела
по подсудности через прокуро-
ра НАУРПа разъяснено.

Обвиняемый Плотников с
делом знакомился лично нео-
граниченное количество време-
ни с 11 часов до 12³⁰.

Протокол записан правильно, мною лично прочитан.

Объявил: Следователь с/ч УНКВД по ХК (Федорко)

«Утверждаю»

Нач. с/ч УНКВД по Х.К.
Капитан гос. без. (Лещенко)
7 сентября 1940 г.

Постановление.

1940 г. сентября 7 дня
г. Хабаровск

Я, следователь следственной части УНКВД по Хабаровскому краю — Федорко, рассмотрев ходатайства обвиняемого Плотникова Михаила Павловича заявленные им при предъявлении материалов следствия, — Нашел:

Обвиняемый Плотников М.П. при предъявлении ему материалов следствия согласно ст. 206 УПК РСФСР, заявил ходатайства:

1. Приложить к делу документы изъятые при аресте:

а) отношение совнархоза о назначении его председателем коллегии контроля Омской ж. д.

б) документ о том, что он принимал участие в 1917 г. в Пролетарской революции и укреплении советской власти.

в) документ Дальревкома о его работе в Дальревоме.

г) копию решения нарсуда г. Хабаровска от июля 1937 г. по моему делу.

2. Достать газету «Сибирский вестник» издававшуюся август-сентябрь 1918 года, где он был уволен из контрольно-

омской дороги за причастность к большевизму.

3. Допросить свидетелей Иванову Серафиму Мелентьевну — работала в Ленинграде в институте оленеводства, и Кажанова Ивана Ефимовича — работает в Москве, работает в наркомземе — ботаник и Сажина Николая Ивановича — работал в Управлении Севера агрономом.

Принимая во внимание, что приобщение к делу Плотникова документов, изъятых при аресте, а именно выше перечисленные справки, а также приобщение к делу газеты «Сибирский Вестник» за 1918 год, и допрос свидетелей Ивановой С.М., Кажанова И.Е. и Сажи-на А.И. не имеют для дела никакого существенного значения и в дело ясности не внесут.

В отношении приобщения к делу копии нарсуда г. Хабаровска по иску Плотникова во время работы ст. специалистом северного оленеводства, на стр. 215 имеется справка о том, что дело по иску Плотникова в нарсуде не значитися, а поэтому, руководствуясь ст.ст. 114 и 206 УПК РСФСР *постановил:*

Обвиняемому Плотникову Михаилу Павловичу в заявленных им ходатайствах о допросе лиц и приобщении к делу документов *отказать*, о чем объявить обвиняемому Плотникову в настоящем постановлении под росписку.

Следователь с/ч УНКВД по Х. краю (Федорко)

«Согласен»

Замнач с/ч УНКВД по Х.К.
лейтенант Г.Б. (Куракин)

*Постановление читал 7 сен-
тября 1940 г. Плотников*

**Выписка из протокола
Судебного заседания Военного
Трибунала 2-й Отдельной
Краснознаменной Армии
13 сентября 1939 г.
Из показаний подсудимого
Даниловича.**

Пред-щий: Вы подтвержда-
ете свои показания данные на
предварительном следствии?

Подсудимый: Все свои по-
казания я категорически отри-
цаю.

Пред-щий: Что вы подтвер-
дите конкретно о Фризендор-
фе и Плотникова?

Подсудимый: Разговоры с
Фризендорфом о шпионаже были
в 1935 году он предлагал мне про-
честь литературу по шпионажу я
дал согласие прочесть литерату-
ру. Он рассказал мне, что он,
Фризендорф, в 1901 г. был на
китайской границе и носил ки-
тайскую форму. Имеются подо-
зрения, что Фризендорф был раз-
ведчиком русской военной раз-
ведки, рассказывал как посыла-
лось вооружение на Кавказский
фронт, вагоны с замками для ору-
дий отцепили, и получилось, что
орудия прибыли без замков. В
отношении Плотникова у меня
только подозрение, в 1935 году
Плотников сказал мне, что Фри-
зендорф намечается Военным
Министром Внутренних дел, а

меня Министром Земледелия и
этот разговор для меня был очень
странным.

Пред-щий: Подсудимый
Фризендорф вы помните такие
разговоры?

Подсудимый Фризендорф:
Нет, я таких разговоров не по-
мню.

Пред-щий: Что вы знаете о
книге, в которой регистрирова-
лись все экспедиции.

Подсудимый: Эти книги до
меня вел секретарь, секретности
она никакой не представляла. По
распоряжению начальника сек-
тора Захарова я эту книгу пере-
дал Фризендорфу для составле-
ния маршрута, но из этих запи-
сей никакого маршрута сделать
нельзя. Без расписки я никако-
го материала никому не выдавал.
По предложению Цимек я был
уволен из Крайплана, разговор
о коминтерне не помню.

**Пред-щий к подсудимому
Фризендорфу:** Какие разговоры
были о Коминтерне?

Подсудимый Фризендорф: Это
разговоры были Плотникова.

Пред-щий: Зада-
ния контр-революционного харак-
тера Погодин вам давал?

Подсудимый: Никаких за-
даний я не получал от Погоди-
на. Потанин это при царском
строе был послан в Сибирь.
Хурдай я видел в Хабаровске в
редакции ТОЗ, в 1936 году он
был арестован и в администра-
тивном порядке выслан в Ка-
захстан, заданий связанных с
Хурдай мне никто не давал.

*Военному Прокурору Нижне
Амурского речного пароходства
Следственно-заключенного
Плотникова Михаила Павловича,
Хабаровская тюрьма
НКВД № 1. Камера № 23*

Заявление

4 июля с.г. началось следствие моего дела. Прежде всего, что я хочу отметить, что в протокол Суда Военного Трибунала от 10—11 сентября 1939 года не занесено ни одного моего вопроса к свидетелям и их ответы на таковые, несмотря на просьбы мои о фиксации их; кроме того имеются крупные неправоильности как например, в самом начале указано, что я «состоял членом Коллегии Контроля омской ж.д. в период белой власти», когда в действительности на эту должность я был назначен Советской властью, о чем свидетельствует удостоверение Записбсовнархоза от 1918 года, изъятое при обыске, отметка в паспорте и мое алиби. В период колчаковщины, с сентября 1918 года я жил в г. Камне и с июля 1919 г. г. Красногорске. Об этом имеются также документы, изъятые у меня при обыске. Наконец, вместо свидетельницы Серафимы Мелентьевны Ивановой разыскивалась Анна Тимофеевна Иванова.

Я не знаю, в каком разрезе пойдет следствие, но в данный момент должно быть учтено, что гр. Данилович, оклеветанный Фризендорфом, как член РОВСа — оправдан и находится на свободе. Фризендорф клеветал на него и отмечал, что его «деятельность» якобы тесно связана со мной. До самого последнего времени нет никаких показаний проф. Погодина, в присутствии и со слов которого якобы Фризендорф убедился, что Данилович член РОВСа была названа моя фамилия. Сам Фризендорф судом Военного Трибунала 2 ОКА разоблачен как провокатор и оклеветанные им лица, оправданы. Наконец, в деле продолжают фигурировать фамилии свидетелей Энгельгарда и Одерского. Эти лица показывают, что «они слышали от Фризендорфа» и только странно почему они вообще упоминаются в обвинительном заключении. В настоящее время их необходимо передпросить, к тому же Одерский, лицо мне неизвестное. Определение Кассационной Коллегии Верховсуда СССР, отмечает, что ни следствие, ни суд не выяснили в чем же заключалась «моя (несуществующая) контрреволюционная деятельность». Все вышеизложенное заставляет меня думать, что следствие само снимет клеветническое, лживое заявление Фризендорфа и отменит фигурировавшие в моем обвинении ст.58 п.1а, 2 и 11.

Военному Прокурору Нижне-Амурского речного пароходства.
Заключенного следственного
Плотникова М.П.; Хабаровская
Тюрьма № 1, НКВД

Во время моего ареста при обыске у меня изъят ряд руко-

писей научных трудов, имеющих большой научный интерес и значение, как-то по оленеводству, этнографии, палеонтологии и др., а также материалов (результат многолетних работ), и письма Горького ко мне. Независимо от моей судьбы, признавая ценность материала для науки, я хотел-бы произвести разборку материала и передачу (если возможно) в научное хранилище. Также прошу Вас сообщить о сохранности их. О последующем прошу уведомить.

25 июля 1940 г.

подпись

*Военному прокурору 2 ОКА
Следственного заключенного
Плотникова Михаила Павловича,
Хабаровская тюрьма НКВД
№ 1.*

4 июля с.г. началось исследование моего дела согласно определения Кассационной Коллегии Верховного Суда СССР. В этом определении между прочим сказано, что мое дело должно разбираться с делом Фризендорфа-Даниловича и других, которые были судимы в сентябре 1939 года. Между тем, мое дело разбиралось в Военном Трибунале Нижне-Амурского речного пароходства 11 сентября 1939 года.

5-го июля 1940 года при свидании моем с прокурором Нижне-Амурского водного транспорта я задал аналогичный вопрос о подсудности моего дела, объяснив ему, что ос-

новной моей работой являлась служба в Нижне-Амурской землеводоустроительной экспедиции НКЗ СССР, о чем у меня изъято удостоверение при аресте 4/Х-38 г. В редакции же газеты «Пограничный водник» я работал как литературный сотрудник и по существу служебным временем не был связан. Таким же сотрудником я был у журнала «На рубеже» (Хабаровск), «Соцземледелие» (Москва) и пр.

Не вдаваясь в разные подробности и сущность дела, которое доследованием заканчивается, прошу разъяснить мне этот вопрос, затронутый в отмене приговора Кассационной Коллегией Верховного Суда СССР. Просьба не отказать в Вашем уведомлении.

5 июля 1940 года

подпись

Военному прокурору Нижне-Амурского речного пароходства следственного заключенного Плотникова М.П., Хабаровская тюрьма НКВД №1.

В начале мая месяца т.г. я заметил резкое понижение зрения. Это ухудшение продолжается до настоящего дня. За период май-август зрение ухудшилось настолько, что в 3-4 шагах я не вижу и не различаю черты лица человека. Я обратился к тюремному врачу, который предложил мне самому «подобрать очки». Но очки не помогли. Затем после настой-

чивых хлопот меня свозили на осмотр в горбольницу. Врач горбольницы без просвечивания дна хрусталика, путем показывания пальцев и букв и линз прописал мне очки и определил, что у меня обычная близорукость. Позднее я узнал от следователя Федорко, что якобы имеется акт, в котором моя глазная болезнь рассматривается как симуляция.

Гр. Прокурор! Я слепну. Симуляция, я думаю, может быть выяснена, к тому же она мне ничего не дает и не может дать и вообще я не симулянт. Я знаю, что мои глаза больны и с каждым днем болезнь прогрессирует. Обычное понижение зрения за три месяца не может быть столь велико. Ясно, что глаза лечат не только очками. Характерно и то, что вечером, при электросвете я вижу несколько лучше; на солнце очень плохо. Я просил консервы или цветные очки, но, ясно, безрезультатно. Гр. Прокурор, обращаюсь к Вам с просьбой о спасении зрения. Мне хотелось чтобы окулист сделал просвечивание дна хрусталика, определил склонения черных точек, плавающих в глазу и определил причину и наметил борьбу. Я могу сказать только одно, что через пару месяцев я буду почти слепым. Должен отметить, что мое арестантское положение и без того мрачно.

5 августа 1940 г.

подпись

Из письма

к военному прокурору

Относительно моего, так называемого, собственноручного показания, то я неоднократно заявлял, что я его писал под пытками следователя Каскевича и оно является плодом фантазии, чтобы избавиться от стойки и битья: последняя редакция мной была не подписана. О моей «областнической» деятельности нет ни одного факта. Все статьи, которые якобы я писал, не существуют, в союзе Сибирских писателей я не состоял и все лица, о которых я писал, просто мной оклеветаны, а часто выдуманы. Ни каких показаний этих лиц нет и следствие, не имея никаких материалов, хитроумно прилепило это обвинение к РОВС т.е. клевете на меня Фризендорфа. Если аналитически подойти к «этой новелле», то вздорность его очевидна. Например, Жернаков, никогда не занимавшийся литературой, указан как организатор союза Сибирских писателей, этнограф Н. Ядринцев, умерший в 1922 году фигурирует как мой знакомый и пр.

Наконец, мне кажется, что необходимо подвергнуть тщательному анализу показания Горбунова и Ермаковой, данные ими в 1939 году. Достаточно указать на курьез (отмечено в протоколе суда) — Горбунов какого-то мифического чеха Хайта (фамилия не чешская) делает сиб. областником. Ерма-

кова безнадежно путает Гегеля и Гитлера (беседы с мужем) причем беседы с Ермаковым имели место в 1932 г, когда Гитлер не был у власти и не было ни каких Саарских голо-сований. Горбунов на суде заявляет, что знал о Ермаковой, а в последнем показании туманно говорит, что «не думает с ней иметь супружеское событие». Наконец, Ермакова на помощь, видимо по оговору выдвигает в качестве свидетельницы Мару-мак. До сего времени не обра-щено внимание, что показания Ермаковой, есть результат до-носа Горбунова в 1934 году на меня, сделанного в НКВД (г. Хабаровск) где он Ермакову за-шифровал фамилией «Мамон-товой», о чем и проболтался на суде. Горбунов оказался на-столько предусмотрительным, что сделал задним числом с меня и Ермаковой фото, кото-рые имеются в агентурном деле, прихватив проживавшую в то время Щерицу. Кроме этого он стащил у меня записную книж-ку. Мне кажется, что свидете-ли С.М. Иванов и И.Е. Кожанов, Е.Н. Калиновская, Щери-ца (жена), Н. Сажин могли бы разоблачить этих клеветников. Наконец, Горбунов умалчивает о факте, что после чтения стихов Есенина я его выгнал из квартиры.

Гр. Прокурор, прошу Вас ускорить, если возможно мое дело в части доследования, так как почти двухлетнее сидение

мое достаточно подорвало организм.

15 июля 1940 г.

подпись

Военному Прокурору Ниж-не-Амурского речного пароход-ства следственного заключен-ного Плотникова Михаила Павловича. Хабаровская тюрь-ма № 1, НКВД.

Я Вам писал несколько раз и просил Вас — выяснить мес-тонахождение моей семьи. В настоящее время перед моими глазами прошел целый ряд слу-чаев, когда прокуратура сообщала следственным заключен-ным о их семьях. Мне кажется, что я имею право на подобный ответ, а поэтому обращаюсь к Вам с просьбой о сообщении (где моя находится семья) и разрешения мне получения от нея денежных и вещевых пере-дач. В случае выезда моей се-мьи из Хабаровска ее можно разыскать по следующему адре-су: г. Красноярск, Красноярс-кого края, Вейнбула, 31, д. Ма-танцева, Александре Васильев-не Гарченко или Василию Ма-танцеву, которые могут дать о ней сведения. Надеюсь на этот раз я получу от Вас какой-ни-будь ответ.

В заключение прошу Вас ускорить мое следствие (не вы-зываюсь с 5 июня с.г.) и дать ответ мне на мое ходатайство по вопросу об ученых трудах и материалах, изъятых у меня при обыске. Ответы на эти заявле-

ния мои также остаются без всякого ответа.

20 августа 1940 г.

подпись

*Военному Прокурору
Нижне-Амурского речного пароходства след. закл.
Плотникова Михаила Павловича, Хабаровская тюрьма
НКВД, № 1, кам. № 23.*

Заявление

Прошу Вас не отказать в уведомлении:

1). Где и за кем числится мое дело, которое мною было подписано (окончание следствия) 7 сентября с.г.

2). Сообщить моей семье о моем местонахождении: г. Красноярск (Восточная Сибирь) ул. Вейнбул 31 Александре Васильевне Гарченко, для Плотниковой Людмилы Петровны;

3). Разрешить моей семье посылать мне материальную помощь — денежную и почтовыми посылками.

Я обращаюсь к Вам пятый раз по вопросам 2 и 3 и надеюсь на сей раз, ввиду окончания следствия Вы уважите мою просьбу.

12 октября 1940 г.

подпись

г. Хабаровск

Военному Прокурору Нижне-Амурского речного пароходства заключенного следственного Плотникова Михаила Павловича Хабаровская тюрьма НКВД № 1.

Прошу Вас сообщить — где находится моя семья и разрешить получение от нея денежных и вещевых посылок. Прошу Вас ответить т.е. с этой просьбой обращаюсь к Вам третий раз. Отказать или разрешить.

5/VII 40.

Подпись

Протокол № 81

**Подготовительного заседания
Военного Трибунала Нижне-Амурского речного пароходства**

18 октября 1940 года.

гор. Хабаровск

Слушали: Дело № 0068 о предании суду б. литературного сотрудника редакции газеты «Пограничный водник» Плотникова Михаила Павловича по ст.ст. 58-1 «а», 19-58-2, 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР.

Дело в ВТ поступило 23 сентября 1940 года из ВН НАВБ с обвинительным заключением, составленным следователем следчасти УГБ УНКВД т. Федорко. Обвинительное заключение утвердил пом. Военного Прокурора НАВБ — Военный юрист тов. Кушенко.

Обвиняемый Плотников М.П. находится под стражей в тюрьме №1 г. Хабаровска с 4 октября 1938 года.

(доклад тов. Волкопылова, содоклад тов. Лихачева)

Материалы дела собраны с достаточной полнотой и предъявленное обвинение Плотникову Михаилу Павловичу по ст.ст. 58-1 «а». 19-58-2, 58-

10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР квалифицировано правильно, а поэтому Военный Трибунал

Определил:

Обвинительное заключение утвердить. Плотникова Михаила Павловича предать суду по ст.ст. 58-1 «а». 19-58-2, 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР.

Дело назначить к слушанию в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты, с вызовом свидетелей: Ермаковой М.И., Горбунова И.А., Лескова-Онгудинова И.М., Марущак Е.Г. и Данилович Л.И.

Меру пресечения для обвиняемого Плотников оставить прежнюю, т.е. содержание под стражей.

Подлинный за надлежащими подписями.

Верно:

Секретарь ВТ АРЦа Техник-интендант 1 ранга (Березин) подпись

Протокол судебного заседания

1940 года, ноября 4 дня, Военный Трибунал Нижне-Амурского Речного Пароходства в гор. Хабаровске, в составе: Председательствующего — Военного Юриста 1 ранга Лихачева, членов: т.т. Марочник и Лызова, при секретаре — Технике-Интенданте 1 ранга Березине, без участия обвинения и защиты.

Рассматривал в закрытом судебном заседании дело по обвинению Плотникова Михаила Павловича в преступлении

ях, предусмотренных 58-1 «а». 19-58-2, 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР.

Судебное заседание открыто в 10 часов 00 минут

В суд вызывались и явились:
Обвиняемый Плотников Михаил Павлович — доставленный под стражей.

Свидетели:

1. Марущак Екатерина Григорьевна

2. Мисюль Иосиф Петрович

3. Ермакова Мария Михайловна

4. Горбунов Иннокентий Алексеевич

В судебное заседание не явились свидетели: Лесков-Онгудинов — по неизвестным для суда причинам и Данилович — отсутствует в связи с тем, что не розыскан, т.к. из Хабаровска убыл неизвестно куда.

Устанавливается личность подсудимого: Плотников Михаил Павлович, 1892 года рождения, по происхождению и положению служащий, уроженец д. Каменка, Новосибирской области, русский, со средним образованием, беспартийный, ранее не судимый. Самостоятельно работаю с 1913 года. Специалист по оленеводству. Из родителей был жив отец, где он в настоящее время находится — не знаю.

С копией обвинительного заключения ознакомлен 2 ноября 1940 г. Под стражей к настоящему делу содержусь с 4/X-1938 года.

Председательствующий предупреждает явившихся свидетелей об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК ч. 2-й, после чего у них отбирается подписка и они удаляются из зала суда.

Председательствующий спрашивает мнение подсудимого о возможности слушания дела в отсутствие неявившихся свидетелей Лескова-Онгудинова и Даниловича.

Подсудимый Плотников настаивает на вызове в суд указанных свидетелей.

Совещаясь на месте, суд *определил*:

Принимая во внимание, что местопребывание Даниловича неизвестно, что показания его в деле имеются, а что Лесков-Онгудинов является не основным свидетелем и его показания в суде существенных изменений по делу внести не могут, — дело слушанием продолжать в отсутствии указанных свидетелей и в случае надобности — огласить имеющиеся в деле их показания.

Председательствующий разъяснил подсудимому его права во время судебного следствия, спрашивает его: «Имеются ли у него какие либо ходатайства до начала судебного следствия?»

Подсудимый Плотников заявил: «Настаиваю на вызове в суд свидетелей указанных в моих ходатайствах от 18/Х и 2/Х с.г., а именно: Мисюлина, Кожанова, Иванову, Щерица, Сажина,

Фризендорфа, Чараева, Лежнина, Покус, Зимина и Боголепова. Все эти свидетели могут опровергнуть обвинение меня в какой-бы то нибыло к/р деятельности. Последних двух свидетелей прошу вызвать для подтверждения того факта, что Фризендорф еще в период предварительного следствия занимался провокацией.

Кроме того, прошу приобщить к делу документы, указанные в моем заявлении от 18 октября с.г.

Военный Трибунал, совещаясь на месте, *определил*:

В связи с тем, что место пребывания свидетелей Кожанова, Ивановой, Чараева, Лежнина и Покус обвиняемым не указано и для суда неизвестно, что Фризендорфа вызвать в суд не представляется возможным — в ходатайстве обвиняемому в вызове этих свидетелей отказать.

Вопрос о вызове в суд отдельных свидетелей по ходатайству подсудимого — оставить открытым и разрешить в конце судебного следствия, в зависимости от хода последнего. Точно также в конце судебного следствия разрешить ходатайство подсудимого о приобщении к делу указанных выше документов.

Затем председательствующий объявив состав суда, спрашивает подсудимого: «Не заявляет ли он отвода составу суда?»

Подсудимый Плотников отвода составу суда не заявил.

«УТВЕРЖДАЮ»
Заместитель начальника Управления по
надзору за исполнением законов о
государственной безопасности
Прокуратуры СССР
Государственный советник юстиции
3 класса

Л. Ф. Космарская
"19" ноября 1991 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

в отношении Плотникова М.П.
по материалам уголовного дела № УУ-670

Фамилия, имя, отчество Плотников Михаил Павлович

Год и место рождения 1892 г., д. Каменка Новосибирской обл.

Место работы и должность перед арестом Литературный сотрудник ред. газеты "Погранич-
ный водник"

Место жительства до ареста г. Хабаровск, ул. Запарина, 67

Данные о родственниках Жена Плотникова Людмила, сын Юрий

Дата ареста, какому органом арестован, когда, какому судебным органом и какому обвинению осужден
Арестован 4.10.38 г. УНКВД по Дальневосточному краю.
По приговору военного трибунала Никто-Амурского речного пароходства
от 4.11.40 года, оставленному определенному Военной коллегией Верховного
суда СССР от 14.2.41 года, по обвинению в проведении антисоветской
агитации по ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР осужден к 7 годам лишения свободы.

Рассмотрев материалы дела, НАХОЖУ:

Имя Плотникова Михаила Павловича

распространяется действие ст. 1 Указа Президента СССР от 13 августа 1990 года «О восстановлении
прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов», как незаконно репрессированный он по
настоящему делу подлежит реабилитации.

Прикрепил управление
прокуратуры СССР

А. К. Воробьев

А. К. Воробьев

"19" ноября 1991 г.

Документ из материалов дела

Суд переходит к судебному
следствию.

Председательствующий огла-
шает обвинительное заключение,
разъясняет подсудимому
Плотникову сущность предъяв-
ленного ему обвинения и спра-
шивает его: «Признает ли он
себя виновным в этих обвине-
ниях и желает ли по существу
таковых дать суду свои объяс-
нения?»

Подсудимый Плотников
ответил: В тех обвинениях, ко-
торые мне предъявлены, винов-
ным себя не признаю и объяс-
нения дать желаю».

393

Показания подсудимого Плотникова:

4-го октября 1938
года я был арестован
органами НКВД и по-
сажен в тюрьму. За ка-
кое преступление я был
посажен — мне не
было известно. Потом,
когда начались допро-
сы, следователь Каске-
вич требовал дать по-
казания о моем участии
в контрреволюционной
организации РОВС и
«Сибирских областни-
ков», при этом приме-
нял методы физическо-
го воздействия. Требо-
валось с меня следова-
телем и то, чтобы я дал
показания о том, что
был членом правитель-
ства «Уфимской Ди-
ректории». В результа-

те этих требований и появились
мои собственноручные показан-
ия, в которых часть имен вы-
мышленных, а часть действитель-
но существующих и существую-
щих может быть сейчас, но в це-
лом эти мои показания вымыш-
ленные.

О существовании контрре-
волюционной организации под
названием «Сибирских област-
ников» я не знаю. Знаю лишь,
что в дореволюционное время в
Сибири возникло течение сре-
ди некоторых общественных де-
ятелей под названием «Сибирс-
кое областничество». Начало

этому течению положил Потанин в 60-х годах прошлого столетия. Этот Потанин за идеи автономии Сибири царским правительством арестовывался и осуждался. Учащаяся молодежь увлекалась этими идеями. Я, когда учился в Томске, также сочувственно относился к сибирскому областничеству. После же революции и в период гражданской войны я об этом течении ничего не знал и не знаю, тем более, как о контрреволюционной организации.

На вопросы суда, подсудимый Плотников ответил: ни с Потаниным, ни с Ядринцевым я не был знаком и переписки с ними не вел. Я знал о них в связи с тем, что занимался литературной деятельностью и в период работы в редакциях читал их журнальные статьи, либо статьи других литераторов по поводу идей Потанина и Ядринцева.

О том, что Потанин в 1917 году в Томске в течение 2-х недель возглавлял какой-то временный Сибирский Совет — я не знал, т.к. в этот период в Томске не был.

Когда умер Потанин я не знаю.

В период Уфимской директории и колчаковщины я проживал в Сибири, но никакого участия в этих правительствах не принимал и какой-либо борьбы с Советской властью не вел, т.к. работал сначала в Управлении ж.д., а затем на периферии в кооперативной организации.

Подсудимый продолжает давать свои показания.

О существовании организации РОВС в гор. Хабаровске я не знал. Никакого участия в контрреволюционной деятельности не принимал. С Фризендорфом впервые встретился очевидно в 1933 году в научно-исследовательском институте, но близкого знакомства не было с ним. Немного близко познакомились с ним в 1934 году, когда сдавал Фризендорфу написанную мною книгу об оленеводстве.

Вторично встретился с Фризендорфом на вечеринке у Данилович под новый год в 1936 году. Никаких разговоров на этом вечере по поводу фашизма и деятельности 3-го интернационала, а тем более разговоров к/р порядка, я не вел.

Данные показания на меня Фризендорфом считаю провокационными. Чем объяснить показания Данилович о том, что я вел к/р разговор не знаю.

Показания свидетелей Ермаковой и Горбунова являются клеветническими, основанными на личных неприязненных взаимоотношениях. Когда я порвал связь с Ермаковой, то с ней стал сожигать Горбунов. Свидетельница Ермакова показывает о том, что еще при жизни ее мужа будто-бы я последнему высказывал к/р настроения. Если бы это было действительно так, то я давно бы сидел, т.к. муж Ермаковой был партийным работником,

работал к Крайкоме ВКП(б) и очевидно не стал бы слушать к/р разговоров. С мужем Ермаковой у нас были разговоры по философским вопросам, где упоминался Гегель, при этом Ермаков хорошо знал диалектику Маркса и в этих разговорах я кое-что почерпнул от него.

Показания свидетеля

Горбунова:

(Иннокентий Алексеевич, 1905 года рождения, в ссоре и родстве с обвиняемым не состоит).

На вопрос Председательствующего к свидетелю Горбунову подтверждает ли он свои показания, данные им на предварительном и судебном следствиях в 1940 году?

Свидетель Горбунов ответил:

«Да свои показания подтверждаю и могу показать следующее: Плотникова я знаю с 1923 года по работе в гор. Чите. С конца 1923 года по июнь 1934 года с Плотниковым я не встречался и встретился с ним в Хабаровске. Будучи знаком с Плотниковым, я часто бывал у него на квартире. Однажды, я зашел на квартиру к Плотникову, в это время там присутствовали Тюменцев, Иванова и Ермакова, разговаривая на забайкальском жаргоне, т.к. все присутствующие были из Забайкалья, речь зашла об организации Читинской области. Правда, всего разговора не помню, но хорошо помню, что Тюменцев говорил о том, что хотя и образуется область, но характер, обы-

чай и традиции не сохранились и что поэтому область не вызывает симпатии. Плотников, считая себя сибиряком, мнение Тюменцева поддерживал.

При следующей встрече у Плотникова речь зашла о Карелии, о ее красоте природы, изображенной в картинах художника Билибина. Плотников при этом сказал, что Карелия сейчас выглядит иначе, там всюду высатся вышки концлагерей, да тюрьмы.

В другой раз зайдя к Плотникову, где происходила выпивка я сообщил, что в Саарской области происходит плебисцит — это было сообщение ТАСС в газете, которая у меня в это время имела. Плотников на мое сообщение сказал: «Интересно, если-бы у нас в стране провести такой плебисцит, какой бы итог был, какое количество голосов получило бы настоящее правительство».

Из этого разговора я заключаю, что Плотников не особенно верил в крепость советского строя. На всяких вечеринках, устраиваемых в квартире у Плотникова он часто поднимал тост, произнося «хейль». Когда разговор заходил о Гитлере, то Плотников называл его Адольфом Ивановичем.

Из этих всех разговоров я заключил, что Плотников настроен антисоветски, а поэтому постепенно прекратил с ним близкое знакомство.

На вопросы суда, **свидетель Горбунов ответил:** Разговор о Карелии на вечеринке зашел потому, что Ермакова родилась в Карелии. И об изменившемся ландшафте Карелии говорил Плотников, а не я. Когда Плотников говорил о Гитлере и называл его Адольфом Ивановичем, то говорил именно с ноткой уважения, так как восторгался его деятельностью.

На вопросы подсудимого **свидетель Горбунов ответил:** Точно передать разговора по поводу создания Читинской области не помню, но суть его в том, что создаваемая Читинская область будет не той, какой она была в прежние времена. Это высказывал Тюменцев, который происходит из казаков и служил у белых. Плотников не соглашался с доводами Тюменцева.

Подсудимый Плотников поясняет: Разговор о Читинской области я не помню, возможно он и был поскольку и я, и Горбунов и Тюменцев знали Читинскую область, т.к. бывали там.

Разговор же о ландшафте Карелии завел именно Горбунов, так как собирался ехать туда и интересовался у Ермаковой ландшафтом, как художник. Что же касается картин художника Билибина, то я не мог знать об этих картинах, так как не художник, и стало быть не мог начать разговора о Карельском ландшафте. Гитлера «Адольфом Ивановичем» называл именно иро-

нически, так как он насколько я знаю не Иванович. При тостах на вечеринках никогда не произносил «хейль».

На вопросы Председательствующего, **свидетель Горбунов ответил:**

Я свои показания подтверждаю и они являются правдивыми. Никакой злобы на Плотникова за то, что он сожительствова с Ермаковой я не имею.

Председательствующий оглашает л.д. 266.

Свидетель Горбунов поясняет на вопрос председательствующего: Под ухаживанием и близким человеком я понимал, когда давал показания, именно стать мужем, но т.к. мужем Ермаковой я не собирался быть, то показывал, что в близких отношениях с ней не был и не ухаживал за ней.

На вопросы суда, **подсудимый ответил:**

Был случай, когда у меня на квартире была компания в составе: Ермаковой, Тюменцева, Кожанова, Ивановой и Горбунова. Здесь Горбунов за выпивкой декламировал какое-то стихотворение Есенина и здесь же зашел разговор о ландшафте Карелии. При этом разговор завел сам Горбунов, так как его ландшафт Карелии интересовал как художника. При этом, сам же Горбунов говорил о том, что ландшафт Карелии уже не тот, т.к. там вышки ИТЛ и проч. Теперь же Горбунов этот разговор относит ко мне.

Погодина я не знал и не знаю. Я познакомился с показаниями Погодина, где он вспоминает, что в Крайзу обращался по служебным вопросам не то к Плотникову, не то к Постникову. Действительно в Крайзу был заместителем начальника Постников и очевидно Погодин к нему обращался, я же, повторяю, не знал Погодина.

Никаких намеков на вербовку меня в какую-то вредительскую организацию Фесек мне не давал. Я просто оклеветал Фесека, поскольку с меня требовали дать показания на Фесека.

На следствии мне предлагали дать показания на Фризендорфа и на Даниловича, но я еще не знал в чем обвиняюсь и поэтому отказался давать ложные показания на них.

О «Сибирском областничестве» возможно я и говорил когда либо с Фризендорфом или Данилович, но если и говорил, то как о течении дореволюционного периода, а не к/р организации при советской власти.

Показания свидетельницы Ермаковой:

(Мария Михайловна, 1909 года, беспартийная, в ссоре и родстве с обвиняемым Плотниковым не состоит).

Плотникова знаю с 1932 года. При жизни мужа Плотников часто бывал у нас на квартире и беседовал с мужем.

Он весьма критически подходил к мероприятиям сов. власти и можно было заключить что он не сторонник существующего строя. После разговора с Плотниковым мой муж говорил, что Плотников является полноценным специалистом, но что он со странными взглядами интеллигента. Плотников даже в домашнем быту не является вполне советским гражданином, жена у него верующая а поэтому, если-бы он являлся вполне советским гражданином, то он таким-бы оставался и в быту.

Припомнить разговора Плотникова о философском учении Гегеля я сейчас не могу.

Председательствующий оглашает показания на л.д. 208.

Да, свои показания я подтверждаю. Плотников восхищался быстротой и решительностью действий Гитлера. Сравнивая Гитлера с мировыми именами он например говорил, что Сталин несмотря на все его заслуги не является исторической личностью, т.к. Сталин среднего ума человек, а Гитлер с умом большого размаха.

На вопросы Председательствующего свидетельница Ермакова ответила:

Точно припомнить всех разговоров Плотникова с мужем не могу, но знаю, что Плотников много говорил о Гегеле.

Муж мне не говорил о том, что Плотников ведет к/р разговоры и сама я не счита-

ла эти разговоры контрреволюционными, а лишь как разговоры не совсем советского человека, человека со старыми взглядами.

Тот факт, что человек является религиозным еще не говорит о его контрреволюционных настроениях, это лишь характеризует его как человека с отсталыми взглядами.

Заданный подсудимым Плотниковым вопрос свидетельнице Ермаковой о ее взаимоотношениях с Горбуновым, Председательствующий отвел, т.к. суд считает, что взаимоотношения Ермаковой и Горбунова достаточно выяснены.

На вопрос Председательствующего, свидетельница Ермакова ответила, неприязненных отношений между нами, Плотниковым и мною, не было.

Пояснения подсудимого

Плотникова:

В 1934 году никаких выборов не было а Гитлера я восхвалять не мог и вообще разговора о Гитлере в 1934 году не было. Я считаю, что показания Ермаковой записаны не Ермаковой, а что эти показания записаны в редакции следователя Петрова. Показания свидетельницы Ермаковой я категорически отрицаю.

Свидетельница Ермакова:

Свои показания я подтверждаю полностью.

Показания свидетельницы

Марушак:

(Екатерина Григорьевна, 1910 года рождения, беспартийная, в ссоре и родстве с обвиняемым не состоит).

Плотникова я знаю с 1932 года, как соседка по квартире. О Плотникове и его контрреволюционных высказываниях я ничего не знаю. Однажды, летом в 1934 году, будучи в квартире Плотникова где присутствовали я, Ермакова и Горбунов, во время разговора Плотникова с Горбуновым по вопросу коллективизации, Плотников сказал, что «вот подождите еще пару годиков», но как это надо было понимать я сейчас сказать затрудняюсь.

Вообще Плотников мне казался не советским человеком, он не принимал участия в общественной работе, не ходил на собрания, демонстрации и вообще стоял в стороне от общественной жизни.

Свидетель Горбунов: Разговора о коллективизации я не помню, но считаю, если-бы разговор носил контрреволюционный характер, то я его запомнил-бы.

Свидетельница Ермакова:

Такого разговора не припомню.

На вопросы суда **свидетельница Марушак** ответила: В отношении восхваления Гитлера Плотниковым я слышала от Ермаковой и кроме того сама слышала, когда Плотников говорил, что Гитлер поставит

крепкую власть в Германии и что Плотников вообще Гитлером и всей его политикой восхищался.

Плотников: Разговора о коллективизации и о Гитлере в такой плоскости, как указывает свидетельница Марущак, я не помню. Что касается того, что я не участвовал в общественной работе — это правильно, так как я большую часть сидел дома и готовил литературные работы, но в больших демонстрациях я участвовал.

Показания свидетеля

Мисюль

(Иосиф Петрович, 1886 года рождения, гл. бухгалтер Крайзу, в ссоре и родстве с обвиняемым не состоит).

Свидетель **Мисюль** на вопросы подсудимого Плотникова и суда **ответил:** После решения суда о восстановлении Плотникова на работе в Крайзу, ему действительно выплачивались деньги, но какая сумма была выплачена не помню. Какая ставка заработной платы была у Плотникова в тот период, сказать сейчас затрудняюсь.

Плотникова знаю по Крайзу очень немного, т.к. ни по работе, ни в быту я с ним не сталкивался. Но со стороны сотрудников слышал, что отношение его к работе было не совсем хорошее. Больше сказать о нем ничего не могу.

На вопрос Председательствующего к подсудимому

Плотникову: «Имеет ли он вопросы к свидетелям или нет и не возражает ли освободить последних?»

Подсудимый Плотников:

Вопросов к свидетелям не имею и об освобождении их с судебного заседания не возражаю.

Председательствующим оглашаются выписки из показаний Фризендорфа и Данилович, данных ими на судебном заседании ВТ 2-й Отдельной Красной Армии 13 сентября 1939 года.

Подсудимый Плотников:

Озорина я совершенно не знаю. Разговора о правительстве на вечеринке не было и я к правительству отношения никакого не имел. Разговора о деятельности коминтерна не было, но мне помнится, что был разговор о старом Хабаровске, о его неблагоустройстве. Фризендорфа в такой обстановке я видел первый раз и поэтому в силу чего-бы я стал вести такие разговоры для меня не понятно.

На вопрос Председательствующего: «Чем он может дополнить судебное следствие?»

Подсудимый Плотников ответил: По показаниям свидетелей я должен сказать, что свидетельница Ермакова на предварительном следствии дала показания, записанные самим следователем Петровым. Горбунов, мне кажется, в этом деле сыграл некрасивую роль,

но что его заставило так показывать, для меня непонятно. Марушак выдвинута против меня, как свидетельница, просто для счета.

На вопрос Председательствующего: «Поддерживает ли подсудимый Плотников ходатайства, заявленные им в начале судебного следствия?»

Подсудимый Плотников: На удовлетворение ходатайств, заявленных мной в начале судебного следствия — настаиваю.

Военный Трибунал определил: В связи с тем, что вопросы, по которым подсудимый Плотников ходатайствует о вызове свидетелей Щерица, Сажина, Зимины и Боголепова и приобщении документов, указанных в заявлении от 18 октября с.г. — выяснены с достаточной полнотой, в ходатайстве этом отказать.

На вопрос Председательствующего к подсудимому Плотникову, чем он может дополнить судебное следствие?

Подсудимый Плотников судебное следствие ни чем не дополнил.

Председательствующий предоставил последнее слово подсудимому Плотникову.

Последнее слово подсудимого Плотникова:

Гр-не судьи, в последнем слове хочу сказать, что я являюсь жертвой клеветы со стороны Фризендорфа и Данило-

вич. Фризендорф показывает, что Погодин в 1933 году указал ему на меня и просил связаться со мной как участником РОВСа, в то время как Фризендорф знает меня лишь с 1935 года.

Данилович показал на себя очень много в одном из своих показаний на стр. 161, где он показывает, что о контрреволюционной работе Плотникова он мало знает.

Краеугольным камнем моего обвинения началось с Погодина. В протоколе допроса Погодин говорит, что Плотникова не знает.

Все мои показания даны под физическим давлением и все написанное есть сплошная ложь. Если посмотреть мою биографию, то можно видеть, что в 1917 году к приходу советской власти, я был выдвинут членом контроля Омской ж.д. В своей последующей работе я не вижу ничего позорящего меня. Я сын крестьянина, мой отец часть своей жизни занимался крестьянством, а после работал приказчиком. Сам я честно работал на всем протяжении своей трудовой деятельности. Я участвовал в создании новой науки об оленеводстве на ДВК, создал кафедру оленеводства и написал ряд книг по этому вопросу. В отношении журналистики я имею отзыв Горького находящийся в моих документах.

Показания свидетелей Горбунова и Ермаковой являются сплошной клеветой, построенной на личных счетах, которую они поддерживают и в настоящем судебном заседании.

Гр-не судьи я вот уже в течение 3-х лет нахожусь в заключении, из них 90 дней просидел в камере смертника. Виновным себя не признаю, я никогда не был контрреволюционером и никакой контрреволюционной работой не занимался.

Я надеюсь на справедливость суда и прошу вынести мне справедливый приговор.

В 15 ч. 00 минут военный трибунал удалился на совещание для вынесения приговора по делу.

В 16 ч. 00 м. Военный Трибунал возвратился из совещательной комнаты, огласил приговор, разъяснил срок и порядок его обжалования. Меру пресечения Плотникову впредь до вступления приговора в законную силу Военный Трибунал

Дело № 0068 К о п и я.

Приговор № 60

*именем Союза Советских
Социалистических Республик*

1940 года, ноября 4 дня, Военный Трибунал Нижне-Амурского Речного Пароходства в закрытом судебном заседании в гор. Хабаровске:

Рассмотрев дело по обвинению Плотникова Михаила

Павловича, 1892 года рождения, по происхождению и положению служащего, уроженца д. Каменка Новосибирской области, русского, со средним образованием, беспартийного, ранее не судимого — в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «а», 19058-2, 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР.

Данными судебного следствия Военный Трибунал установил:

Что Плотников в период 1934—1936 годов в кругу своих знакомых неоднократно пропагандировал идеи фашизма и одновременно пытался дискредитировать советский строй. Означенными действиями Плотников совершил преступление, предусмотренно ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР.

Что же касается предъявленных Плотникову обвинений по ст.ст. 58-1 п.«а», 19-58-2 и 58-11 УК РСФСР, то на судебном следствии эти обвинения не подтвердились, т.к. они были основаны на противоречивых показаниях Фризендорфа. Эти показания опровергаются свидетельскими показаниями другими данными дела.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 319-320 УПК РСФСР Военный Трибунал

приговорил:

Плотникова Михаила Павловича на основании ст. 58-10

ч. 1 УК РСФСР подвергнуть лишению свободы в ИТЛ сроком на 7 (семь) лет, с поражением в правах, предусмотренных п.п. «а», «б», «в», «г» и «е» ст. 3 УК сроком на 3 (три) года.

Его же по ст.ст. 58-1 «а», 19-58-2 и 58-11 УК РСФСР считать по суду оправданным.

Срок лишения свободы исчислять со дня заключения подсудимого Плотникова под стражу, т.е. с 4 (четвертого) октября 1938 года.

Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в Военную Коллегию Верховного Суда Союза ССР через Военный Трибунал Нижне-Амурского Речного Пароходства в течение 72-х часов с момента вручения копии приговора осужденному.

Подлинный за надлежащими подписями

Копия верна: секретарь ВТ НАПРа Техник-интендант 1 ранга (Березин) подпись

Определение № 004846\39

Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР В составе: Председательствующего — Диввоенюриста Суслина, и ч л е н о в: Бригвоенюриста Дитотова Военного юриста 1 ранга Чепцова рассмотрев в заседании от 14-го февраля 1941 года кассационную жалобу Плотникова Михаила Павловича на приговор ВТ Нижне-Амурского Речного Пароходства от 4 ноября 1940 года по

делу осужденного за преступление, предусмотренного ст.58-10 ч. 1 УК РСФСР к лишению свободы в ИТЛ сроком на 7 лет, с поражением в правах на 3 года.

Он же по ст.ст. 58-1 «а», 19-58-2 и 58-11 УК РСФСР по суду о п р а в д а н.

И заслушав доклад тов. Чепцова, заключение Военного Прокурора ГВП Военного Юриста 2 ранга Макушкина, полагавшего приговор суда оставить в силе,

Определила:

Виновность Плотникова в совершении им преступления, предусмотренного ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР материалами дела доказана и подтверждена на предварительном и судебном следствии свидетелями — Данилович, Горбуновым, Ермаковой и Марущак, поэтому приговор суда оставить в силе, а кассационную жалобу осужденного Плотникова, отрицающего свою вину по делу, отклонить как необоснованную.

Оправдательный приговор ВТ в отношении Плотникова по ст.ст. 58-1а, 19-58-2 и 58-11 УК РСФСР, как вынесенный в соответствии с материалами дела, оставить в силе.

Подлинное и за надлежащими подписями.

Верно: Старший Секретарь ВТ НАРПа Техник-Интендант 1 ранга

(Жирнов) подпись

«Утверждаю»

Заместитель начальника Управления по надзору
за исполнением законов о государственной безопасности
Прокуратуры СССР государственный
советник юстиции 3 класса Л.Ф. Космарская
«19» ноября 1991 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

в отношении Плотникова М.П. по материалам уголовного дела
(арх. № XV-670)

Фамилия, имя, отчество Плотников Михаил Павлович
Год и место рождения 1892 г., д. Каменка Новосибирской области

Место работы и должность перед арестом Литературн. сотрудник ред. Газеты «Пограничный водник».

Место жительства до ареста г. Хабаровск, ул. Запарина, 67

Данные о родственниках Жена Плотникова Людмила, сын Юрий

Дата ареста, каким органом арестован; когда, каким судебным органом и по какому обвинению осужден Арестован 4.10.38 г. УНКВД по Дальневосточному краю.

По приговору военного трибунала Нижне-Амурского речного пароходства от 4.11.40 года, оставленному определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 14.2.41 года, по обвинению в проведении антисоветской агитации по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР осужден к 7 годам лишения свободы.

Рассмотрев материалы дела, *нахожу*:

На Плотникова Михаила Павловича

Распространяется действие ст.1 Указа Президента СССР от 13 августа 1990 года «О восстановлении прав жертв политических репрессий 20-50-х годов», как незаконно репрессированный он по настоящему делу подлежит реабилитации.

Прокурор управления
прокуратуры СССР

А.К. Воробьев

18 Ноября 1991 г.

*Исторические очерки ныне существующих монастырей Тобольской епархии**

Россия издревле была богата монастырями, которые имели для нее, по признанию историков, колонизационное и просветительное значение. Куда поселялся инок с крестом, там водворялся и крестьянин с плугом. Около монашеской келии, под сенью св. креста, запахи- валась полоса земли, которая делалась первым ядром монашеского хозяйства, а крестьянин-бобыль или бездомный пришелец — первым работником, кормильцем себя и благочестивого старца, который сам служил примером трудолюбия. Умножение числа подвижников и пришлых полагало начало обществу: создавался мало-помалу монастырь с часовней или обыденной церковью, а около него небольшое поселение свободного люда (*слобода*). В монастырский храм шел на молитву и освящение христовыми тайнами мирянин-труженик. Здесь он поучался словом и примером христианскому благочестию, нередко обучал себя

и детей грамоте у какого-нибудь инока.

В Сибири монастыри стали появляться с самого завоевания ее. Достаточно сказать, что казаки — завоеватели Сибири во главе с Ермаком имели среди себя иночествующее духовенство. Приумножение русских поселений, городков и острогов во вновь завоеванной стране вызывало увеличение вместе с храмами Божьими и монастырских строений. Легкое получение разрешения на постройку монастырей, беспрепятственный отвод мест для них, нетрудное завладение при содействии воевод разными угодьями в разных местах, самое содействие верховной власти к постройке монастырей и выдача пособий на украшение их церквей, свобода зазывать бобылей и вольных бездомных пришельцев на отдаваемые монастырям земли и желание самих их селиться около монастырей, укрепление их за монастырями без излишней формальности — все это

* Печатается по: Календарь Тобольской губернии на 1890 г. С. 20—42.

способствовало образованию монастырей в Сибири.

Сибирские монастыри не славились в XVII и XVIII столетиях ни богатыми постройками, ни великолепным украшением церквей, ни множеством братии, но могли хвалиться сельским хозяйством. Каждый из них имел у себя заимки, пашни, покосы, леса, рыбные ловли, водяные мельницы, достаточное число крестьян, хлеба, домашнего скота. Правда, по временам монахи жаловались на скудное состояние и при малейшем споре, возникавшем о монастырских землях, выражали опасения, чтобы им от такой «изгони врозь не разбрестись или голодною смертью не умереть», но своевременное участие в нуждах и покровительство властей и личный труд не доводили их до такой беды. Кроме обычного служения в церкви, на которое посвящали себя монахи, они, занимаясь деятельно хлебопашеством, скотоводством, рыболовством и другими сельскими занятиями, сами были сыты и другим давали прокармливаться. Весь хлеб, какой родился, вся рыба, какая ловилась, шли на пропитание братии, монастырской прислуги и на рабочих, сено потреблялось скотом, дрова употреблялись на топливо, а лес — на строение. Случавшиеся избытки шли на продажу, и на вырученные деньги одевалась братия, обстраивалась и благоукрашалась обитель. Все это одинаково применялось как

в мужских монастырях, так и в женских, о существовании которых в Сибири летописи упоминают весьма рано. В женских монастырях значительным вспомогательным средством к существованию служило рукоделие: вязание, вышивание, в ближайшее время — свечное производство.

Историк Словцов в своем «Обозрении Сибири» (стр. 332 и 333 прим. 24) насчитывает число всех бывших в Сибири монастырей 37, из них существующих 16 и упраздненных 21. Сокращение монастырей сибирских должно быть отнесено преимущественно к 1764 году, как это было и в России, когда сделан разбор монастырям и монашествующим, а также отобраны были от монастырей крестьяне.

В 1764 году сибирские монастыри разделены были на классы; одни почислены во второй, другие в третий класс; одни поступили в штат, другие закрыты. В Tobольской епархии оставлены: во втором классе один в Tobольске, в третьем классе в Tobольской епархии — девять, в Иркутской — четыре, да женских — в Tobольске один, в Иркутске один, итого шестнадцать (Полное Собр. Зак. т. XLIV, штаты ч. 2 № 12060).

С сокращением Tobольской епархии, в пределах прежнего района которой образовалось десять самостоятельных кафедр с пятью викариатствами, в на-

стоящее время состоят следующие монастыри: 1) мужские: а) Тобольский второклассный Знаменский, б) Абалакский третьеклассный Знаменский, в) Тюменский третьеклассный

Троицкий, г) Кондинский третьеклассный Преображенский и 2) женские: а) Туринский Никольский и б) Иоанно-Введенский Межгорский — оба третьеклассные.

I. Мужские монастыри

а) Второклассный Тобольский Знаменский*

Тобольский Знаменский монастырь находится в самом городе Тобольске, в нижнем посаде, на правом берегу Иртыша и на устье небольшой речки, именуемой Абрамовкою. Обнесенный на северо-западе, севере и северо-востоке каменной высокою (в шесть аршин) стеною, а на юго-востоке, востоке и юго-западе приличною деревянною оградой, он занимает квадратную площадь до 10500 сажень, в общем представляя довольно правильный четырехугольник. К монастырю прилегают с севера торговый (*мучной*) рынок, с востока — Мало-пятницкая улица (*почтовый переулок*), с юга — Абрамовская улица и с запада — речка Абрамовка. Въезд в монастырский двор с северной стороны, с мучного рынка, находится под башней монастырского корпуса.

При въезде во двор зрителю прежде всего представляется посреди двора каменная Преображенская церковь; в сажнях десяти от нее, против алтаря к востоку — большойный семинарский корпус, вправо от больницы, к братскому корпусу — бывшее здание духовного училища, а ныне общежитие для своекоштных учеников семинарии. Вся южная сторона занята большим семинарским корпусом, за которым идет семинарский черный двор. Восточная площадь в направлении от семинарских деревянных строений черного двора занята новым семинарским садом, а таковая же площадь между каменными зданиями и восточной частью каменной ограды — старым садом. К западу от Преображенской церкви находится трехъярусная колокольня, имеющая не

* Материалом для статьи служили: 1) грамоты и древние акты в копиях, хранящихся в архиве Тобольского Знаменского монастыря; 2) летопись, принадлежащая библиотеке Тобольской семинарии, известная под именем Черепановской; 3) Опись Знаменского монастыря; 4) Памятная книга с именами настоятелей и монахов, начиная с 1770 г.; 5) Синодики 1824 г.; 6) «Тобольские губернские ведомости» 1857 г., №№ 11—12; 7) те же ведомости и за тот же год, № 27; 8) «Тобольские епархиальные ведомости» за разные годы; 9) некоторые дела семинарского архива; 10) брошюра о Сулоцкого: Викариатство Тобольской епархии и др. (См. текст статьи).

менее восемнадцати сажен высоты. Каменные жилые здания двухэтажные. Расположение в общем симметричное и дает представление о группе монастырских зданий, как о некоем старинном замке.

По началу своего основания Тобольский Знаменский монастырь есть первый и древнейший из монастырей, построенных в Сибири после ее завоевания. Время основания его должно отнести не позже 1596 года. В этом году тобольский «атаман Третьяк Юрлов сын Максимка по приказу отца своего дал вкладу в Знаменский монастырь деревню свою (Юрловскую) вверх по Иртышу с хоромы и пашенною землею и со всеми угодья», чем владел отец его, и закладную распашную землю, что заложил отцу его захребетный татарин Усаметко Усенков на устье речки Шилеи. Те же самые речи о Юрловской деревне говорил в Москве перед царем 1662 г. старец Знаменского монастыря Иов (см. 4 т. Допол. к истор. актов арх. ком. на стр. 264).

Первоначально монастырь поставлен был за Иртышом при устье старого Тобола, на том самом месте, где ныне находится деревянная часовня, построенная, полагают, на месте бывшей монастырской церкви во имя преподобных Зосимы и Савватия. Посвящение храма имени сих преподобных дает основание догадываться об основателях мона-

стыря, что они были выходцы Соловецкого монастыря, где проведены ими первые годы иноческой жизни, и воспоминание о его чудотворцах перенесено на отдаленные берега Иртыша. Сохранились и имена первых настоятелей Тобольского Знаменского монастыря — это строитель *Логгин* и игумен *Дионисий*. Известна грамота царя Михаила Феодоровича от 20 января 1622 года, писанная на имя тобольского воеводы боярина Матвея Михайловича Годунова и дьяка Ивана Шивырева по поводу челобитья к царю Тобольского Успения Пресвятыя Богородицы и чудотворца Николая монастыря архимандрита Мефодия с братиею о подтверждении за монастырем прав на некоторые земли, воды и разные угодья. Во второй грамоте прописывается между прочим, что на одни из тех земель и вод (например, на Бегишевы горы и озеро и пашню около них, а также на реку Вагай) грамоту для монастыря исхлопотал у царских бояр (в 1612—1613 гг.) строитель Успенского монастыря Логгин, а на другие (например, на бывшие пашни Кучума-царя по Тоболу и Тавде) исхлопотал грамоту у самого царя Михаила Феодоровича в 1616 году игумен Дионис с братиею (см. Тоб. губ. вedom. 1857 г. № 27).

Избранное первоначально за Иртышом место для монастыря имело то неудобство, что во время весны при разлитии Иртыша оно вместе со всем левым берегом потоплялось во-

дою. Эти наводнения, не прекращающиеся доселе, без сомнения, причиняли немалые беспокойства монастырю и заставляли иноков его искать другое, более безопасное место.

В 1610 году монастырь перенесен из-за реки Иртыша в верхнюю часть Тобольска и поставлен за Воскресенскими воротами, т.е. за чертой города, который в то время огражден был деревянным острогом и в который въезжали с северной стороны чрез Воскресенские ворота, на месте которых теперь стоит Ильинская приходская церковь. С переменою места монастырь получил новое наименование Успенского от церкви, в нем устроенной, в честь Успения Пресвятыя Богородицы. Церковь преподобных Зосима и Савватия, бывшая за Иртышом, при перенесении монастыря на новое место не была восстановлена, но в 1611 году июня 23 дня в сем Успенском монастыре поставлена церковь обыденная во имя святителя и чудотворца Николая, названная так потому, что выстроена в один день всеми жителями Тобольска по обещанию, данному по случаю свирепствовавшего тогда конского падежа. По названию сего последнего храма монастырь стал именоваться безразлично — *Успенским* и *Никольским*, как это видно из вышеприведенной грамоты Михаила Феодоровича.

На содержание монастыря, когда он находился еще за Ир-

тышом, даны были тогдашними воеводами сибирскими земли на реке Вагае и на Бегишевских горах со всеми угодьями, как то: лесом, санными покосами и рыбной ловлею. Но по перенесении монастыря в город некоторые из жителей тобольских начали присвоять себе земли, препятствуя монастырю ловить рыбу на реке Вагае и в озере Бегишевском, истребляя самовольно монастырский лес и кося сено на монастырских лугах. Настоятель монастыря архимандрит Мефодий жаловался на таковые притеснения в царствующем граде Москве и, как видно, не остался без удовлетворения (см. ту же грамоту 20 января 1622 г.).

На втором своем месте монастырь существовал недолго — не более 13 лет. Неизвестно, из каких побуждений (полагают, из желания устроить в Тобольске наряду с мужским женский монастырь), но только в 1623 году по воле первого архиепископа Киприана Тобольский монастырь переведен с верхней части города на нижнюю и поставлен на правом берегу Иртыша за татарскими юртами, которые находились там, где теперь стоит Захарьевская приходская церковь, недалеко от устья речки Мостовки, именуемой ныне Абрамовкою. Место это было в то время пустопорожнее и никем не заселенное, а потому и выгодное для монастыря как по близости воды, так и по обширности поля, его окружавшего. На построение

и содержание новозиздущегося монастыря вследствие приношения архимандрита Тарасия, который был его строителем, по указу святейшего патриарха Филарета Никитича и по высочайшей грамоте царя и великого князя Михаила Феодоровича 1625 года отведены были земли по реке Вагаю на Бегишевских горах и против старого Сибирского городища, те самые, о которых хлопотали прежде строитель Логгин, а потом архимандрит Мефодий с дозволением призывать на отведенные земли вольных гулящих людей в крестьяне. Сверх сего, по высочайшей грамоте того же царя Михаила Феодоровича 1640 года отданы были во владение сего монастыря под пашню и для выпуска скота десять десятин земли, которая находилась близ самого монастыря и простиралась в длину вверх по течению Иртыша на две версты.

На содержание братии в царствование Михаила Феодоровича монастырь получал так называемую ругу, или казенное жалованье, выдававшееся по царским указам из местных государственных доходов. На основании указа, данного в 1653 году сибирским воеводам князю Андрею Голицыну и Даниилу Замышскому, каждому священнослужителю монастыря выдавалось таковой руги по 8 руб. в год, дьячку — по 4 руб., а пономарю — по 3 руб.; сверх того, всем им производилось еще жалованье хлебом

и овсом. При таких пособиях монастырь на малом месте застроился пространнее прежнего, хотя не вдруг, а постепенно. Здесь вместо Успенской церкви, бывшей на горе, построена новая в честь Знамения Пресвятыя Богородицы, отчего и монастырь назван и ныне именуется *Знаменским*. Поелику в сем монастыре число братии вначале, при архимандрите Тарасии, было весьма мало и состояло только из двух черных попов, из коих один по распоряжению архиепископа Макария обязан был совершать постоянно священнослужение в женском Успенском монастыре, а диакона и причетников вовсе не было, как видно из жалобы архимандрита Тарасия, принесенной им в 1625 году царю Михаилу Феодоровичу, то монастырь довольствовался сначала одной церковью, построенной после перенесения оного с горы на сие место. Но с течением времени и по мере умножения народонаселения в Тобольске и близ монастыря городских домов число монастырской братии увеличивалось более и более, так что в управление архимандрита Иосифа, именно в 1659 году, в монастыре находилось более 60 человек, из коих большая часть были престарелые и дряхлые старцы, не способные к царской службе и за ранами и увечьем посылаемые из Москвы по указам государей в монастырь на пропитание. В течение сего времени построены были в монас-

тыре еще две церкви: первая, теплая, во имя трех святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, а вторая — во имя преподобных Соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия, во имя которых была построена первая церковь еще за рекою Иртышом. Сверх сего, в то же время построены колокольня, больница, трапеза с келарнею, хлебнею и поварнею, братские кельи, житницы и погребца и, наконец, ограда вокруг монастыря со святыми воротами. Все эти здания и церкви были деревянные, но обширные, как можно заключать по великому числу людей, живших в монастыре, и по тому пространству, которое занимал и теперь занимает монастырь.

Нововоздвигнутый монастырь Знаменский существовал в своем виде только около 36 лет. 23 мая 1659 года при архимандрите Иосифе он сгорел от молнии весь до основания. Братия монастыря в один день лишилась не только церковного и монастырского имущества, но и всякого приюта, однако ж они не думали оставить погоревшего места. Известив царя Алексея Михайловича о несчастье, постигшем Знаменскую обитель, и получив от него царскую грамоту, утверждающую за монастырем все земли и угодья, какими владел он до пожара, архимандрит Иосиф с братией приступил опять к сооружению погоревшего монастыря. Усердие тоболь-

ских граждан, принявших участие в восстановлении погоревшей обители, помогло архимандриту Иосифу и преемникам его на пепелище прежнего воздвигнуть новый монастырь, и притом в лучшем виде. На место сгоревшей холодной Знаменской церкви выстроена новая деревянная, также Знаменская. Церковь преподобных отец Зосимы и Савватия при возобновлении монастыря не была восстановлена, но вместо нее в 1661 году при том же архимандрите Иосифе выстроена в трое суток всеми жителями тобольскими деревянная Казанская церковь с приделом Соловецких чудотворцев. Построение этой церкви, по сказанию летописи, сопровождалось явлением в монастыре чудотворной иконы Казанской. (Летопись Черепанова, лист. 126 и см. Тоб. епарх. вед. 1883 г., ноябрь).

Едва только монастырь успел после первого пожара застроиться, как 20 мая 1677 года, чрез шестнадцать лет своего возобновления, в другой раз был истреблен пожаром весь до основания. Пожар этот, подобно прежнему, произошел от молнии же, разразившейся над городом, но был жесточе прежнего. От него пострадал не только Знаменский монастырь, но и вся верхняя часть города, где погорели собор, семь приходских церквей, архиерейский дом, приказы, гостинный двор и 105 обывательских домов. Из всего монастырского имущества уцелела от пожара только неболь-

шая часть церковных вещей и икона Казанской Божией Матери, которую успели вынести из храма, объятых пламенем, и спасли как святыню; все прочее, в том числе три деревянные церкви: Знаменская, Казанская и Никольская — сделались жертвою огня. Но как после первого пожара, так и теперь настоятель архимандрит Герасим с братией немедленно приступили к возобновлению погоревшего монастыря. Имея во владении своем значительное число вотчин, как прежде полученных от царских щедрот, так и вновь приобретенных или покупкою, или чрез вклады частных лиц, монастырь мог восстановить погоревшие свои здания. К сему присовокупились еще пожертвования жителей города Тобольска и окрестных мест, которые по усердию к многочтимой Казанской иконе Божией Матери приняли деятельное участие в восстановлении монастыря. Но возобновление его, несмотря на все таковые пособия, шло медленно, может быть, потому, что доходы с монастырских вотчин в то время были незначительны, а тобольские жители небогаты.

Первая церковь, построенная вскоре после пожара, была деревянная во имя Знамения Пресвятыя Богородицы. Спустя восемь лет после пожара основана в 1685 году, в царствование Иоанна и Петра Алексеевичей, по благословенной грамоте митрополита Павла I при архимандрите Мат-

фие по плану только что устроенного (1683 г.) кафедрального собора каменная Преображенская церковь. Архимандрит Матфий был ее первоначальным строителем, а совершенно окончена и освящена эта церковь в 1691 году при архимандрите Моисее. Еще позднее восстановлена была Казанская церковь, в три дня построенная всеми тобольскими жителями и сделавшаяся жертвою пожара. Вместо нее построена такая же деревянная Казанская церковь с прибавлением только придела во имя преподобных отец Зосимы и Савватия. Эти последние постройки производили при митрополите Филофее, как должно заключить из грамоты сего благочестивого архипастыря, писанной в 1708 году на имя архимандрита Филарета. Хотя грамота дана не для построения сей церкви, а для собирания доброхотных подаяний на заведение в ней церковной утвари и богослужебных книг, но она названа в ней оконченную построением, хотя не имеющей еще означенных принадлежностей. Поелику же митрополит Филофей прибыл на Тобольскую епархию в 1702 году, то должно полагать, что Казанская церковь если не основана, то окончена построением уже при нем.

Обе деревянные церкви — Знаменская и Казанская, простояв со времени основания своего: первая более семидесяти лет, а вторая не более сорока, — были разобраны в 1750 году при

архимандрите Порфирии: Знаменская по причине ветхости, от которой она наклонилась на одну сторону, а вторая повреждена пожаром. На месте первой по благословенной грамоте митрополита Сильвестра была построена в 1750 году новая деревянная Знаменская же церковь с приделом великомученицы Варвары для служения в нем ранних обеден в зимнее время, а на месте второй в 1767 году по благословенной грамоте митрополита Павла II построена архимандритом Михаилом Миткевичем каменная двухэтажная церковь во имя Казанской иконы Божией Матери и святителя Николая Чудотворца. В том же 1767 году окончена построением каменная монастырская колокольня со святыми под нею воротами (со стороны Абрамовки), заложенная в одно время с Казанской церковью. Для помещения братии в 1730 году при архимандрите Геннадии заложен был каменный двухэтажный корпус на сборную сумму. Кроме вышеозначенных зданий, строившихся в продолжение более ста лет со времени пожара, были еще и другие строения монастыря — каменные и деревянные, как то: кухня и башня каменные, амбары, конюшни, две бани и два братских корпуса — деревянные, но время построения каждого из них в точности неизвестно. Наконец, в 1778 году при архимандрите Илие монастырь огражден был,

хотя только с двух сторон, каменной высокой оградой.

Но монастырю суждено было еще раз испытать бедствие от пожара. 1788 года апреля 27 дня вспыхнул в Тобольске пожар, ужаснейший из всех доселе бывших, ибо от него выгорели обе части города. В верхней и нижней частях города выгорели десять церквей вместе с собором, архиерейский и наместнический дома вместе с консисторией и присутственными местами и их архивами, 1110 обывательских домов, и при этом погиб 41 человек обоого пола. В Знаменском монастыре истреблены все деревянные постройки, в том числе деревянная Знаменская церковь, которая с того времени не была восстановлена до 1873 года, остались только одни каменные вышеозначенные здания, но обгорелые снаружи и внутри и значительно поврежденные.

Все эти повреждения увеличивались еще бывшими около того времени наводнениями, каковых известно под именем великих два. Первое случилось в 1784 году при архимандрите Илие, за четыре года до последнего пожара. В это время вода имела возвышение на самом берегу Иртыша на 11 аршин и 7 $\frac{1}{2}$ вершка, а в ограде Знаменского монастыря стояла вода от поверхности земли на аршин. Вода проникла во все монастырские здания, в церквях Преображенской и Казанской повреждены ею не только полы, но и части ико-

ностасов. На поправку повреждений требовалось по смете 920 рублей. Другое наводнение было губельно не только для монастыря, но и для всего Тобольска. Оно случилось в 1794 году при архимандрите Геннадии. От наводнения и пожаров особенно пострадала Преображенская каменная церковь. До наводнения 1784 года пол в этой церкви был кирпичный, но так как он был совершенно испорчен водою, то на место его сделан чугунный, выписанный из екатеринбургского завода и заключавший в себе 800 пудов весу, за что заплачено 360 рублей из суммы, отпущенной из казны в числе 500 рублей. Нижний ярус иконостаса, поврежденный этим же наводнением, был исправлен архиерейского дома иеромонахом Климентом, которому заплачено за работу 50 рублей, да на материалы выдано 38 руб. 70 коп. из той же казенной суммы. Во время случившегося в 1788 году пожара церковь Преображенская была повреждена до такой степени, что в ней невозможно было совершать богослужение. После сего пожара она стояла в совершенном запустении 13 лет, потому что монастырь не имел никаких средств к возобновлению всех погоревших в нем зданий, да и жители Тобольска, потерпевшие, в свою очередь, разорение от пожара, не могли жертвовать не только на возобновление монастыря, но и своих приходских церквей, также погоревших. Уже в 1800 году, когда по

ходатайству преосвященного архиепископа Варлаама отпущена была из казны сумма на возобновление вместе архиерейского дома, семинарии и монастыря, приступили к поправке Преображенской церкви. Но тут встретилося новое затруднение: суммы на поправку монастыря отпущено было немного, а при освидетельствовании повреждений сего храма открылись большие трещины в стенах его; фундамент, кладеный вместо извести на глине, найден размытым и осевшим от бывших двух наводнений; железные связи в стенах разорвались. По сим причинам уже положено было разобрать всю церковь до основания и вновь перестроить, но по совету Димитрия Шанина, опытного каменщика, решились на другое, легчайшее средство к предотвращению опасности, угрожавшей храму. Вместо того чтобы разбирать всю церковь, найдено возможным подвести под нее новый фундамент и склать его на извести, а для сохранения церкви от наводнений сделать вокруг нее контрафорс. Когда подведен был новый фундамент, остальные повреждения легко было исправить: связи были соединены посредством наварки, трещины в стенах заделаны новым кирпичом, стены оштукатурены, главы возобновлены, а крыши железные сделаны новые и покрыты зеленой краской, и, таким образом, весь храм приведен в тот вид, в котором доселе находится. В то же время к Пре-

ображенной церкви пристроена с западной стороны каменная небольшая паперть и покрыта железной кровлей, выкрашенной зеленой краской. Возобновление Преображенской церкви окончено в 1801 году при настоятеле монастыря и ректоре семинарии архимандрите Михаиле Бурдукове и стоило 2332 руб. 97 $\frac{1}{4}$ коп.

Последний капитальный ремонт Преображенской церкви — собственно подновление иконостаса, как значится из надписи на нем, — был в 1864 году при архимандрите Паисии. Иконостас этот замечателен тем, что первоначально устроен был киевскими мастерами и иконописцами, вызванными преосвященным Филофеем в 1710 году, когда этот архипастырь озабочен был обновлением кафедрального собора. Иконостас Знаменского монастыря представляет изображения святых по большей части в рост человека, и некоторые из этих изображений до такой степени сделаны искусно, рельефно, что словно стоят перед молящимися живыми**.

Что касается других храмов, то после пожара 1788 года в Знаменском монастыре остались Казанский и Никольский в обгорелом здании на северной стороне ограды монастырской, где помещаются доселе настоятельские апартаменты. Здание это в скором времени приведено в приличный вид, внутренние же

помещения остались без повреждений от пожара. Здесь в восточной стороне корпуса в верхнем этаже помещается Казанский теплый храм. Храм тот в самом начале устроен был малопоместительным при самой скромной обстановке. Из трех арок, ведущих в этот храм из довольно поместительной трапезы, открыта была одна только средняя, а две сторонние были закладены: одна печью, а другая — низеньким простенком с окном над ним и, сверх того, была заставлена свечным шкафом. Благолепнее Казанская церковь стала с 1846 или 1847 года, когда тобольский купец А.С. Пиленков по внушению преосвященного Владимира написал для нее из Москвы новый с резьбой и позолотой, а также с хорошей живописью иконостас, а настоятель Венедикт распорядился открыть две помянутые арки. В 1873 году теплый храм получил еще большее расширение чрез устройство рядом с Казанским храмом с северной стороны в бывшей ризнице нового придела в честь иконы Знамения Божией Матери. Этот придел устроен по мысли преосвященного Ефрема, управлявшего тогда монастырем в качестве викария Tobольской епархии. Устройство Знаменского придела было тем желательнее, что монастырь, носивший название Знаменского со времени пожара, истребившего деревянный храм с этим наи-

** Подробное описание сего иконостаса, равно и Преображенского храма, можно читать в Tob. епарх. ведом. 1885 г. № 16.

менованием, целое столетие не имел престола Знаменского.

В нижнем этаже, под Казанским храмом, находится престол Никольский, весьма небольших размеров, с каменным полом, довольно темный и сырой, почему в нем редко совершалось и совершается богослужение.

От храмов по направлению к настоятельским апартаментам, находящимся на западной стороне корпуса, в верхнем и нижнем этажах имеется до двенадцати комнат, в коих помещалась прежде семинария, до перевода ее во вновь устроенный в 1876 году каменный большой корпус, который теперь находится на южной стороне монастырской ограды. В настоящее время в четырех из этих довольно больших комнат помещается образцовая школа при семинарии, а остальные заняты братией монастыря.

Упомянув о помещении семинарии в Знаменском монастыре, считаем нужным сказать, что Тобольская духовная семинария, существовавшая по указу Петра I от 9 января 1701 года при архиерейском доме под именем архиерейской славяно-русской школы, с 1743 года при митрополите Антонии Нарожницком стала известна под именем школы латинского языка. Первоначально школа помещалась в архиерейском доме для ближайшего надзора самих преосвященных тобольских, от непосредственной воли которых в тогдашнее время

зависело управление духовными училищами. Но с умножением в сих школах числа духовных воспитанников помещение их в архиерейском доме становилось более и более тесным. По этой причине в 1770 году, на другой год по прибытии на Тобольскую епархию преосвященного епископа Варлаама I и по его распоряжению, семинария переведена из архиерейского дома в Тобольский Знаменский монастырь, где по сравнительной обширности монастырских зданий и близости реки Иртыша семинария могла помещаться с большим удобством. Главное помещение семинарии назначено в каменном двухэтажном монастырском корпусе, который для сего был исправлен на монастырский кошт. Но по тесноте сего корпуса семинаристы помещались и в деревянных монастырских зданиях. Последний пожар, бывший в 1788 году и истребивший все деревянные здания монастыря, принудил семинарию и монастырь поместиться в одном каменном двухэтажном корпусе, который хотя во время пожара обгорел, но снова был поправлен, частью на монастырскую, а частью на семинарскую сумму.

Чрезвычайная теснота, произошедшая от совокупного помещения семинарии и монастыря в одном здании, заставила монастырь в 1801 году выстроить для себя особый каменный корпус на восточной стороне ограды, несколько вправо против алтаря

Преображенской церкви. Сюда переместились монашествующие, для которых потом еще был выстроен небольшой деревянный корпус вблизи западной стены ограды. Но это немного улучшило состояние семинарии, которая год от году увеличивалась числом своих воспитанников. Многолюдство семинарии и теснота помещения оной в одном монастырском здании заставили позаботиться о постройке особого корпуса для нее. При сем преосвященный архиепископ Антоний ходатайствовал пред Святейшим синодом о дозволении строить новый семинарский корпус не в монастыре, а вне оного, вблизи архиерейского дома, на бугре, который называется Чукман, там, где ныне стоит памятник завоевателю Сибири Ермаку. На этом месте летом 1805 года с разрешения Святейшего синода были уже выкопаны рвы и положен фундамент под главный семинарский корпус, но поступивший вместо преосвященного архиепископа Антония преосвященный архиепископ Амвросий Келембет нашел это место неудобным для семинарии по причине отдаленности воды, которую нужно было доставать из Иртыша и возить на высокую гору; к тому же пребывание ректора семинарии в Тобольском Знаменском монастыре, в котором он состоит настоятелем и откуда он не может иметь постоянного надзора над вверен-

ною ему семинарией. Святейший синод, уважив сии причины, повелел указом 1808 года постройку семинарского корпуса на бугре Чукмане остановить, а строить оный в Знаменском монастыре. Оставленная с сего времени в монастыре семинария постоянно застраивалась и своими зданиями занимает теперь почти весь монастырь, так что ныне только церкви и колокольня напоминают о существовании здесь монастыря, ибо все здания, как принадлежавшие прежде монастырю, так и построенные вновь, принадлежат ныне семинарии, а монастырь занимает в своей ограде небольшое место, достаточное, впрочем, для помещения небольшого числа братии.

Присовокупим к вышесказанному, что небольшой одноэтажный каменный братский корпус, устроенный для пребывания монашествующих, по водворении в главном монастырском корпусе семинарии с самого начала служил приютом для духовного училища***. В 1822—1823 гг. по ходатайству преосвященного Амвросия он был надстроен вторым этажом, снова расширен и отремонтирован в 1853 году при преосвященном Евлампии, и, наконец, в 1872 году приспособлен по возможности к требованиям устава училищ 1867 года. В последнем своем исправлении он был довольно удовлетворителен для помещения училища, но все

*** Подробнее об этом в Тоб. епарх. вед. 1888 г. №№ 1 и 2. Краткие исторические сведения о помещениях Тобольск. Дух. учил., стат. г. Беллавина.

же не вполне удобен для живших в нем воспитанников-сирот: так, не было в нем места для столовой и кухни, и воспитанники должны были бегать для чаепития, обеда и ужина чрез двор, несмотря ни на какую погоду. Не было также прислуг для училищного хозяйства, т.е. амбаров, погребов и пр. Все это побудило тобольское духовенство устроить (1885—1887 гг.) новое здание для училища на горе, вблизи кафедрального собора, а оставшееся после училища на монастырской ограде каменное помещение поступило в ведение семинарии, которая чрез новую прикладку к нему двухэтажного строения приспособила корпус под общежитие своекоштных учеников числом на 100, так что теперь все воспитанники семинарии имеют жить в одном месте на монастырской ограде, кроме некоторых, имеющих своих родителей в самом городе.

Так-то обстраивался монастырь при бдительном управлении настоятелей его, которые, нужно сказать, были с 1770 года вместе и ректорами семинарии и училища при участливом отношении к сим заведениям архипастырей тобольских и братьи самого монастыря.

Настоятели в Знаменском монастыре до перенесения его в 1610 году из-за реки Иртыша в Тобольск сперва были, как мы видели, простые строители, но потом наступили архимандриты. Именуясь архимандритами, настоятели монастыря не имели

сначала права употреблять при богослужении митру (Череп. лет.). Уже в 1651 году, мая 20 дня, вследствие представления преосвященного архиепископа Симеона высочайшею грамотою царя Алексея Михайловича, присланною к тобольскому стольнику Василию Борисовичу Шереметеву, дозволено архимандриту Иосифу и будущим по нем архимандритам служить в монастыре в шапке с ручным сулком на посохе, на каковой предмет из Московского Сибирского приказа прислано 50 рублей.

Ряд имен настоятелей может быть представлен в следующем виде: строитель Логгин, игумен Дионисий, архимандриты: Мефодий, Тарасий, Иосиф, Никанор, Герасим, Матфий, Филарет, Игнатий, Иоанникий, Геннадий, Порфирий, Михаил (впоследствии Иркутский архiereй), Илия, Геннадий, Вениамин, Михаил (Бурдуков, впоследствии епископ в Иркутске), Филарет (впоследствии митрополит Киевский), Серафим, Евгений (впоследствии архiereй Минский), Филарет (Райский), Иоанникий (Образцов), Палладий, Евфимий, Иона (Капустин, впоследствии викарий Екатеринбургский), Венедикт, Порфирий (Соколовский, впоследствии епископ Томский), Паисий (Пылаев с 1854—64 гг.), Димитрий (Потехин до 1870 г.).

1870 года архимандрит Димитрий тяжело заболел. Не видя возможности скоро поправить-

ся здоровьем, особенно в суровом тобольском климате, при неимении в Тобольске надежных медицинских средств, архимандрит Димитрий подал прошение об увольнении его от службы и, получивши оное, отбыл в Казань. При этом открылась возможность разъединить бывшие доселе всегда соединенными должности ректора Тобольской семинарии и настоятеля Тобольского Знаменского монастыря. В ректора семинарии был избран из белого духовенства протоиерей Потоцкий, а должность настоятеля монастыря поручена Тобольскому викарию, каковым 25 февраля 1871 года утвержден член С.-Петербургского духовно-цензурного комитета архимандрит Ефрем. 4 марта архимандрит сей был наречен в Святейшем синоде в епископа, а 7 числа того же месяца, в четвертое воскресенье великого поста, он был посвящен С.-Петербургским и Новгородским митрополитом Исидором в сослужении митрополитов же Киевского Арсения и Московского Иннокентия, архиепископов: Литовского Макария, бывшего Полоцкого Василия и Рязанского Алексия и других викариев с.-петербургских; Павла, епископа Ладожского, и Тихона, епископа Выборгского.

Местопребывание викарий Тобольский должен был иметь в Тобольском Знаменском монастыре, в нем он должен пользоваться настоятельным

жалованьем и частью братских доходов, а также помещением, отоплением, освещением, прислугой и экипажем, но главное — содержание ему положено получать от Абалацкого монастыря по 700 рублей в год из процентов с принадлежащего сему монастырю капитала и по 500 рублей из свечного и кружечного сборов. Ризницей и прочими принадлежностями архиерейского служения первоначально преосвященному викарию Тобольскому предоставлено пользоваться из архиерейской ризницы кафедрального собора, а впоследствии Знаменский монастырь должен устроить архиерейскую ризницу на свой счет. При священнослужении преосвященного викария, когда оно будет совершаться в соборе или в домовой архиерейской церкви, должны были петь, конечно, певчие архиерейского хора, но когда оно имело отправляться в Знаменском монастыре, особенно в дни, в которые не бывает учения в семинарии, то петь обязывались певчие семинарские.

В речи, которую говорил преосвященный Ефрем в Святейшем синоде (4 марта) при наречении в епископа, указаны причины и цель учреждения в Тобольске викариата. Это: а) глубокая старость, преклонность лет правящего тобольской паствой архипастыря, по которой ему крайне нужна деятельная помощь в трудах священнослужения и управления

делами епархии другого лица архиерейского сана, и б) нахождение в Тобольской епархии (самой по себе и обширной по пространству, и многолюдной по народонаселению) *иных овец*, овец, не принадлежащих к стаду Христову: на севере ее — идолопоклонников: остяков и самоедов, а в середине и особенно на юге — магометан: татар и киргизов. Архипастырю тобольскому искренно желалось бы и «*иные овцы привести во двор овчий*» — к стаду Христову; но их много, их местопребывание далеко от его кафедры, делателей же из его подчиненных, особенно таких, которые были бы готовы на подвиги апостольства, мало. Вот для чего ему нужен сотрудник архиерейского же сана.

Преосвященный викарий управлял Знаменским монастырем около трех лет. В 1874 году он поступил самостоятельным епископом на Тобольскую кафедру. С этого времени Знаменским монастырем управляют иеромонах Мемнон (до 1880 г.), затем лица из белого духовенства, вдовы — протоиерей Лев Брызгалов и священник Киприан Петухов (до последнего времени).

Малое число братии монастыря за последнее время и не требовало особенно сановитых настоятелей. Нередко в монастыре налицо находились один или два монашествующих лица с несколькими послушниками. В настоящее время число монашествующих увеличилось, именно: состо-

ит налицо три иеромонаха, один иеродиакон и до шести послушников. Впрочем, и в прежнее время в монастыре не всегда было обилие в монашествующих. Мы уже видели, что при архимандрите Тарасии в 1625 году тоже было в монастыре два черных попа. И в последующее время негде было приютиться значительному числу братии, ибо монастырь часто подвергался пожарам, причем сгорало почти все дотла, а восстановление построек за скудостью средств было нескорое и не в больших размерах. Цветущим, можно сказать, временем для численности братии монастыря было время около 60-х годов прошлого столетия. Варлаков на основании дел старого архива консистории (1762 г. № 58; Тоб. губ. вед. № 27, 1859 г.) насчитывает братии до 1760 года: одного архимандрита и до 18 монахов. В 1762 году с архимандритом братии было до 29 человек, причем бельцов не было совсем. При этом содержались несколько военных отставных чинов: один капитан, два унтер-офицера, девятнадцать солдат, на коих отпускалось 78 руб. 80 коп. и хлеба 54 четверти и два пуда. У монастыря в этом году числилось в самом городе Тобольске неплатящих крестьян-бобылей 139 человек. Из них тяглых 38 человек по 1762 год становили для монастыря на монастырских лугах сена по пятнадцати, иногда по десяти копен печатных, да при монастыре работные и неводные рабо-

тали по 37 дней в год. В Тобольском подгородном уезде принадлежало монастырю семь деревень; из них крестьян: в деревне Серебрянской — 16, Акимовской — 23, Волгиной — 15, Савиной — 16, Кугаевской — 10, Смолинской — 9, Ворогушиной — 9, итого 98. В Тобольском подгородном уезде расстоянием от Тобольска в шестидесяти верстах при реке Вагае была вотчина Вагайская, в коей 24 деревни. В них душ: в селе Вагайском — 119, в деревне Шахматовой — 46, Митрофановой — 22, в погосте Бегишевском — 36, в деревне Елтышевой — 17, Черепановой — 8, Горбуновой — 22, Климовой — 39, Дорониной — 60, Сосновской — 46, Шапошниковой — 95, Барабинской — 29, Касьяновой — 33, Евтезерской — 122, Старопогостской — 205, Аланской — 65, Изютской — 31, Березовской — 57, Мечетской — 99, Татарской — 63, Петрищевой — 137, Домниной — 17, Деревянской — 75, Птицыной — 19, Ашлытской — 99, итого 1561 душа. В Ялutorовском дистрикте в 289 верстах от Тобольска вверх по Тоболу вотчина Николаевская с двумя деревнями. В них душ: в селе Николаевском — 139, в деревне Кокуйской — 89, Шашевой — 116, итого 342 души, а всего 2140 душ.

С поименованных вотчин и деревень по 1762 год собиралось в монастырь с пахот крестьянских, смотря по урожаю хлеба, разных сортов пятинный хлеб (пятый сноп) издавна, а по пе-

реписным книгам 167 г. (1659 г.) прежде четвертый сноп. С какого же времени прекращено брать четвертый сноп, того в делах монастыря не найдено, потому что в пожары документы сгорели. С 974 человек вотчинных и деревенских крестьян взималось в год сделок по установлениям настоятелей, именно: крестьяне ставили сено для монастырского скота на монастырских лугах по пятнадцать, иногда по десяти копен. На плотничную работу посылалось в монастырь, когда было нужно, по тринадцать человек и более в лето, и они работали на монастырском хлебе. Дров поставляли они по одной сажени, для обжого кирпича сосновых по $\frac{1}{2}$ сажени, круглого соснового леса — по два бревна, плах — по две, уголья — по одной четверти, лык — по десяти фунтов, берест — длиною две сажени, драниц — по три; яиц куриных — по 20, мереж неводных — по одной сажени, лопат — по одной, веревок — по одной; значалось работ междудворных и мельничных по десяти дней, для перевозки хлеба на мельницу и с мельницы — по четыре подводы; взималось саней, пошевней и дровен — по одной, смолы — по одному ведру с десяти тяглых человек. А с 1762 года по день доставки сведения, по 3 октября 1763 г., этих сделок за упрямством своим, также и пятинного хлеба, крестьяне не давали, а платили только одни рублевые деньги с души по од-

ному рублю, которых, впрочем, за 1762 г. получено не было.

Как велики были доходы Знаменского монастыря, видно из следующего: в 1760 г. получено помольных с мельниц: ашлыцкой — 143 руб. 55 $\frac{1}{2}$ коп., евтезерской — 31 руб. 48 $\frac{1}{4}$ коп., якимовской — 34 руб. 78 $\frac{1}{4}$ коп., подуальной — 9 руб. 40 $\frac{1}{2}$ коп., а из вотчины Николаевской — 35 руб. 15 коп., итого 234 руб. 37 $\frac{1}{2}$ коп. От 1763 г. суммы в остатке было 21 руб. 34 $\frac{3}{4}$ коп., поступило рублевого сбора за 1762 г. 19 руб. 50 коп., за 1763 г. — 532 руб. 45 коп., итого 573 руб. 29 $\frac{3}{4}$ коп., неокладного с помольных мельниц — 15 руб. 8 $\frac{1}{2}$ коп. Из них выдано на жалованье монастырским служителям 89 руб. 75 коп., отставным военным чинам — 90 руб. 45 коп., за вывоз из сараев кирпича — 12 руб., на покупку кирпича — 37 руб. 60 коп., за кладку каменной колокольни (куда положено было 100000 кирпича) — 128 руб., куплено воска, ладана, вина на 128 руб. 10 коп.; холста, меда, кож, сальных свечей, мережи — на 442 руб. 93 коп., итого 571 руб. 3 коп.

Из этого видно, что хотя монастырь имел и много крестьян, хотя хлеба собиралось также достаточно, хотя также монастырь

требовал от крестьян и работ, и разных изделий, но крестьяне не были обременены большими поборами, утомительными работами и многочисленными урочными поставками; хлеб шел на пропитание как братии, так и тех же самых крестьян и отставных военных чинов, остатки были незначительные. Правда, что крестьяне поставляли и делали все, что было нужно, но только все это не для удовлетворения прихотей****, а для удовлетворения нужд внутреннего домашнего и вотчинного хозяйства. Хозяйство было обширное, оно похоже было на то, какое видим мы ныне у трудолюбивых земледельцев, у которых работники делают все, что нужно для хозяйства, и у которых есть все свое, но ничего почти лишнего. Да и тут еще разность большая. Ныне крестьяне извлекают денежный интерес из всего, что остается у них в излишке, и скопляют капиталец, но в половине XVIII столетия приобретать капиталы было невозможно: всякое собственное произведение крестьянина сравнительно с нынешним было дешево, все продукты, все работы также были дешевы, а деньги дороги.

В настоящее время братия монастырская содержится на про-

**** В Черепановской летописи на стр. 215 и след. повествуется об архимандрите Порфирии и его прихотях, доходивших до того будто бы, что дочери монастырских крепостных «должны были ежедневно очищать ножичками каждое ячменное зернышко для мягких хлебов к столу его высокопреподобия», но на это место летописи следует посмотреть как на исторический памфлет. Автор, видимо, желал написать сатиру на лицо духовное монашеского чина, рисуясь своим красноречием и остроумием.

центы от вкладных денег (до 10 тысяч), на небольшие доходы от исправления треб и заказных литургий, акафистов и пр., а также на доходы с аренды угодий, принадлежащих монастырю. Эти угодия следующие: 1) рыбный песок, находящийся в трех верстах от монастыря на устье реки Тобола на левой его стороне при самом впадении оного в Иртыш, начиная от острова Ямского до дач татар Медянских юрт. Песок этот пожалован монастырю в 1674 году высочайшего грамотою царя Алексея Михайловича и принадлежал ему бесспорно до издания штатов. А в 1764 году хотя по указу коллегии экономии в числе прочих угодий монастырских отобран был в казенное ведомство и назначен к отдаче в оброчное содержание, но по неявке никого из желающих указом Сибирской губернской канцелярии 1 мая 1767 года отдан монастырю впредь до явки желающих взять оный в оброк. На основании высочайше подтвержденного доклада Святейшего синода и сената 1797 года 18 декабря об оставлении за архиерейскими домами и монастырями всех угодий, которыми они владели доселе, Тобольская Казенная палата предоставила рыболовный песок сей в действительное владение монастырю, и вследствие этого сочиненный тюменским землемером Филимоновым план на песок, как согласный с натурою, Казенной палатой утвержден и прислан в копии в монастырь. Наконец, по

случаю споров и тяжбы об этом песке со стороны подгородных Медянских юрт татар по решительному определению Тобольского уездного суда 1800 года апреля 28 дня песок предоставлен в пользу монастыря.

2) Рыбное Вагайское озеро, называемое Задним, находящееся в сорока верстах от Тобольска близ деревень старого погоста Фирсовой, Лепехиной, Столбенки, Ульяновой, Шаргиной, Тарасовой, Криуши, Кузнецовой, Луговой и Петуховой. Этим озером монастырь владел до состояния штатов на основании выписи, данной монастырю из Тобольской воеводской канцелярии 1764 года ноября 23 дня; отдано монастырю для пропитания монашествующих и служителей. Право на владение сим озером предоставлено монастырю снова высочайшим указом 1797 года о наделении монастырей между прочим рыбными ловлями. По случаю тяжбы и споров о Вагайском озере жителей Старого Погоста и других соседних деревень журнальным определением Тобольского уездного суда 1809 года мая 29 дня в просьбе сих жителей, как незаконной, отказано, а предоставлено пользоваться оным по-прежнему Знаменскому монастырю.

3) Три песка, из коих один на реке Оби, а два между островами в Селиярской волости, недалеко от Сургута, пожертвованные в пользу монастыря 1738 года мая 20 дня Селиярской во-

лости Успенской церкви священником Борисом Фирсовым по его завещанию в поминальные души. Этими песками монастырь владел беспрепятственно до состояния штатов, а после состояния штатов, хотя отобранные были в казенное ведомство, но в 1772 году июня 8 дня по причине неявки желающих взять их в арендное содержание бывшим тобольским губернатором Денисом Ивановичем Чичериным отданы во владение обратно монастырю. В настоящее время пески эти присвоили себе селярские крестьяне.

4) Загородный двор и при нем тридцать десятинов земли под дровяным лесом и для выгона монастырского скота, находящиеся в десяти верстах от города в деревне Серебрянке. Этой землей монастырь владел до состояния штатов на основании выписки, данной монастырю из Тобольской воеводской канцелярии в 1694 году октября 19 дня, а после состояния штатов 1764 года ноября 23 дня Тобольской губернской канцелярией из сей земли отдано в пользу монастыря восемь десятинов для выпуска скота. 1766 года октября 23 дня по распоряжению тобольского губернатора Чичерина к вышеозначенным восьми десятинам отведено еще восемнадцать десятинов земли под дровяным лесом. 1800 года августа 1 дня на основании высочайшего указа, состоявшегося в 1797 году декабря 18 дня, в Серебрянской де-

ревне отмежевано уездным землемером Димитрием Плотниковым в одном месте пашенной земли девять десятинов, лесу дровяного тринадцать десятинов; во втором месте — пашенной земли одна десятина, леса дровяного две десятины; в третьем месте — дубровных покосов тридцать десятинов, леса дровяного пятнадцать десятинов, и положены на план, утвержденный Тобольской Казенной палатой.

5) Сто пятьдесят десятинов леса дровяного и отчасти строевого, находящихся Тобольского округа в Дубровной волости по реке Супре в ста верстах от Тобольска. Этой дачей монастырь владеет на основании высочайше утвержденного 26 сентября 1836 г. положения о предоставлении в пользу монастырей лесных участков на сбережение и продовольствие.

6) Мельница об одном поставе, находящаяся в ста верстах от Тобольска Дубровной волости близ деревни Шапошниковой на речке Истезерке, и под нею три десятины земли. Этим местом монастырь владел до состояния штатов, а после оно предоставлено монастырю на основании высочайше конфIRMованного указа Святейшего синода 1797 года о предоставлении монастырям угодий, коими они владели до сего времени.

Приведенный перечень угодий, которыми владеет Знаменский монастырь, показывает, что он не принадлежит к числу мо-

настырей богатых, больше сказать, средства его очень ограниченные. Нет в нем таких святынь, которые привлекали бы к себе богомольцев, а вместе с этим служили бы источником особенных доходов для братии, притоком для нее денежных средств.

Местной святыней монастыря должна считаться Казанская икона Божией Матери, о которой летописец под 1661 годом (лет. Череп., см. Тоб. еп. вед. 1883 г., ноябрь) упоминает, что образ этот «просиял в чудесах и знамениях во всех Сибирских странах». Но в настоящее время этого чествования незаметно. Правда, приносится в монастырь к 8 июля, ко дню празднования Казанской иконы Божией Матери, Абакская икона, но этим только и ограничивается торжество праздника. Прежде, годов 25—30 назад, бывал в это время около монастыря торжок, или род ярмарки, прибывала масса богомольцев и торгового окрестного люда, но ныне все дело ограничивается крестным ходом в 8 июля из собора по встрече Абакской иконы и архиерейским служением в монастыре на другой день — 9 июля. В крестном ходе участвуют преимущественно граждане, а не пришлые богомольцы.

За иконой Казанской Божией Матери указать каких-нибудь

исторических достопримечательностей монастыря нельзя. Прежде еще чествовалось резное изображение Николая Чудотворца (Можайского) в одной руке с церковью, а в другой с мечом, но и это изображение теперь стало достоянием ризницы.

В ризнице можно указать как на достопримечательности: а) на вериги в виде длинной медной полуженной цепи из небольших, довольно, однако, толстых колец (временно находятся в Тобольском музее); б) на большое в серебропозлащенном окладе Евангелие (елизаветинского издания) до 1 ¹/₂ пуда весом, для ношения которого при богослужении употреблялись обшитые ремни с крючьями на концах; в) на три серебропозлащенных креста: первого митрополита Сибирского Корнилия, архиепископа Герасима и архидиакона Ефрема (1732 г.) — вклад на вечный помин их души и г) на очень изящный серебропозлащенный же сосуд митрополита Антония Стаховского в 1733 г., причем в надписи сказано, что «чаша сия построена собственным коштом преосвященного для больничной церкви Преображения Господня»**** в Знаменском монастыре».

Обращают на себя внимание в Знаменском монастыре внутри Преображенской церкви сле-

**** В монастырском архиве дела начинаются с 1725 года, и за этот год имеется всего одно переплетенное дело, из которого видно, что *больничной* церковью при Знаменском монастыре именовалась Казанская, а не Преображенская церковь.

дующие надписи: а) на южной стороне колонны правого клироса под иконой св. Анны (против заглаждено и вновь написано): «позаде сего столба положено тело бывшаго тобольскаго купца Иакова Григорьева сына Корнильева, жены его вдовы Анны Алексеевой дочери, представилась тысяща семь сот пятьдесят седьмаго года декабрия 27-го дня; жизни своей имела шестьдесят один год»; б) на северной стороне колонны левого клироса под иконой Иакова Персянина *надгробное начертание*:

«О чем зрится вещь,
хотяй прямо испытати,
Благоволит яве стихи прочитати.
Сего града Тобольска
зде муж нарочитых
Иаков Григорьев Парфитев
Серытых.
Пятидесяти семи лет и
сверх бе от роду.
Дня шестнадцатаго сентября
тридцать шестаго году
Остави жену, чада, богатства,
славу,
С кранним целованием
преклонивый главу.
Тело бо перси вдаде, душу
в руце Богу,
Емуж и пожив
за благодать многу.
Прежде смерти сей память
и церкви остави,
Для различным,
для Божией славы.
Почесом и церкви его поминати,
Неостанет просяще
вечной благодати...».
(Следует еще до 30 виршей).

Сбоку: «Прежде писана сия икона 1637 года»;

в) за старостинским местом в северо-западном углу в стене сделана чугунная плита с такой надписью: «Помяни Господи душу раба своего Димитрия Михайловича Зеленскаго, полковника Лубенскаго, представльшагося года 1722 месяца июля 19 дня, зде погребеннаго».

Еще в храме обращает на себя внимание старая киотъ, в которой прежде помещалась многотимая икона Казанской Божией Матери. На этой киоти имеется следующая надпись: «Чудо о явлении Пресвятыя Богородицы в Сибири. Града Тобольска на нижнем посаде, в обители Знаменскаго монастыря, в лето от сотворения мира 7369, а от воплощения Бога Слова 1661 июля 8 числа, при державе благочестиваго государя, царя и великаго князя Алексия Михайловича, не в бытность, за отлучностию в Москву Преосвященнаго Симеона архиепископа, в бытность боярина и воеводы, князя Иоанна Андреевича Хилкова, тоя обители при архимандрите Иосифе, церковному дьяку Иоанникию свыше повелено о построении церкви во имя Одигитрии Казанския и образ сей взять у воздвижения Честнаго Креста в чулане стоящий лицом в стене, от котораго и поныне сияют чудеса просящим с верою». В тумбе этой киоти помещается изображение

Знаменского монастыря второй половины прошлого века.

Есть надписи в тумбе большой киоти за колонною правого клироса с западной стороны, но от давнего времени, а главное, от сырости они повреждены, и оказывается невозможным прочитать их. Но должно догадываться, что в надписях этих значатся имена соорудителей киоти или лиц из семьи Корнильевых, вблизи этого места похороненных в церкви. Зато на той же киоти с юго-западной стороны под иконой обращает на себя внимание древней живописи план Царьграда, или Константинополя, заслуживающий особого воспроизведения любителя старины.

Выдающаяся же замечательность представляет памятник (в виде чугунной плиты), находящийся вне храма перед алтарем. Из надписи на этом памятнике усматривается, что здесь погребен бывший воспитатель императора Петра II. Вот эта надпись со всей ее особенностью стиха и орфографии:

Богу великому всецедрому
и преблагому:

Чти и прослезися путь
шественниче.

Коль трудное жизни и смерти
противоречие от гробнаго
сего саркофага.

Имже тяжко прикроен лежу,
ясно познаеши.

Жихъ:

Ныне же есмь смертный прах
и сень преклоньшаяся.
смерть бо величайших

Уменьшает. пряснейших
повергает. и высочайших
низлагает

Сим начертанием кратким.

не краткая но безчиленная
внемли моя терпения

Зане елико бых любящи творити
благая. толико вяще

принужден поядати злая.

Хощеши ли познати

зде лежащаго имя

Симеон Маврин

Аще род:

От благородных фамилии
впределех новгородских.
российскаго отечествия.

Отца именем афанасия
не изобильно богата,
но благочестива

и добродетельна
суща прорастши

Егда достоинство:

Бригадир воинск российской
империи. и комендант
бывший тобольска. иже
добро-

детелю тако протчих превзыде.
яко не точию вчертоги

царския ко услужению
приятъ бысть. но яко собственною
благородия своего сияше
добродетелю.

Его величество петр великий
император всероссийский
своего вселюбезнейшаго
внука

ему под верное ввоспитании
охранение поручи.

Жизнь ли испытуеши:

и сию всю внаучении
добродетелей во искусстве
благонравных обхождений.

Паче же вверных услугах нетокмо

его величеству петру великому.
и ея величеству
императрице екатерине. но и его
величеству второму. императорам
всероссийским
непорочно приепроводих

А еже умрох:

Безсмертного то Бога дело, что же
таков и толик конец житию
Зри да негорее о мне возрыдаеши,
ибо не умрох. но
ко безсмертию отидох
претыкание ли жизни мниши
смерть быти нужда бо есть

ко пристанищу сему быти

Яко древле беллизарию

Даждь убо мне симеону.
последнее целование

Его же своя добродетель.

честью вознесе

Ненависть же иных низнесе даже
и во гроб положи

Жизни моя 33 лета

заклучи год 1729

дне 27 июля

Не крове союзом
но добродетелию
творимою от при
тяженных себе
друзей уготова
по смерти сие
написание.

В настоящий очерк следует занести, что а) в конце 1677 года жил и скончался в нем первый Тобольский митрополит *Корнилий*, вероятно, по той причине, что после ужасного пожара 20 мая 1677 года архиерейский дом еще не был построен, а Знаменский монастырь уже успел, хотя кое-как, выстроиться. Похоронен, впрочем, преосвященный

Корнилий не в самом монастыре, а в Сергиевской церкви, что на горе; впоследствии, при разборке за ветхостью Сергиевской церкви, гроб его перенесен в кафедральный собор; б) все тобольские архипастыри XVII и XVIII столетий, начиная со второго архиепископа Макария (с 1625 г.) и до архиепископа Антония III Знаменского (в 1803 г.) включительно, по приезде в Тобольск первоначально останавливались в Знаменском монастыре и уже отсюда (в тот же день или в один из следующих) по облачении и прибытии к ним всего градского духовенства шли в собор и архиерейский дом при звоне на всех колокольных в церемонии, подобной крестному ходу. (Описание этой церемонии см. Тоб. епарх. вед. 1885 г. № 13).

Знаменский монастырь замечателен еще как место ссылки лиц, замечательных в каком-либо отношении в истории. Предание сохранило известие о том, что при архиепископе Тобольском Симеоне по распоряжению патриарха Никона здесь находился некоторое время до поступления священником к одной из приходских в городе церковей *протопоп Аввакум* — один из главных вожakov раскола в период его появления, считаваемый приверженцами старообрядства за святое лицо. Здесь же при митрополите Игнатии Римском-Корсакове на-

ходил на справе *Иосиф Истомин* — лицо не менее Аввакума известное в истории раскола, особенно сибирского. (См. Тоб. епарх. вед. 1885 г. №№ 16—17, ст. «Протопоп Аввакум в Сибири» и третье окружное послание митрополита Игнатия, издание Прав. Собеседн. 1859 года).

В заключение исторического очерка о Тобольском Знаменском монастыре должно сказать, что небогатый материальными средствами монастырь этот имеет за собой историческое значение, которое ставит его выше других монастырей Сибири, более его богатых материально. Тобольский Знаменский монастырь послужил первее всего ядром для других иноческих обителей и монастырей Сибири. Отсюда шли монашествующие в глубь Сибири и полагали основание новым монастырям, были их насельниками — простыми монахами или управителями и настоятелями этих монастырей. (См. Памятн. книж. Тобольск. Знамен. монаст. арх. № 14). Главнейшая же заслуга монастыря должна быть признана в том, что он приютил у себя духов-

ную школу — семинарию с училищем, которые с 1770 года существовали нераздельно с монастырем и до того сроднились, что одно учреждение без другого не мыслимы. Отсюда вышли 1000 людей-деятелей на лице сибирской земли по распространению грамотности и света Христовой веры. Можно думать, что без семинарии судьба Тобольского Знаменского монастыря была бы иная. При недостатке монашествующих, а также потребного количества средств к содержанию, монастырь давно могла бы постичь участь других монастырей, т.е. быть ему закрытым, как закрыты были в Сибири десятки монастырей. Между тем духовная школа, нашедшая себе приют в монастыре, поддерживала значение его, обращала на него особенное внимание и тобольских архипастырей, и высшего духовного правительства в России, и монастырь не только не доведен до закрытия, но существует и будет существовать, пока при нем не будет закрыта духовная семинария. А это последнее может случиться разве с закрытием Тобольской епархии.

Протоиерей П. Г.-н.

Филь Сергей Генрикович родился в 1960 г. в Омске. Окончил филфак местного госуниверситета. Преподавал литературу, а также славянские языки, занимался туризмом и бизнесом. В настоящее время — заведующий отделом польской культуры ТОКМЦНКиНТ, вице-президент Конгресса поляков в России. Печатался в журнале «Сибирское богатство», газетах «Тюменский курьер», «Тюменские известия», «Наше время». Автор книги «Na Syberyjskim trakcie» (Warszawa, 1999. 147 s.). Тема исследований — 400-летняя история поляков в Сибири.

Нынешняя публикация — дебют в «Лукиче».

«Биографии Высоцких Версии, мифы, факты»

Имя Константина Николаевича Высоцкого (1836/37—1887), тюменского гуманиста-просветителя второй половины XIX в. и общественного деятеля, хорошо известно краеведам. Его жизни и деятельности посвящено немало публикаций, авторы которых в основном опираются на воспоминания Н.М. Чукмалдина¹. Новые данные в научный оборот практически не вводятся. В то же время в биографии Высоцкого остается немало «белых пятен» и порой вопиющих неточностей. Работа по восстановлению подлинной биографии выдающегося тюменца начата автором этих

строк². В настоящей статье предлагаются результаты новейших разысканий и исследований на эту тему.

Работа над биографией Высоцкого-отца вывела меня на материалы, имеющие прямое отношение к Высоцкому-сыну. Насколько известно, они никогда и никем ранее не рассматривались. Первый источник — литературный: книга П.Я. Пясецкого «Путешествие по Китаю», опубликованная в Москве вторым изданием в 1882 г.

¹ Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания: Избранные произведения. Тюмень: СофтДизайн, 1997. С. 173.

² Филь С.Г. Отец тюменского гуманиста-просветителя К.Н. Высоцкого // Словцовские чтения-2000. Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 2000. С. 305—308.

Содержащаяся в ней информация лишний раз характеризует К.Н. Высоцкого как человека, всегда готового поддержать просвещение в любых его формах и словом и делом. Автор произведения, доктор медицины и участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., удостоенный за свой труд писателя большой золотой медали Императорского Русского Географического общества, в первой главе двухтомного сочинения о научно-торговой экспедиции в Китай описал девять дней пребывания в Тюмени весной 1874 г.

Поведав о неудаче руководства экспедиции в переговорах с именитыми тюменскими купцами Ф.С. Колмогоровым, П.И. Подаруевым и А.Ф. Поклевским-Козеллом относительно денежных пожертвований в пользу путешествия, П.Я. Пясецкий все же посчитал необходимым воздать должное благотворительности и профессионализму тюменцев:

«Впрочем, мы должны помянуть Тюмень добром: там были изготовлены для экспедиционной фотографии до пятнадцати ящиков превосходной работы, со всевозможными удобствами и приспособлениями. Труды по этому взяли на себя И.В. Каноники и К.Н. Высоцкий, а на кого пали расходы, вероятно не

малые, мне неизвестно. Эта услуга тюменцев была очень большая, потому что если бы фотографические принадлежности мы повезли в петербургских ящиках упаковки Ширля, то от всего остались бы только шепки да толченное стекло. Все эти ящики были высланы нам в Томск, и когда их раскрыли, мы долго просто любовались ими; кроме того, оказалось, что все пустые места были наполнены разного рода необходимыми или полезными в дороге вещами. Но всего дороже, конечно, были любезность и предусмотрительное внимание к нам, за которые и говорим нашим землякам самое большое спасибо»³.

Второй источник — документальный. Мне удалось обнаружить его в фондах Тюменского областного краеведческого музея. Основанный на формулярном списке и потому богатый точными данными, «Аттестат» Константина Николаевича Высоцкого, датированный 23 августа 1865 г., предстает в виде копии, выданной Тюменским окружным полицейским управлением «отставному коллежскому регистратору Константину Высоцкому» 13 февраля 1875 г.⁴ Этот письменный источник, пожалуй, впервые позволяет конкретно охарактеризовать период пребывания К.Н. Высоцкого на госу-

³ Пясецкий П.Я. Путешествие по Китаю в 1874—1875 гг. через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай. Т. I. Изд. 2-е. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1882. С. 3—4.

⁴ Фонды ТОКМ. Аттестат К.Н. Высоцкого от 23 августа 1865 г. в копии от 13 февраля 1875. Л. 1—2.

дарственной службе, перевода разговор из области неаргументированных предположений в плоскость документально подтвержденных фактов.

Прежде всего, документ максимально приближает нас к ответу на вопрос о дате рождения К.Н. Высоцкого. На 23 августа 1865 г. ему 28 лет⁵. Из этого можно сделать вывод о том, что он родился, вероятнее всего, в 1837 г. или в 1836-м, если день его рождения пришелся на отрезок времени с 24 августа по 31 декабря, и еще в 1865 г. ему должно было исполниться 29 лет. Но это никак не 1835 г., как предполагал Н.М. Чукмалдин⁶ и утверждали писавшие о К.Н. Высоцком исследователи⁷, и не 1834 г., как считает Н.И. Сезева⁸.

«Аттестат» сообщает и о православном вероисповедании К.Н. Высоцкого, и о принадлежности к «податному состоянию». Упоминается и дата его вступления в службу: 8 апреля 1854 г.⁹. Эта информация вызывает в па-

мяти уже цитировавшееся нами письмо В.И. Штейнгеля И.И. Пущину, написанное менее чем через месяц после начала службы К.Н. Высоцкого: «С божиею помощью Порф[ирий] Матв[еевич] так удобрился для меня, что удивил поспешностью данного мне обещания: Высоцкий уже допущен к исправлению должности»¹⁰. Порфирий Матвеевич Чигиринцев, директор училищ Тобольской губернии, принявший К.Н. Высоцкого на службу, несомненно, был причастен и к следующему факту его биографии, отмеченному в «Аттестате»: «По выдержанию экзамена в Педагогическом Совете Тобольской гимназии на звание учителя приходского училища допущен к исправлению должности учителя 1855 года января 4-го»¹¹.

Приняв лично живое участие в судьбе К.Н. Высоцкого, В.И. Штейнгель просил в письме И.И. Пущина похлопотать через брата Николая Ивановича о том, чтобы создать протекцию работам

⁵ Фонды ТОКМ. Аттестат К.Н. Высоцкого. Л. 1.

⁶ Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания: Избранные произведения. Тюмень: СофтДизайн, 1997. С. 172—173.

⁷ Коновалова Е.Н., Роцевская Л.П. Тюменские издатели Высоцкие // Урал. 1990. № 12. С. 151; Коновалова Е.Н. Книгоиздание в Тобольской губернии (2-я половина XIX—начало XX века): Ист.-библиогр. справки и списки лит. Тюмень, 1994. С. 7; Коновалова Е.Н. История тюменской книги / Лукич. 1998. Ч. 3. С. 134; Рогачев В.А. Красная речь Василия Князева // Князев В.В., Плотииков М.П. Русь : Избранное. Тюмень: СофтДизайн, 1998. С. 8.

⁸ На память: Тюмень глазами художника, фотографа, путешественника. XVIII—XX вв. М.: Галарт, 1998. С. 136.

⁹ Фонды ТОКМ. Аттестат К.Н. Высоцкого. Л. 1.

¹⁰ Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Т.1. Записки и письма. Издание подготовлено Н.В. Зейфман и В.П. Шахеровым. Иркутск: Вост.-Сиб. Кн. изд-во, 1985. С.289.

¹¹ Фонды ТОКМ. Аттестат К.Н. Высоцкого. Л. 1.

«сына умершего политического преступника» в Академии художеств. «Приложите руку к довершению, — писал он, — а то, говорят, там часто забраковывают без особого ходатайства уважительного и материального»¹². Н.И. Пущин, видимо, «приложил руку», о чем свидетельствует запись в «Аттестате»: «Императорской Академией Художеств удостоен звания учителя рисования 1855 года января 26-го»¹³.

Декабристы нередко оказывали помощь начинающим чиновникам. Но тот факт, что В.И. Штейнгель и И.И. Пущин благодаря своим связям помогли встать на ноги сыну члена тайного общества, который оказался в Сибири в тех же условиях и проходил по тем же документам, что и они, кажется особенно логичным и понятным. Трудно представить, как бы сложилась судьба К.Н. Высоцкого без их участия.

Вместе с тем, совпадение фактов биографии безымянного Высоцкого из переписки декабристов, которого комментаторы письма В.И. Штейнгеля считают сыном И.С. Высоцкого, и данных «Аттестата» лишний раз убеждает, что речь идет о К.Н. Высоцком.

1 января 1856 г., согласно «Аттестату», К.Н. Высоцкий был утвержден Правительствующим Сенатом «на служебно-учебной части»¹⁴. Никакое другое место службы, кроме Тюменского уездного училища, в «Аттестате» не упоминается. Поэтому резонно предположить, что преподавать в Тюмени К.Н. Высоцкий начал все же не в 1857 г. (о чем, не без сомнений, сообщал Н.М. Чукмалдин, а вслед за ним писали Л.П. Рощевская, Е.Н. Коновалова, Л.П. Пермякова и Л.А. Пиманова, В.Е. Копылов¹⁵), а еще в 1856-м. В самом деле, ведь надо же было и ему самому жить как-то целый год, не имея побочных доходов, и помогать матери и малолетним братьям и сестрам.

Указом Правительствующего Сената № 4427 К.Н. Высоцкий был «произведен в чин коллежского регистратора со старшинством с 3 марта 1859 года»¹⁶. Далее документ свидетельствует, что бывший учитель искусств «в походах против неприятеля и военных сражениях не был, под судом и следствием не находился, в продолжении службы всегда аттестовался способным и достойным, в отпусках не бывал. В отстав-

¹² Штейнгель В.И. Указ. соч. С. 289.

¹³ Фонды ТОКМ. Аттестат К.Н. Высоцкого. Л. 1.

¹⁴ Фонды ТОКМ. Там же. Л. 1.

¹⁵ Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания: Избранные произведения. Тюмень: СофтДизайн, 1997. С. 174; Коновалова Е.Н. Книгоиздание в Тобольской губернии (2-я половина XIX—начало XX века): Ист.-библиогр. справки и списки лит. Тюмень, 1994. С. 7; Коновалова Е.Н. История тюменской книги/ Лукич. 1998. Ч. 3. С. 134; Копылов В.Е. Окрик памяти. Книга первая. Тюмень, 2000. С. 50.

¹⁶ Фонды ТОКМ. Аттестат К.Н. Высоцкого. Л. 1.

ку вышел по прошению 4 августа 1863 года¹⁷.

Н.М. Чукмалдин назвал отставку К.Н. Высоцкого невольной¹⁸. Трудно понять, что здесь имеется в виду. По-видимому, причиной его ухода с казенной службы явилась необходимость поисков заработка для содержания семьи, которой он к тому времени обзавелся. Это кажется наиболее вероятным, тем более что ниже составитель «Аттестата» подчеркивает: «Имения же ни у самого его, родителей, а равно мест родственного и благоприобретенного нет»¹⁹. А это означает, что К.Н. Высоцкий на 1865 г. (и, вероятно, на 1875 г. тоже) не располагал никаким недвижимым имуществом. Не исключено, что его отставка, приходящаяся на середину Январского восстания (1863—1864), имеет к последнему какое-то отношение. К.Н. Высоцкому могли напомнить и о его польском происхождении, и об участии отца.

Члены семьи К.Н. Высоцкого перечислены в конце «Аттестата»: жена Людмила Афанасьевна, дочь священника, и дочери: Мария, родившаяся 7 марта

1860 г., и Людмила, родившаяся 9 июня 1862 г. Документ подчеркивает, что жена и дети К.Н. Высоцкого исповедовали православие²⁰. День рождения М.К. Высоцкой, впоследствии Князевой, указан Н.И. Сезевой²¹ как 1869 г., что, как видим, не соответствует истине. Косвенно на год рождения М.К. Высоцкой указывал и С.Н. Кубочкин, отмечая состоявшееся 14 мая 1880 г. бракосочетание «тюменского купца Василия Ивановича Князева 31 года с девицей Марией 21 года», дочерью К.Н. Высоцкого. (Возраст как минимум на год расходится со сведениями «Аттестата»²². «Точная» дата рождения Л.К. Высоцкой, 9 июля 1862 г., называлась Е.Н. Коноваловой²³. (Расхождение с данными «Аттестата»).

Подлинник данного «Аттестата» по Указу Его Величества Государя Императора Александра Николаевича Самодержца Всероссийского и проч. и проч. и проч.» был составлен, подписан и удостоверен печатью штатным смотрителем Тюменского училища коллежским асессором и кавалером М. Неугод-

¹⁷ Фонды ТОКМ. Там же. Л. 1—1 об.

¹⁸ Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания: Избранные произведения. Тюмень: СофтДизайн, 1997. С. 174.

¹⁹ Фонды ТОКМ. Аттестат К.Н. Высоцкого. Л. 1 об.

²⁰ Фонды ТОКМ. Там же. Л. 1 об.

²¹ На память: Тюмень глазами художника, фотографа, путешественника. XVIII—XX вв. М.: Галарт, 1998. С. 171.

²² Кубочкин С.Н. Загадки семьи Князевых// Лукич. 1999. Ч. 6 (10). С. 73. Автор впервые назвал дату кончины М.К. Князевой: 29 июня 1892 г. (С. 74).

²³ Коновалова Е.Н. Книгоиздание в Тобольской губернии (2-я половина XIX—начало XX века): Ист.-библиогр. справки и списки лит. Тюмень, 1994. С. 10.

никовым. Выдан же был настоящий документ «в удостоверение» всех выше перечисленных фактов биографии К.Н. Высоцкого «на свободное проживание во всех городах Российской империи»²⁴. 13 февраля 1875 г. копию «Аттестата» от 23 августа 1865 г. составили два исправляющих должности секретаря и столоначальника, снабдив ее № 2031 и дополнительной записью: «Копия эта с подлинным верна и выдана из Тюменского Окружного Полицейского Управления отставному коллежскому регистратору Константину Высоцкому». Заверил ее «подписом с приложением казенной печати» Тюменского окружного полицейского управления помощник исправника Заонегин²⁵.

Полагаю, что «предъявитель сего» читал как подлинник, так и копию документа, и коль скоро пользовался ими, значит, находил их соответствующими действительности. Принимая во внимание это обстоятельство и учитывая как характер самой деловой бумаги, так и статус учреждений, причастных к ее появлению, считаю возможным

говорить о том, что данный документ заслуживает абсолютного доверия и может рассматриваться как основной источник биографических данных семьи К.Н. Высоцкого до его ухода с казенной службы.

На мой взгляд, научное значение «Аттестата» К.Н. Высоцкого от 23 августа 1865 г. в копии от 13 февраля 1875 г. достаточно весомо, поскольку он позволяет впервые документально обоснованно взглянуть на биографии как самого тюменского гуманиста-просветителя, так и членов его семьи, корректируя уже известные факты и привнося в оборот новые сведения. Всесторонняя популяризация содержащихся в нем данных должна составить новый этап на еще достаточно долгим и трудном пути изучения и постижения истории жизни К.Н. Высоцкого, которая стала примером непростого воспитания детей ссыльных поляков в землю Сибири при всей очевидной пользе их активного участия в хозяйственном, научном и культурном освоении ее территорий.

²⁴ Фонды ТОКМ. Аттестат К.Н. Высоцкого. Л. 1 об.; Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год, изданная делопроизводителем Тобольского губернского статистического комитета В. Ильиным (Тобольск, 1864. С. 48), называет имя и отчество смотрителя Неудодникова: Михаил Степанович.

²⁵ Фонды ТОКМ. Там же. Л. 1 об.—2.; Из Памятной книжки для Тобольской губернии на 1864 год (с. 45) узнаем, что служащий Тюменской городской полиции Александр Петрович Заонегин в указанный период занимал в ней должность пристава гражданских и уголовных дел в чине губернского секретаря.

Откуда пришла Калтась?

(К вопросу о генезисе теонима)

Духовное наследие ханты и манси — поистине неисчерпаемый кладезь для ученых, внимание которых к этой проблематике, несмотря на солидную историю изучения, не затухает и по сей день. Секрет такой притягательности кроется не только в уникальности традиционной религиозно-мифологической системы обских угров, но и в ее хорошей, по сравнению с другими аборигенами евразийского Севера, сохранностью. Хотя такая оценка в большей степени относится к прошлому. Богатый этнографический и фольклорный фонд обских угров сохранился во многом благодаря усилиям зарубежных и российских ученых и путешественников, собиравших в приобской тайге бесценные материалы уходящей архаики в течение последних двух столетий.

Христианизация, частичная ассимиляция и целенаправленная атеистическая кампания советской власти, сопровождавшаяся физическим уничтожением шаманов — все это привело к непоправимым последствиям: ломке мировоззренческих устоев и забвению духовных традиций предков. В связи с этим

надежды этнографов на существенное пополнение научного багажа новыми материалами по духовной культуре ханты и манси тают с каждым днем. В таких условиях вполне закономерно стремление исследователей максимально полно использовать научный потенциал источников и переосмыслить творческое наследие предшественников, что проявляется в их повышенном внимании к мельчайшим деталям, нюансам, в поисках общего и особенного в мировоззрении обских угров и других народов уральской языковой семьи, а также в попытках этнографов и культурологов использовать достижения и возможности смежных гуманитарных наук — археологии и лингвистики.

Сегодня для исследователей традиционного мировоззрения обских угров вполне очевидно, что оно не является замкнутой статичной системой, существующей в неизменном состоянии от рождения. Известно, что, несмотря на присущий им консерватизм, духовные воззрения ханты и манси заметно варьируют у различных территориальных групп. Это объясняется, по-видимому, обширностью террито-

рии расселения, незавершенностью процесса консолидации этносов, а также влиянием иноэтнических компонентов, принявших участие в формировании различных территориальных групп. Считается, что ханты и манси как этносы в основном сложились в результате смешения двух этнических групп: таежных аборигенов, самоназвание которых неизвестно, и степных кочевников-угров, появившихся в тайге в конце I тысячелетия до н.э. — середине I тысячелетия н.э. Предполагается также участие и других этнокультурных компонентов на разных этапах этногенеза и этнической истории обских угров (палеоазиатов, индоиранцев, древних коми и т.д.).

Разновременные и длительные контакты с соседними племенами и народами, ассимиляционные процессы, безусловно, отразились и в духовной сфере. Эти факторы значительно осложняют осуществление гипотетической реконструкции единой религиозно-мифологической системы обских угров и ставят перед исследователями трудновыполнимые задачи вычленения общего для всех территориальных групп мировоззренческого «ядра», выделения стадийно-хронологических пластов и инокультурных заимствований. Подобная работа целенаправленно ведется уже не-

сколько десятилетий, и определенные успехи достигнуты. В частности, известный культуролог и лингвист В.Н. Топоров доказал, что имя одного из главнейших обско-угорских божеств — небесного всадника (Мир-Сусне-Хума у манси и Мир-Верты-Ху у ханты) — является дословным переводом одного из эпитетов иранского Митры: «Мир созерцающий человек», «За миром наблюдающий человек». И в целом, наличие иранского и индоиранского пластов в религиозно-мифологической системе обских угров сегодня у исследователей не вызывает сомнения.

В последние годы заметно вырос интерес ученых к духовной сфере традиционных культур ханты и манси. Явно наметилась тенденция к переходу от чисто описательного (этнографического) изучения к глубинному анализу, выявлению потаенной сути явлений. Исследователи заинтересовались не только тем, что «лежит на поверхности», но и мельчайшими деталями, нюансами, связями, вновь и вновь обращаясь к темам, казалось бы, исследованным вдоль и поперек. Появился ряд работ, авторы которых пытаются наметить пути к реконструкции архаичных пластов в мировоззрении обских угров¹. Примечательно, что ис-

¹ Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и космос. Новосибирск, 1990; Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995; Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Новосибирск, 1997; Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск, 1991.

следователи обратили внимание не только на неоднородность и динамичный характер системы в целом, но и на эволюцию (деградацию) пантеона и образов его отдельных представителей. Исследования в этом направлении представляются весьма актуальными и перспективными.

Обращаясь непосредственно к теме настоящей статьи, отмечу следующее важное обстоятельство: авторы единодушно считают наиболее архаичной фигурой обско-угорского пантеона богиню Калтась (Калташ). Несмотря на почтенный возраст богини, ее характеристика по разнообразию и обилию сведений не имеет себе равных в устной народной традиции.

В фольклоре и ритуальной практике Калташ выступает как всеобщая обско-угорская богиня-жизнеподательница, «мать всех людей», покровительница материнства. Она определяет судьбу каждого человека и продолжительность его жизни. Ее представляют в образе молодой красивой женщины или седой старухи, одетой в соболью шубу или красный халат. На голове — платок либо «шапка из зимнего заячьего меха». Кроме антропоморфного облика, Калтась имеет и зооморфные ипостаси: зайчиха, лягушка, гусыня или лебедь (у манси богиня могла перевоплощаться и в ба-

бочку). Ее символ — береза, неременные атрибуты — колыбель и посох с зарубками или нитями с завязанными на них узелками (таким образом она определяет продолжительность жизни новорожденного).

Калтась вездесуща и всепроникающа, однако традиционно считается, что в антропоморфном образе она живет в золотом доме на небесах или на горе (в горе). В одном из наиболее архаичных мифов хижина богини находится на берегу озера с живой водой, расположенного у истоков Мировой реки (Оби). В облике птицы она обитает у основания семи священных берез, высиживает «на берегу семи озер» в гнезде из сухой осоки птенцов, один из которых — «человеческого существа девочка» (первая женщина). Калтась-лягушка живет, как и положено земноводному, на болоте, а божественная зайчиха — в лесу. Но главная обитель богини-жизнеподательницы, как удачно подметил А.В. Головнев, — в утробе женщины: северные ханты называют матку «темным домом», а послед — «калташ»² (по материалам Е.П. Мартыновой «калташ» — матка³). Они же именуют эту богиню Ар-хотым-ими — «Многих домов женщина».

Исследователи отмечают также, что сонм богинь-мате-

² Головнев А.В. Указ. соч. С. 536.

³ Мартынова Е.П. Образ Калташ-анки в религиозной традиции хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992. С. 75.

рей, существующий у различных групп ханты и манси, не что иное, как местные варианты (редакции) некогда единого божества, Матери-прародительницы Калтась⁴. Сказанное относится и к богине (духу) Огня-матери (Най-щань) у манси и к Терас-най-анки («Морского огня матери») у восточных ханты. По мнению А.П. Зенько, последняя появилась в результате расщепления «единого женского персонажа, подобного Калташ»⁵. «Подобного», потому что саму богиню-прародительницу восточные ханты называют Пугос-анки — «Пуповины мать». Однако В.М. Кулемзин убежден, что это — одно из множества имен всеобщей обско-угорской богини-матери⁶. Имен действительно много: Калташ-ими, Калташ-анки, Пугос-анки, Пугос-лунг, Потлан-хот-анка, Сян-торум, Йоли-торум-сян, Мых-пугос-анки, Мых-анки, Ма-анки, Мэх-ими В этих названиях «сян» и «анки» означают «мать», «ими» — «старуха», «лунг» — «дух», «пугос» — «пуповина», «торум» — «небо, верховный небесный бог», «мых» и «ма» — «земля», «йоли» — «нижняя».

Семантика теонима Калтась требует отдельного рассмотрения, поэтому предварительно обобщим характеристики боги-

ни. Бросается в глаза явная многогранность образа: покровительство роженицам, определение судеб людей, связь с рождением и смертью, принадлежность к трем космическим сферам, стихиям (вода-болото, земля, небо), что придает ему поистине вселенский размах. С этими стихиями связаны и соответствующие ипостаси многоликой богини (лягушка, водоплавающая птица, зайчиха), причем ее небесные черты явно меркнут перед земными, «низкими». Птичий облик хотя и связан с водой (водоплавающие), но все же слабо согласуется с «земноводным» лягушачьим и «земным» заячьим. А.М. Сагалаев, рассматривая преимущественно птичий образ Калтась, подчеркивает «постоянное соскальзывание» небесной богини-матери к «земным, хтоническим образам и символам»⁷.

Многогранность и противоречивость образа Калтась, а также наличие в обско-угорском пантеоне различных ее «редакций» могут быть объяснены как результаты влияния различных факторов:

— слиянием в нем черт, изначально присущих различным богиням (духам);

— наслоением поздних, в том числе и инокультурных, элементов на архаичную основу;

⁴ Головнев А.В. Указ. соч. С. 539; Сагалаев А.М. Указ. соч. С. 57.

⁵ Зенько А.П. Указ. соч. С. 21.

⁶ Кулемзин В.М. Человек и природа в воззрениях хантов. Томск, 1984. С. 163.

⁷ Сагалаев А.М. Указ. соч. С. 71.

— изначальной его аморфностью как проявлением способности и стремления мифопоэтического сознания передать идеи рождения ею всего сущего и круговорота жизни (рождение—смерть—рождение) через единый многогранный образ вселенского масштаба.

Первое обстоятельство сомнительно и, как будет показано ниже, не имеет под собой убедительных аргументов. Влияние второго фактора несомненно. Некоторые явно поздние детали образа узнаются достаточно легко: лошадь как атрибут богини, ее обиталище — золотой дом (хотя определение «золотой» не обязательно следует воспринимать буквально, оно может выступать как синоним светлого, яркого, солнечного). В целом же «очистить» архаичное ядро образа от различных наслоений — задача чрезвычайно сложная, если вообще выполнимая.

Третий фактор не менее очевиден. Во всяком случае он достаточно убедительно аргументирован на собственно угорских материалах А.В. Головневым и на сибирских (урало-алтайских) А.М. Сагалаевым (данное обстоятельство, помимо прочего, указывает на чрезвычайно древний возраст богини-матери). Первый из упомянутых исследователей вообще пришел к выводу о первичности образа

Калтась в обско-угорском пантеоне. По его мнению, эта богиня — «изначальное ничто», лоно, породившее и создателя Торума, и владыку Нижнего мира Куля (Кынь-лунга), и всех прочих божеств⁸.

Когда же состоялось «рождение» Калтась, насколько глубоки исторические корни ее образа? Вопрос не праздный, ответ на него может дать ключ к решению многих научных проблем, в том числе и проблемы этно- и культурогенеза обских угров (и не только их).

Специальные исследования по этому поводу до сих пор не проводились, однако «есть мнение», что образ богини начал формироваться еще в эпоху существования финно-угорской общности и сложился в результате слияния угорского мифологического пласта с древними уральскими представлениями о Матери-земле и Матери-огне⁹. Это утверждение основано на уже упоминавшемся мнении о двухкомпонентности обско-угорских этносов: считается, что степняки-угры и таежные аборигены принадлежали к уральской языковой семье. Картина заведомо упрощенная, так как на ранних этапах этногенеза предки ханты и манси имели тесные контакты с различными этническими группами. В данном случае речь идет о бронзовом (II тыс. до н.э.) или

⁸ Головнев А.В. Указ. соч. С. 530, 537.

⁹ Мартынова Е.П. Указ. соч. С. 83; Нягань. Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995. С. 78.

раннем железном (I тыс. до н.э. — нач. I тыс. н.э.) веках, когда угры появились на юге западно-сибирской тайги и в лесостепи. Учитывая гипотетическую принадлежность обоих компонентов к уральской языковой семье, можно предполагать и близость их мифологических представлений. Вероятно, в указанное время происходило слияние двух традиций, имевших общие (уральские или финно-угорские) истоки. Как будет показано ниже, образ Калтась все же сложился гораздо раньше, поэтому в слиянии, о котором говорит Е.П. Мартынова, видимо, участвовали его различные «редакции». С учетом предположения о финно-угорских истоках (эта общность существовала в III тыс. до н.э.) Калтась следует считать, что бронзовый или ранний железный век были лишь промежуточным этапом в ее биографии.

А.М. Сагалаев, убедительно доказавший типологическую и семантическую близость образов обско-угорской Калтась и ее тюркского аналога Умай, ограничился указанием на их глубокую древность. По его мнению, поразительное сходство семантических полей этих персонажей объясняется, главным образом, их архетипичностью. При этом архетип трактуется по

Юнгу: как первообраз из сферы коллективного бессознательного, «издревле заданная формула»¹⁰. В современном понимании архетип — фундаментальный общечеловеческий мифологический мотив, изначальная схема, лежащая в основе мифологических структур и образов¹¹. Различие трактовок важно в связи с тем, что последний вариант не исключает сознательного создания архетипических мифологем (в данном случае — мифологемы богини-матери и лежащей в ее основе идеи рождения, круговорота жизни) на определенной стадии развития человечества, а, следовательно, и отражения их в праязыке (что выглядит закономерно в свете концепции моногенеза человечества и теории единого праязыка). Это фактически исключает возможность конвергентного возникновения соответствующих мифов и открывает принципиальную возможность поиска их истоков.

Перспективность и плодотворность осуществления такого рода исследований блестяще доказана В.В. Напольских при реконструкции прауральского космогонического мифа о ныряющей птице¹². Этот автор успешно применил в мифологической реконструкции методы

¹⁰ Сагалаев А.М. Указ. соч. С. 35, 97.

¹¹ Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1. С. 111.

¹² Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф) // Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. 5. Народы уральской языковой семьи.

сравнительно-исторического языкознания — внешнюю и внутреннюю реконструкцию мотивов. В настоящей статье они применяются для реконструкции имени и образа богини-матери: выявляются обско-угорские лексемы, связанные с ним, сравниваются близкие по смыслу однокоренные теонимы и лексемы народов мира, делается попытка воссоздания мифологической праформы, эволюция которой в конечном счете породила обско-угорскую Калтась и ее многочисленные, как будет показано ниже, аналоги в других этнических культурах.

Оценивая правомерность и перспективность такого подхода, я исходил из общеизвестных утверждений о проявлении специфики традиционного мироощущения прежде всего в языковой сфере, а также из гипотезы о единстве происхождения народов мира (теория моногенеза), которая в последнее время подкрепляется и лингвистическими аргументами¹³.

В ходе поисковой работы выяснилось, что круг лексических параллелей имени Калтась весьма обширен и выходит далеко за пределы угорского мира, что, собственно, и опре-

делило конечную цель и задачи исследования: выяснение истоков образа, времени, места и условий формирования праобраза, этимологии имени.

В настоящее время, с легкой руки финского этнографа К.Ф. Карьялайнена, принято считать, что теоним заимствован обскими уграми у зырян (коми). Правда, сам Карьялайнен приводил при этом в качестве аргумента «вотяцкое» (удмуртское) слово «kildis», присутствующее в названии «духа kildis-in» и означающее «приблизительно: пробуждающая, рождающая, создающая»¹⁴. Справедливости ради следует отметить, что в коми-языке действительно есть аналог — «кальтес» — творец, создатель¹⁵, а удмуртский язык вместе с коми-зырянским и коми-пермяцким образует пермскую ветвь, восходящую в конечном счете к финно-угорской языковой общности. В свете сказанного поспешным выглядит диаметрально противоположное мнение исследователей о заимствовании удмуртского теонима Кылдысин (Калдысин) из обско-угорских языков¹⁶. Авторы указанной работы, отметив очевидное фонетическое сходство теонимов и наличие в образе муж-

¹³ Мельничук А.С. О единстве происхождения языков мира // Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе. М., 1990. С. 8—10.

¹⁴ Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. Т. 2. С. 133—135.

¹⁵ Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 190.

¹⁶ Напольских В.В., Белых С.К. Удмуртский Кылдысин — мансийская Калтась: истоки параллелизма // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 174.

кого божества Кылдысина функциональных реликтов женской природы, пришли к выводу, что в нем слились черты древнейших образов уральской мифологии — небесной богини-матери и ее сына, защитника и покровителя людей. Сомнение исследователей в автохтонности имени Кылдысин выглядит странным: во-первых, в удмуртском языке морфема «кылды» означает «творить, создавать», а послед называется «кылдӧсин»¹⁷, а во-вторых, возможность активных поздних контактов между удмуртами и обскими уграми не подтверждается источниками, в том числе и лингвистическими.

Сложившаяся противоречивость мнения об изначальной этноязыковой принадлежности теонимов Калтась и Кылдысин объясняется широким распространением чисто контактного трактования различных сходжений в языках народов, взаимодействия между которыми исторически засвидетельствовано или предполагается. При этом исследователи часто не учитывают, что общность происхождения народов, их принадлежность к одной языковой семье (в данном случае уральской), макросемье (например, ностратической) и, в конце концов, к гипотетической единому праязыку человечества пред-

полагают наличие общего, базового лексического фонда. Кроме того, мифологические мотивы и многие персонажи восходят (точнее — нисходят) к весьма отдаленным временам. В частности, по мнению В.В. Напольских, миф о ныряющей птице возник на юге Сибири в рамках общности, названной им северно-азиатским мифологическим союзом, не позднее эпохи верхнего палеолита. В языковом отношении она увязывается данным исследователем с так называемой восточноострагической общностью, из которой в конечном счете вышли финно-угорские, самодийские и тюркские народы¹⁸.

Заканчивая это отступление, обращу внимание на принципиально важный для настоящего исследования вывод Напольских о единстве уральских народов в области мифологии, имеющем **генетический** характер и дающем «возможность реконструировать прауральский и более глубокие уровни космогонических представлений»¹⁹.

Этимологию имени Калтась и выявление его семантики логично начать с обращения к собственно угорским материалам. Предварительно наметим круг понятий, символическая связь которых с богиней-матерью, идеей плодоносящего чрева выявляе-

¹⁷ Там же. С. 173.

¹⁸ *Напольских В.В.* К реконструкции прауральской космогонии: Мать Юга (возможность воссоздания образа) // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. Омск, 1991. С. 79–87.

¹⁹ *Напольских В.В.* Древнейшие этапы С. 119–127.

на и убедительно обоснована для урало-алтайского мира А.М. Сагалаевым. По его мнению, полисемантичность архаичного образа богини-матери отразилась в лексике, относящейся к ее атрибутике, функциям и характерным чертам. Им же отмечено «пересечение» семантических полей соответствующих терминов, на первый взгляд, далеких по смыслу, иногда имеющих диаметрально противоположное значение²⁰. В круг таких понятий входят: гора, пещера, дупло, гнездо, колыбель, гроб, могила, рождение, смерть, водоем, источник, дно преисподней, земля, мать, род, племя, родина, матка, береза, птица.

В угорских языках сохранились следующие слова, с одной стороны, выражающие понятия, связанные с символикой богини-матери, с другой — имеющие общую с именем Калтась основу «каль» (ее фонетические дериваты — коль-кель-халь-хул): калтащ (*хант.*) — матка, послед;

каӓ (*манс.*) — самка;

калдан (*хант.*) — сетная рыболовная снасть в форме большого мешка;

халты (*хант.*), hal (*венг.*) — умирать;

халас (*хант.*), халаси (*манс.*) — кладбище;

хала (*хант.*), кали (*манс.*) — мертвец;

коль (*манс.*) — шалаш, избушка;

hal (*венг.*), хул, кул (*хант.*) — рыба;

хула (*хант.*) — ворон;

kele (*хант.*) — малица,

халь, кел (*манс.*), кал (*хант.*)

— болото;

kalten (*хант.*) — пристань (т.е. вместилище, «гнездо» лодок);

кол, хол (*хант.*) — ель;

kalma (*хант.*) — кедровник;

кали-торум (*хант.*) — подземный мир, «нижняя земля»;

Куль, Хуль-отыр (*манс.*) — владыка Нижнего мира;

киль (*вост. ханты*) — береговая «набирка» (сосуд для сбора ягод).

По смыслу приведенные слова можно разбить на три условные группы:

— связанные с рождением (матка, послед, самка);

— связанные со смертью (умирать, мертвец, кладбище) и земно-водной стихией, олицетворяющей Нижний мир, царство смерти (болото, рыба, черный цвет, ель и кедр — деревья Нижнего мира);

— означающие вместилище для чего-либо, в том числе живых и мертвых существ (калдан, шалаш, матка, малица, кладбище, Нижний мир).

Нетрудно заметить, что в последнюю группу входят и слова из первых двух. Данное обстоятельство еще раз демонстрирует неразрывную связь представлений о жиз-

²⁰ Там же. С. 131.

ни и смерти в архаичном мировоззрении (идея круговорота жизни) и полисеманτικότητα корневой морфемы. Кроме того, оно указывает на существование в архаичном мировоззрении представления о некоем вместилище как месте обитания вселенской рождающе-умертвляющей субстанции.

В ходе дальнейших поисков удалось выявить целый комплекс слов с основной «каль» (kl) и ее неизбежными дериватами, выражающих понятия, связанные с символами архаичной богини-матери. Аналоги имеются в лексике народов уральской, алтайской, индоевропейской, афразийской, дравидийской и картвельской языковых семей, входящих в так называемую ностратическую общность, а также народов синокавказской, австронезийской и африканской (зинджской) макросемей²¹. В приводимом ниже перечне они сгруппированы по принципу семантических «гнезд», каждое из которых составляют слова, означающие близкие по смыслу понятия:

— вместилище (колыбель, матка, утроба, сосуд, котел, чаша);

— водоем (озеро, река, вода, болото);

— рождение, творение (самка, люди, ребенок, росток, ветвь);

— холод (лед, зима);
— смерть (мертвый, могила, умирать).

Вместилище:

kalâ (ностр.) — сосуд;
kolben (нем.) — сосуд;
кальдерон (кельт.) — «сосуд матери мира»;

caldera (испан.) — большой котел;

cauldron (анг.) — котел;
kelch (нем.), calices (анг.), калга (рус.) — чаша, чашка;
gile (анг.) — бродильный чан;

ка́ли, калё (тюрк.) — ступа;
kielich (польск.), kelch (нем.), calixrame (лат.) — стопка, сосуд;

калак (пратюрк.), колюха (рус.) — большая ложка, черпак;

калташиха (рус., диал. зап.-сиб.) — котел, котелок;

калтонка (рус.) — туес, кубышка;

каль (рус.) — мешок, лукошко;

калита, калаус (рус.) — мешок, кошель;

калта (киргиз.) — мешок, сумка;

калаты (рус.) — лапти;
калаф (др.-греч.) — круглая плетеная корзина, горшок;

калебаса (афр., нигер.) — магический сосуд, использовавшийся для вызывания дождя, ипостась хозяйки вод;

колыбь (рус.) — гнездо для отливки, форма;

коледа (рус.) — колыбель;

²¹ Сагалаев А.М. Указ. соч. С. 57—61, 65—74, 110—111.

колодезь — яма;
keller (нем.) — погреб, подвал;

колдыбань (рус.) — котлови-на, омут, яма с водой, грязью;
kaltin (австрал.), kila (юж-нодравид.), kali (австронез.) — рыть (делать углубление);

калабуда (южнорус.) — шалаш;

kūla (урал.), gula (алт.) — дом, деревня;

калот (тадж.), келете (афган.) — укрепленное селение, деревня;

koleos (греч.) — ножны;

колчан (рус.) — кобура, вла-галище;

колода (рус.) — долбленный челн, бочка, гроб;

kol (урал.), halo (франц.), halos (греч.), kolo (слав.), kal (дравид.) — круг, колесо (от ностр. kol).

Водоем, болото:

калтус (севернорус., сибир.) — болото, кочкарниковая пой-ма, травяное болото;

кальч (селькуп.) — кочкова-тое место;

kalz (самод.) — илистое ме-сто;

кальджа (рус., сиб.) — озе-ро, имеющее выход в реку, иногда пересыхающее;

калуга, калюжа, калевина (рус.) — болото, топь, грязь, лужа, мелкое озеро;

калки (рус., псков. диал.) — мелкие озера;

коллихтон (рус., диал. томск.) — болотистое, топкое место с кочками;

колмак (рус., диал. новгород.) — зыбкий торфяной островок на озере, поросший травой;

колдыбань, колдобина, кал-дабашина (рус.) — омут, яма в реке, котловина, залитая водой, высохшее болото, озерко;

колч (рус. диал.) — заболо-ченное кочковатое место, коч-ка;

калдубек (польск. диал.) — родник, ключ;

колд (селькуп.) — большая полноводная река; Колд — имя собственное Оби;

кол (тюрк.) — река, лог, ложбина, долина;

кол (хинди) — река;

kol (алт.), kel (урал.) — озе-ро, водоем, болотце;

kul (семитохамит.) — река, kula (чад.) — озеро;

kalšu (коттск.), xalči, xalō (тунгус.-маньч.) — высохшее болото; низина;

kole (праугор.) — русло реки;

kul, ul (енис.) — водоем;

kilde (дат.), källa (швед.) — источник;

колодец (рус.);

Калода — в джайнской ми-фологии мировой Океан на краю Среднего мира;

Рождение:

хăлг (араб., тюрк.) — твор-чество, творение, тварь, люди;

glutton (англ.) — утроба;

gal (англ.) — молодая жен-

щина;

clutch (англ.) — куриное яйцо;

caul (англ.) — водная обо-лочка плода (анатом.);

child (англ.) — ребенок, рождение;

clan (англ.) — род;

calf (англ.) — теленок;

haulm (англ.) — стебель;

калча (тюрк.) — росток;

кальсюо (самод.) — первые люди (мифол.);

külä (ностр.) — род, община: сомал, kol, kolo, в/чад. kul — человек, люди;

kiltis (литов.) — племя;

kuli (дравид.) — семья;

халах (тюрк.), калык (удм.) — люди;

колчан (рус.) — влагалище;

qoj (тюрк.) — нутро, лоно, грудь;

колыбель (рус.);

коль (коми) — шишка, т.е. вместилище семян;

колык (коми) — яйцо (зародыш).

Холод:

холод (рус.);

калтан, колтак, калтак (рус.) — лед, льдина;

kaltio (фин.) — гололедица;

kalts (эст.) — льдина;

cold (англ.) — холод;

gelid (англ.) — ледяной, холодный;

kälte (нем.) — холод;

hel (чуваш.) — зима;

gelu (лат.) — холод;

Смерть:

kill (англ.) — убивать;

clod (англ.) — мертвое тело;

ôl (англ.) — умереть, влажность, сырость;

qo[n]l (ностр.) — мучить, умирать: индоевр. gul[n]l, урал. kole, дравид. kol, картвел. qwil — то же;

kalti (австрал.) — копье;

koa (австрал.) — убивать;

колотить (рус.) — бить;

вальхалла — рай для павших воинов в скандинавской мифологии;

— хель — в скандинавской мифологии царство мертвых, «низ», «север», а также хозяйка этого царства, хтоническое чудовище.

Приведенные слова имеют общий корень (kl), который является реликтом эпохи существования единого праязыка человечества. Многозначность корня обусловлена диффузионным, нерасчлененным характером (синкретизмом) первобытного мировосприятия, в результате чего конкретные предметы и явления были символически тождественны в сознании и языке людей, т.е. могли заменять и дополнять друг друга. Отсюда и необычайно высокая продуктивность корня в лексике. Реликт этой эпохи в современных языках — метафоризм.

Представленный лексикон согласуется с символическими характеристиками архетипической Богини-матери, двойственный характер которой проявлялся в ее противоречивых, на первый взгляд, функциях: созидание, порождение, защита и охрана живых существ, людей, обеспечение плодородия, связь с войной,

смертью²². Обращает на себя внимание широкая география терминов (Евразия, Африка, Австралия) и вытекающая отсюда их явная архаичность. Возмозда их появления лексикой с основой «каль» (kl) в языках различных языковых макросемей в результате поздних межэтнических контактов следует исключить ввиду естественно-географических барьеров. Установленное палеолингвистами время формирования ностратической макросемьи (начало верхнего палеолита) указывает на доностратический возраст этой основы.

Вышесказанное позволяет сделать ряд важных выводов:

1) корень «kl» можно отнести к ключевым, «первообразным» элементам праязыка, имевшим «строительную» функцию, моделирующим естественно-природные, анатомическо-физиологические и культурные объекты и связанные с ними явления²³ (тело, ребенок, утроба, человек, жилище, водоем, рождение, смерть и т.п.);

2) слова с этой основой представляют собой реликт,

восходящий к единому праязыку человечества;

3) в связи с нерешенностью проблемы протолингвогенеза, а соответственно и глоттогенеза (происхождения и начального периода существования человеческой речи) время появления односложной основы «kl» следует отнести, как минимум, к началу верхнего или концу среднего палеолита (ранее 40 тыс. до н.э.).

Приведенная лексика связана с образом и обско-угорской Калтась, и ее предтечи, палеолитической богини-матери, казалось бы, косвенно, касаясь лишь ее функций. Однако обращение к теонимам различных народов мира показывает, что основа «kl» чрезвычайно продуктивна и в сакральной сфере. Круг «родственников»-«тезок» Калтась оказался весьма обширен, доказательством чего является нижеследующий перечень:

Кальтес (*коми*) — творец, создатель;

Куль (*коми*) — творец зла, противник верховного бога Ена;

²² Методами компаративистики (сравнительно-исторического языкознания) установлено, что все языки народов мира развились из праязыков (суперсемьи). К настоящему времени наибольшие успехи достигнуты в реконструкции гипотетического ностратического праязыка, предположительно сформировавшегося в верхнем палеолите (40–10 тыс. л. до н.э.) в Юго-Западной Азии и примыкающих областях Средней Азии. Распад ностратической общности на индоевропейскую, уральскую и прочие семьи произошел в эпоху мезолита (9–7 тыс. л. до н.э.). Происхождение всех языков человечества из единого древнейшего праязыка (теория о моногенезе) до сих пор окончательно не установлено.

²³ Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1. С. 178–180.

Кылдысин, Кылчин (удм.) — небесное божество, а также подземный дух, связан с рождением, плодородием, образ двойственный — сохранились черты богини-матери;

калян (*коми*) — оборотень;
кололоз (*селькуп.*) — злой дух;

койль, кейль — предки-шаманы у юкагиров;

Кальму (фин.) — бог Нижнего мира, царства мертвых;

kol'i, kolio — сверхъестественные существа в эстонской и финской мифологии;

кала, кэле — подземные злые духи в палеоазиатской мифологии;

хелла, килу — двоюродная сестра первопредка-Ворона или сестра его жены в палеоазиатской мифологии;

калбесэм, калмесэм — «лесная баба», вредящее людям сверхъестественное существо в кетской мифологии;

калир, кэлур (*эвенк.*) — мифологическое чудовище, мамонт, живущий на севере, в стране мертвых;

каламе — черт, злой дух в орочской мифологии (Сахалин);

Галлу — злобный демон Нижнего мира в шумерской мифологии;

Галес — сын Нептуна в римской мифологии;

Нингаль — шумерская богиня-мать (gal — великая);

Кулитга — служительница богини любви и плодородия в

хурритской и хеттской мифологиях;

Кулулу — человек-рыба в шумеро-аккадской мифологии, спутник Энки, бога подземного океана;

Кулсанс — в этрусской мифологии четырехликое божество, образ которого восходит к образу создателя мира, связанного с первобытным хаосом;

Колчин — демон в монгольской мифологии;

Колчин-тенгри (*монг.*) — божество, защищающее от болезней;

Хельмеш-хатун (*бурят.*) — богиня — покровительница весел, жена покровителя рыбной ловли;

Гульмеш-нойон (*бурят.*) — покровитель рыбной ловли с помощью сетей и невода;

Гильтина — богиня смерти в балтийской мифологии;

Кальвис — божественный кузнец в восточно-балтийской мифологии;

Келю диевас — покровитель путешественников, бог дорог в литовской мифологии;

Галагон — дух плодородия в осетинской мифологии;

Галатея — морская богиня в греческой мифологии;

Каллипсо (*греч.*) — нимфа, дочь титана и океаниды, связана с миром смерти;

Каллисто (*греч.*) — нимфа-охотница, зооморфная ипостась-медведица;

Калироя (*греч.*) — океанида, или нимфа;

Келайно (*греч.*) — «мрачная», крылатая гарпия, похищающая человеческие души, связана с мраком;

Клото (*греч.*) — «прядущая», богиня судьбы, косвенно связана с плодородием, рождением: пралка — символический образ женского лона;

Клиодна — правительница потустороннего мира в кельтской мифологии;

Каиллех Берри — архаичная кельтская богиня плодородия, воплощение магических знаний и военного искусства;

Кала — божество древнеиндийской мифологии, персонафикация времени; в предшествовавшей ведийский период Кала — «великий океан творений» (!), из которого возникли все существа и в котором они в конечном счете исчезают. Созидает, сохраняет и уничтожает мир; связано со смертью и судьбой;

Кали — «черная», в индуистской мифологии одна из ипостасей Девы, культ которой восходит к культу богини-матери. Олицетворяет грозную, губительную божественную энергию Шивы. Содействует уничтожению мира, окутывая его тьмой. В Бенгалии почитается как богиня-покровительница, истребительница демонов;

Каланеми — в древнеиндийской мифологии — «обод колеса времени», в индуистской

— асура, возродившийся в облике змея Калии;

Батара Кала — в балийской мифологии бог-правитель Нижнего мира, создавший свет и мать-землю;

Кайлу-шэнь — в китайской мифологии «божество, расчищающее путь», очищающее могилу от нечисти перед захоронением;

Куа-фу — в китайской мифологии великан, связанный с миром мрака;

Хоу-ту — в китайской мифологии божество Нижнего мира, земли, имеет мужскую и женскую ипостаси;

Каук — вьетское божество в виде жабы, податель дождя, связан с плодородием и размножением;

Калунга — в мифологии народов тропической Африки бог-первородок, связанный с Нижним миром. Создатель мира и первых людей. Носит черную одежду, связан с дождем и громом;

Кулотиоло — бог-творец африканского племени сенуфо;

Але — богиня Земли в восточной Нигерии, связана с плодородием, у некоторых племен считается верховным божеством, творцом мироздания;

Авоме-Кала-Со — богиня-покровительница женщин африканского племени Джуджу;

Ункулункулу — («кулу» — старый) — в мифологии африканского племени зулу — первопредок, двуполое божество,

породившее первых людей; связан с появлением смерти;

Килья — богиня-Луна, жена-сестра бога Солнца у инков;

Иш Челе — в мифологии майя богиня-покровительница беременности, связана с потопами;

Коатликуэ — Великая мать богов, воплощение Земли, богиня плодородия в мифологии ацтеков;

Хольда (Холле) — в германской мифологии рождественский персонаж, реликт древнего божества природы, покровительница младенцев, связана с источниками;

Gelle — в германской мифологии женское мифологическое существо, связанное с преисподней;

Коляда — древняя восточнославянская богиня, связанная с рождением Нового года (солнце), плодородием;

Кал-баба — грузинская богиня Солнца;

Калсеру — в австралийской мифологии бог-змей, податель дождя и плодородия.

Список далеко не полный, но впечатляющий: более пятидесяти теонимов с обширной географией (Евразия, Америка, Австралия, Африка) и различной этнолингвистической принадлежностью (представлены языки ностратической, африканской, австронезийской и синокавказской макросемей). Примечательно, что по этим позициям он коррелирует с перечнем лекси-

ки, передающей понятия о функциях богини-матери и имеющей ту же основу «каль». Подобные совпадения нельзя объяснить случайностью или культурными заимствованиями, хотя в отдельных случаях такая вероятность не исключена. В целом выявленные аналоги еще раз подтверждают исключительную древность этой основы и свидетельствуют о существовании на заре истории человечества единого прабобраза богини-матери, имя которой (одно из имен) можно условно реконструировать в форме «Каль».

Уже в самом имени отражается многогранность образа и разнообразие функций богини: рождающе-убивающая, охраняющая, связанная с хаосом и Космосом, Нижним, Средним и Верхним мирами... Отрицательные характеристики сочетаются с положительными. В то же время просматривается заметное преобладание черт, связанных с Нижним миром, водой (океаном), изначальным вселенским хаосом. Это неудивительно, так как в архаичных мифопоэтических традициях богиня-мать — первопричина всего: она порождает из хаоса космос, творит богов и все живое (А.В. Головнев выяснил при построении изначального божественного круга обских угров, что весь круговорот жизни замкнулся на образе Калтась, присутствие мужских божеств при этом не потребовалось).

Обращает на себя внимание еще одно важное обстоятельство — разнополость божеств-«тезок»: по половой принадлежности они разделились приблизительно поровну; кроме того, ряд божеств сочетают в себе одновременно мужские и женские черты (т.н. андрогинность). Не исключая вероятности поздних перекодировок божеств (смена пола), а также присутствия в прамифе божественной пары (имена супругов, видимо, были однокоренными), склоняюсь все же к мнению об изначальности единого образа прародителя Вселенной, «самодостаточного» прасущества, сочетавшего мужские и женские признаки и олицетворявшего тем самым творящую функцию Природы. В качестве примера божественной андрогинности можно привести древнеиндийского Брахму — творца мира, разделившего свое тело на мужскую и женскую половины. Его образ возник в более раннее, ведийское время, когда существовало абстрактное понятие «брахман» (слово среднего рода!) — некий универсальный принцип, породивший богов. Вероятно, это понятие — реликт древнейшего представления об аморфности и бесполости божественного начала вселенной. Персонификация «брахмана» в мужское божество — следующая стадия развития образа. Другой древнеиндийский мифологический персонаж — ги-

гантский первочеловек Пуруша («человек»), из расчлененного тела которого возник природный и социальный космос, появился на свет невероятным для рационального мышления образом: породил свою мать Виравдж, и только затем она родила его. Возможно, образы Пуруши и Брахмана — осколки первого прамифа о вселенском порождающем Начале (косвенно на это указывает фонетическая близость имен). Отголоски этого мотива могли сохраниться и в образе удмуртского Кылдысина, ближайшего «родственника» обско-угорской Калтась, сочетавшего мужские и женские черты.

Возвращаясь к «виновнице» настоящего исследования — Калтась, имя которой собственно и спровоцировало поиск истоков образа богини-матери, следует отметить наличие в нем частицы «тась» («тащ»), не получившей пока объяснения. С одной стороны, в приведенных лексических параллелях встречается и основа (?) «кальт» (около 30% от общего числа слов, включая теонимы), с другой — в обско-угорской лексике представлены обе формы — «каль» и «кальт». Однако семантика основы «кальт» в приведенной выше лексике разнообразна («холод, лед...» — 7 слов, «рождение, ребенок...» — 4, «смерть» — 3, «вместилище» — 13 и «водоем, болото» — 9), поэтому ее нельзя рассматривать как специфический смысловой дериват.

Что касается теонимов, то здесь картина более обнадеживающая: из двенадцати имен с основой «кальт» (колд,) восемь носят божества женского рода (все ностратические), два сочетают мужские и женские черты (ностратическое и синокавказское) и два — мужские (африканский Кулотиоло и коми калтес).

В связи с этим можно предположить, что частица *-t* в именах «тезок» Калтась являлась показателем женского рода в эпоху верхнего палеолита (она характерна для языков ностратической макросемьи, о суффиксе *-t* в именах и терминах женских божеств ностратической общности говорит и А. Голан²⁴). Кроме того, установлено, что в ностратическом языке частица *-tu* семантически связана с «идеей внешней силы, возрастания, прибытка»²⁵, что вполне согласуется с рождающе-творческой функцией богини-матери.

Перспективным выглядит и другой вариант этимологии форманта «тась», не противоречащий, кстати, предыдущему. В культовой лексике народов алтайской языковой семьи, которая вместе с уральской выделялась из ностратической макросемьи приблизительно 15—11

тысяч лет назад, слово «тос» означает «дух-предок», «прародитель», «основа», «начало», «порождение», «грудь», «грудная кость»²⁶. В хантыйском языке «кость» — «теу», а «грудь женщины» — «тути». Фонетическая близость этих терминов очевидна. Вполне вероятно их происхождение от ностратической частицы *-tй* с учетом переогласовки конечного звука. Возможность такой трактовки частицы «тась» подтверждается и одним из фольклорных эпитетов обско-угорской богини — «охранительница силы спинного хребта, силы груди».

Таким образом, оба варианта значения частицы «тась» не противоречат друг другу и соответствуют женской рождающе-творящей сущности Калтась. Но лишь для уральского уровня характерна форма «тась» (тес, дыс), что подтверждается пермской и обско-угорской формами теонима, а также — алтайскими параллелями, где эта частица выступает в качестве самостоятельного термина и участвует в образовании имен божеств, однако «гибридов» с основой *kl (-t)* не образует. Отсюда напрашивается вывод о возможном позднепалеолитическом (восточноностратическая общность) возрасте фор-

²⁴ Голан А. Указ. соч. С. 180—185.

²⁵ Топоров В.Н. Ностратика, глоссогенетика, этимология философов и поэтов // Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе. М., 1990. С. 6—7.

²⁶ Сагалаев А.М. Указ. соч. С. 110—111, 117—118.

манта «тась» и мезолитическом — самого имени Калтась (вероятно, начало мезолита — 8 тыс. до н.э. — время, после которого пути уральцев и алтайцев разошлись).

Рассматривая данную версию, необходимо указать на отсутствие аналогичного теонима у других народов уральской языковой семьи — самодийских и ряда финно-угорских. В то же время в «обыденной» лексике этих народов сохранились термины с основой «кальч» (кальтс, кальтио), означающие соответственно «болото» (самод.), «льдина» (эст.), «гололедица» (фин.). Конечные звуки «ч» и «тс» в них можно рассматривать как «свернутые» варианты основы «тась», возникшие в результате редуцирования промежуточного гласного. Наглядные примеры такого процесса: сосуществующие формы имен Калдысин — Кылчин (удм.) и Калтась — Калч (манси). Получается, что мезолитический уральский термин «калтась» (калтус, кальтес, кылдыс, кальч, кальтс), семантически связанный с символикой богини-матери (творца), закрепился в качестве теонима лишь в мифологии обских угров, удмуртов и коми. Примечательно, что территория расселения этих народов практически совпадает с ядром уральского диалектного

ареала, охватывавшего таежное Обь-Иртышье и примыкающие районы Приуралья (концепция П. Хайду²⁷ подтверждается результатами лингвистических исследований Е.А. Хелимского²⁸). Для определения времени появления теонима Калтась (калдыс, кальтес) обратимся к хронологии этно- и лингвогенеза народов уральской языковой семьи. К концу эпохи неолита (IV тыс. до н.э.) этнокультурные связи между широко расселившимися племенами уральской общности ослабли настолько, что в восточной части языкового континуума сложился диалект, ставший предком самодийского языка, а в западной — прафинно-угорский диалект. К концу III тыс. до н.э. финно-угорская ветвь разделилась на прафинно-пермскую и праугорскую группы, а во II тыс. до н.э., т.е. в бронзовом веке, распались и последние: из финно-пермской выделились прафинно-волжская и пермская, а из праугорской — обско-угорская и правенгерская. Как видно, языковая и культурная (в т.ч. мифологическая) общность пермских и обско-угорских племен существовала до конца III тыс. до н.э., сначала в рамках уральской языковой семьи, а затем — финно-угорского единства. Очевидно, не позднее этого вре-

²⁷ Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.

²⁸ Хелимский Е.А. Компаративистика и уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 13—14, 26—27.

мени и могла у них закрепить-ся данная форма теонима. Ее отсутствие в языках других народов уральской семьи можно объяснить аморфностью языковой общности, обусловившей либо утрату частицы «тась» в теониме у периферийных племен, либо замену его одним из параллельных имен божеств (например, Анки-Пугос у восточных ханты). Видимо, позднее начались процессы дробления единого образа божества на ряд более мелких, специализированных по функциям (Мать земли, Мать воды и т.п.), маскулинизация женских божеств (смена пола) и даже вытеснение из пантеона имени персонажа (у коми слово «кальтес» — творец — сохранилось лишь как термин).

Результаты проведенного сравнительно-исторического анализа архаичной лексики с основой «каль» (kl) позволяют в общих чертах реконструировать генезис обско-угорского теонима Калтась и, соответственно, имени и образа палеолитической предтечи богини:

1) формант «каль» (kl) относится к базисной лексике единого праязыка человечества, существовавшего до начала верхнего палеолита, для которого в целом было характерно явление полисемии. В связи с этим он использовался для номинации явлений и объектов, связанных в мировосприятии первобытных людей семантически (тожде-

ственность мышления). Уже на ранней стадии существования единого праязыка в недрах общественного сознания зародилось представление о некоей вселенской рождающе-убивающей субстанции, которая в первом прамифе человечества олицетворялась сначала в виде гигантского антропоморфного прасущества — андрогина, а затем в виде Богини-матери;

2) имя (одно из имен) этого мифологического персонажа изначально имело односложную форму — «каль» (kl). Эта же основа использовалась для обозначения связанных с ним символов и ряда смежных понятий, сохранившихся в виде реликтов в языках-потомках единого праязыка человечества. Данное обстоятельство свидетельствует в пользу теории моногогенеза человечества;

3) в рамках ностратической общности (верхний палеолит) наряду с праформой «kl» распространилась форма «кальт» (klt), в которой частица -t (tu) являлась показателем женского рода;

4) форма «калтась» (klts) сложилась в ядре уральской языковой семьи в начале (?) эпохи мезолита (8 тыс. до н.э.) в результате развития ностратического -t (tu) в восточно-ностратическое «таш-тос-тес-дys» (ts). В алтайской семье восточно-ностратической общности формант «тос» закрепился в качестве самостоятельного

культурного термина, означающего «дух-прародитель, корень, основа, порождение...». В уральской — в качестве части двусоставного термина «калтась» («кальтес», «кылдыс»), семантически и символически связанного с образом богини-матери. Как теоним, этот термин сохранился лишь в ядре финно-угорской общности (III тыс. до н.э.).

В заключение следует отметить, что однозначная трактовка значения теонима Калтась невозможна ввиду полисемантичности составляющих его формантов «kl» и «ts». С учетом алтайских и самодийских параллелей приемлемы варианты: «основа (нача-

ло, корень) жизни (рождения-смерти)», «болотное (водное, рождающее) начало», «мать» и т.п. Образы богинь-матерей, женских духов-покровителей, зафиксированные в актуальных традициях обских угров (XIX—XX вв.), восходят к единому образу богини Калтась — реликта палеолитической эпохи.

Ряд аспектов, касающихся генезиса Калтась (связь с образом и именем владыки Нижнего мира Куля, соотношение обско-угорских (уральских) прамифов о богине-матери и о ныряющей птице и др.), остался за рамками статьи, так как они требуют отдельного рассмотрения.

Где ты, Святой ключ?

Вероятно, в истории каждого города можно найти сведения о так называемых «необычных» местах. Это могут быть места обретения святынь православия, явления святых, места с необычными свойствами — этакие «Кулишки». Люди, соприкасаясь с природой, с чем-то, не похожим на их обычную жизнь, наделяют явления чертами волшебства. Некоторые из таких мест помнят всегда, они становятся визитной карточкой городов. Некоторые забывают по разным причинам: будь то потеря их практической пользы или несовместимость их сосуществования с политикой религиозной или мирской власти. Увы, поколения идут за поколением, и, когда наступает время воскресить в памяти страницы «закрытой» истории, оказывается, что местоположение этих «островков чудес» утеряно. И гложет мысль, что ты, возможно, каждый день проходишь мимо чего-то необычного.

Место, называемое «Святой ключ», было известно буквально с первых лет основания Тюмени. Открыто оно в момент большого несчастья. «В 1603,

1604 и 1605 годах был в Тюменском округе падёж на лошадей столь сильный, что жители лишились почти всех лошадей, и не было им возможности производить полевые работы». Нам, привыкшим к современной технике и каждодневно покупающим хлеб в магазинах, трудно представить масштаб этой катастрофы и трудно оценить, что значит ждать завоза хлеба из России. Уже царём было приказано купить в Казани 300 волов для доставки в Тюмень, татарам и черемисам было дозволено торговать скотом в Сибири беспощинно. И тут помог ключ. Сведения о том, как это произошло, не сохранились. Однако не случайно ключ называли целебным и связывали именно с избавлением от вышеописанной напасти.

После тех событий в XVII веке сложился целый ритуал празднования, связанный с ключом. В девятую пятницу после Пасхи из девичьего монастыря наносили на ключ иконы и при молебствии освящали воду в отвращение конского падежа, подобного случившемуся. После освящения следовало народное гулянье.

(Кстати, сам ритуал порождает ряд вопросов. Почему избран именно этот день — постный и, к тому же, часто выпадающий на время Петрова поста? Почему иконы приносили из девичьего монастыря, находившегося на другой стороне города? Не кроются ли здесь обстоятельства открытия ключа? Или всё можно объяснить особенностями церковной службы?).

В начале XVIII века празднество было запрещено знаменитым Филофеем Лещинским, Сибирским митрополитом, а ключ засыпан. Причина тому выдвигается крайне сомнительная: якобы беспримерные бесчинства народного гулянья. Возможно, причина в том, что митрополит, бывший ярким хранителем порядков православия, углядел в празднике языческие черты. Впрочем, после его смерти праздник был установлен вновь.

После закрытия женского монастыря, в соответствии с секуляризационной реформой Екатерины II 1764 года, иконы носили уже из расположенной вблизи Архангельской церкви, перенеся праздник на 9-е воскресенье после Пасхи.

К середине XIX века церковный ход к источнику был прекращён, но праздник «На ключе» оставался одним из любимейших тюменцами до начала следующего столетия. *(Подробное описание его можно прочесть в статье С. Кубочкина «Старинные забавы» в 12 номе-*

ре журнала «Лукич»). В 1922 году, ко дню пятилетия Октябрьской революции, место Святой ключ переименовали в площадь Красных бойцов. А весной 1930 года отдали тюменцам под посадку картофеля. Вот и всё.

А.С. Иваненко в своей книге «Прогулки по Тюмени» пишет: «Опрос, проведённый мною, не выявил местонахождения этой улицы(?). Неужели забыто место, где она была?». Не хотелось бы верить в это. А что если действительно забыто? Тогда стоит попытаться найти место хотя бы по тем данным о месторасположении, что имеются на данный момент. Попробуем.

Что мы имеем?

«Ключ этот или родник находился **за городом на западной стороне**» (Абрамов Н.А. Город Тюмень. 1858).

«Уже с утра было заметно усиление движения публики **за город, ближе к ипподрому**» (1903 г., 10 июня. Сибирская торговая газета).

«Завтра будет народный праздник под названием «Ключ», празднуемый **на Большом Городище** уже много лет **на площади за домом трудолюбия**» (1906 г., 3 июня. Сибирская торговая газета).

«Место празднования было **за двумя логами Городища**, где будто бы был открыт целебный ключ» (Воспоминания С.И. Карнацевича).

Итак, Большое Городище или его окрестности. На генпланах Тюмени 1766 и 1808 годов его ещё нет. Лишь в 1862 году направленный Тобольской казённой палатой землемер Панов отвёл в том районе участки под новые кварталы. Именно тогда город вплотную подступил к ключу. Территория Большого Городища ограничена с запада и востока двумя расходящимися логами — Городищенским и Вишнёвым, с юга — железной дорогой и станционными постройками (в 1887 году здесь были открыты железнодорожные мастерские), с севера — улицей Коммуны (здесь когда-то проходил ещё один лог, отделяющий Большое Городище от Царского, сейчас он еле заметен). Итак, территория поиска задана.

Уточняем. Из Центральной части города в 1910-х гг. (время, описанное в воспоминаниях С.И. Карнацевича) прямо на Большое Городище вели два пути: через земляной мост по Трусовскому переулку (сейчас улица Перекопская) и через деревянный мост в створе современных улиц Кольцова и Гайдара (разобран в середине 1970-х годов). И в том и в другом случае путник пересекал два лога (как и указано в воспоминаниях) — Городищенский и тот безымянный, проходивший параллельно улице Коммуны, — и попадал в отмеченный ранее нами ограниченный район.

Где же конкретно располагалась площадь? «Ближе к ипподрому» — довольно размытые слова, но, учитывая его местоположение у юго-западного угла Большого Городища, можно догадаться о расположении площади на южной окраине городской застройки, за неким домом трудолюбия (знать бы, где он был). Здесь могут помочь именно улицы, которые в конце XIX — начале XX веков назывались просто и понятно: 1-я Большегородищенская, 2-я Большегородищенская и т. д. Так вот, 6-я Большегородищенская улица, в 1922 г. переименованная в улицу Шаурова (а в 1954 году — в улицу Краснодонскую), видимо, и была той последней улицей, за которой простиралась площадь.

Пространство, ограниченное улицей Краснодонской, комплексом станционных зданий и ипподромом, занимает около 45000 кв. м. Из заметки в городской газете известно, что под картофель в 1930 году отдали 22000 кв. м. Учитывая близость к ипподрому и находящийся около него Ключевой лог, можно предполагать западную часть этого пространства местом искомой площади.

И ещё одна догадка. Уже не столь подкреплённая фактами. На плане Тюмени 1766 года указан Ключевой лог, в точности отвечающий своим расположением описанию Вишнёвого лога, простирающегося до ипподрома. Собственно говоря, получается,

что это его второе название (подобно тому, как в XIX веке Городищенский овраг носил также название Лямин лог, соединяясь с Ляминским озером). Отчего бы не заключить, что вода ключа по-прежнему течёт в его берегах? Отчего мы тогда не знаем о нём? Да просто вода ключа имела изначально бытовое предназначение, она оберегала от конского падежа. Нет сведений, что она была целебна для человека. Уже в XIX веке про сам ключ забыли. Осталось лишь привычное место празднества.

Кстати, сам конский падёж (а по летописным данным, он преследовал тюменцев с различной интенсивностью на протяжении всего XVII века) явление довольно интересное. Как пишет Абрамов: «неизве-

стно, чему его приписать». П. Буцинский упоминает в своей книге «Заселение Сибири и быт первых её насельников»: «чувствовался недостаток в лошадях: видно, что русская лошадь ещё не акклиматизировалась в Сибири, а потому конский падёж бывал почти ежегодно, и притом во всех уездах». Возможно, лошади, подверженные падежу, были завезены в Тюмень из России (помните, царский указ повелевал доставить волов из Казани), из мест, где почвы имеют другой состав микроэлементов, нежели у нас. Нехватка какого-либо из них могла вызвать заболевание, а содержание его в уникальном ключе могло быть хоть какой-то надеждой на спасение. Впрочем, это не более чем догадки.

Братские могилы в Тюмени

В статье С. Кубочкина, посвященной истории тюменских кладбищ (Лукич. 2000. № 4), неоднократно приводятся факты пренебрежительного отношения тюменцев к памяти своих предков. На протяжении всей своей истории кладбища города подвергались осквернению, памятники — разграблению, а сами обитатели вечного покоя служили местом сбора криминальных элементов. Эта традиция в полной мере сохранилась и в советское вре-

мя. Забвению и осквернению подвергались не только старые кладбища, но и новые захоронения, в том числе братские могилы борцов революции. Примечательно, что память потомков оказалась чрезвычайно короткой, и уже через несколько лет часть братских могил была заброшена и находилась на грани уничтожения.

На основе имеющихся у нас данных можно говорить о существовании в 1920-е годы двух крупных братских могил: в саду

Карла Маркса (бывшая Александровская площадь) и в районе так называемых Сараев. Первому захоронению повезло больше: удачно расположенное в центре города, усилиями властей оно было превращено в символ зарождения нового мира. При этом сам факт наличия в этом месте захоронений 1918—1919 гг. остается спорным, поскольку, по некоторым данным, в 1919 году пленные красноармейцы по приказу колчаковского командования произвели эксгумацию и перенесли останки погибших бойцов в район Сараев.

Во всяком случае, сегодня мы с уверенностью можем утверждать, что братские могилы в названном районе существовали. По всей вероятности, захоронение было произведено на территории холерного кладбища, находившегося, по словам старожилов, за Угрюмовскими сараями — на углу современных улиц Холодильной и 50 лет Октября. Сегодня на этом месте располагается родильный дом №2, а несколько лет назад был построен многоэтажный жилой дом. Сотрудник Тюменского областного краеведческого музея Е.А. Бушаров встречался с работниками названного роддома, которые вспоминали, что еще в 1960-е годы на территории, примыкающей к зданию, встречались поваленные деревянные кресты. Сегодня всякие следы кладбища полностью уничтожены.

Ниже вниманию читателей предлагается несколько любопытных, на мой взгляд, заметок, опубликованных в 1920-е годы в тюменских газетах. Орфография и пунктуация оригинала сохраняются.

Мертвецов грабят. Сени из гробов

[гр-ка Емельянова, охраняющая кладбище за Сараями, растаскивает лесоматериал]

Трудовой набат. 13 октября 1923 г. С. 3.

Новый памятник на братских могилах

К празднованию 10 годовщины Октябрьской революции в городском саду им. «Карла Маркса» будет взамен старого поставлен новый памятник на братских могилах погибших борцов революции.

Красное знамя. 14 сентября 1927 г. С. 4.

Братские могилы забыты

Прочитав в одном из номеров «Красного Знамени» как будут украшаться здания, памятники, улицы и т.д. к празднику Октября, я очень удивилась, что ничего не сказано про «братские могилы», находящиеся за городом в Сараях.

Там похоронены вывезенные при Колчаке из сада Карла Маркса останки красногвар-

дейцев, жертвы бандитизма, убитые на фронте продразвёрстки, как, например, Голубев, зам. продкомиссара, убитый в 1921 году и т.д.

Могины давно пришли в ветхость: нет ни только какого-либо памятника, но даже и ограды нет, всё растащили жители Сараева, а сами могилы загаживаются помоями и навозом. Мне, хорошо знавшей некоторых из похороненных там товарищей, очень обидно, что их могилы заброшены, никто о них даже никогда и не вспомнит, кроме их семей, которым будет очень горько и обидно, что их дорогие могилы заброшены и загажены.

З.Ш.

Красное знамя. 9 октября 1927. С. 4.

Памятник погибшим за революцию

Не позднее 25 октября на братских могилах, в саду им. Карла Макса, будет поставлен новый памятник.

На памятнике будет прибитая чугунная доска с фамилиями находящихся здесь героев. Погибших в боях с чехами и белогвардейцами.

Жаль, что из 74 чел. погребённых в могилах удалось выявить лишь фамилии 34.

Чугунная доска — изделие механиковцев.

Красное знамя. 22 октября 1927. С. 4.

Еще раз о памятниках...

Природа, в течение многих десятилетий подвергаясь воздействию человека, изменялась, конечно, не в лучшую сторону. Часть представителей флоры и фауны, возможно, навсегда исчезли с лица Земли, о них мы теперь не знаем. Другие виды стали редкими, находятся на грани исчезновения, и нуждаются в охране вместе с территориями, на которых они произрастают или обитают. К таким особо охраняемым природным территориям относятся па-

мятники природы. В Тобольске и его окрестностях еще в 1968 году были созданы десять памятников природы: «Окрестности дома отдыха «Тобольский», «Киселевская гора», «Сад Ермака», «Архиерейская роща», «Завальное кладбище», «Левобережная пойма Иртыша», «Широкий лог», «Сузгунская сопка», «Бор около д. Ломаево», «Вершинский лог». Многие горожане, не зная об их существовании, рубят там лес, жгут костры, порой из редких растений

собирают букеты, вывозят бытовые и промышленные отходы, способствуя уничтожению уникальной растительности. В результате подобного отношения к природе часть памятников утратила свое значение (например, «Сузгунская сопка»), а такие, как «Сад Ермака», «Завальное кладбище», согласно новому положению о памятниках природы, отнесены к историческим.

Возникла необходимость более полного изучения существующих памятников природы. Достаточно хорошо описаны «Окрестности дома отдыха «Тобольский» и «Киселевская гора с Чувашским мысом», а недавно зарегистрирован еще один памятник природы «Панин бугор».

Необычность рельефу в окрестностях Тобольска придает Иртыш. Левый и часть правого берега — низменные, это речная долина (пойма, русло) Иртыша. Справа к пойме прижимает коренной берег, простирающаяся далее возвышенная равнина — это так называемый Тобольский материк. Коренной берег и его склоны до одного километра в глубь материка изрезаны густой эрозийной сетью. Ряд бугров, гор, мысов сохранил историческое название — Алафейские горы. «Алаф голы» в переводе с тюркского означает «коренная земля». Издавна на ней селились родственники, дети,

жены властителей Сибири. И в настоящее время эти красивые места привлекают внимание людей.

С природоведческой точки зрения, это зона южной тайги, с разнообразной растительностью, животным миром, уникальными природными ландшафтами. Расположенные на Алафейских горах территории подвергались воздействию сходных геологических и климатических процессов. Неудивительно, что сходен по составу их растительный и животный мир, отмечены редкие для Тюменской области и Тобольского района виды растений.

Памятник природы «Панин бугор» зарегистрирован в 1998 году, имеет площадь в 475,75 гектара.

Название памятника уходит своими корнями в глубокую древность. Согласно одной из версий, именно на этой высокой горе отдыхал после тяжелого сражения с войском хана Кучума один из предводителей дружины Ермака Никита Пан со своими казаками. Возможно, с тех пор и сохранилось название этого бугра, относящегося к системе Алафейских гор.

Со стороны Иртыша Панин бугор имеет довольно крутые, но необрывистые склоны, частью задернованные. На крутом склоне оврага в начале Дзержинского взвоза хорошо просматривается «слоистость» древнего материка — горизон-

тально расположенные толщи осадочных пород — деятельность древнего моря, озер, подпрудных водоемов приледниковых бассейнов.

Не пощадили эрозионные процессы и этот природный комплекс. С южной стороны начинается овраг (Жуковский лог) с многочисленными отрогами. По дну оврага протекает ключевая речка Тырковка, отмеченная на карте города, составленной С.У. Ремезовым еще в 1701 году.

Склоны Жуковского лога пологие, покрыты лесом из осины, березы, ели, сосны. В подлеске встречаются малина, шиповник, смородина, ольха серая. Свободные от леса участки встречаются летом цветущим разнотравьем. Здесь можно увидеть гвоздику-травянку, ястребинку обыкновенную, землянику лесную и зеленую, известную под названием клубника, различные виды звездчаток и вероники — всего более ста видов растений отмечено на бугре. А из редких растений нашего региона встречаются любка двулистная, башмачок крапчатый, лилия кудреватая. Согласно литературным источникам, есть на Панином бугре ирис сизоватый, ковыль перистый, ятрышник обожженный. Из наиболее популярных лекарственных трав произрастают зверобой продырявленный, душица обыкновенная, ши-

повник коричный, подмаренник северный и настоящий и многие другие, широко используемые в народной и официальной медицине.

Но не только этими растениями ценен данный природный комплекс. Чудесный березовый лес паркового типа радует глаз и душу отдыхающих здесь жителей города. Панин бугор — излюбленное место грибников, здесь собирают сыроежки, маслята, белые грибы, подосиновики, подберезовики, встречаются и сухие грузди.

В мае-июне не смолкает в здешних лесах птичья разногласица. Знающие толк в птичьем пении среди ансамбля пернатых певцов различат песню дрозда-рябинника и посвист иволги, трели соловья и переливы зяблика. Гнездятся здесь дятлы и кукушки, синицы и сойки, овсянки и чибисы, поползни и трясогузки.

Из млекопитающих представляет интерес заяц-беляк.

Окрестности дома отдыха «Тобольский»

В 1938 году на живописном правом берегу Иртыша был построен дом отдыха «Тобольский». В 1968 году в его окрестностях создан памятник природы, площадь его составляла восемнадцать гектаров. Теперь дом отдыха ликвидирован, но память о нем осталась в названии особо охраняемой природной территории.

Местность представляет собой уникальный природный объект, включающий необычные формы рельефа, в сочетании с растительностью создающие живописные ландшафты. Это послужило основанием для увеличения площади памятника до 196 гектаров. Вновь зарегистрирован он был в 2000 году, что подтверждает распоряжение губернатора Тюменской области от 5 июня 2000 года.

С точки зрения геологии, Тобольский материк представляет собой озерно-речную долину, изменявшуюся в процессе накопления и выветривания осадочных пород: песка, глины, отмерших остатков растений и животных. В течение многих тысячелетий откладывались они слой за слоем, образуя возвышенную равнину. Эти древние слои хорошо просматриваются на обрыве коренного берега.

Водные потоки, ежегодно образующиеся при таянии снега или ливневых дождях, устремлялись с этого берега в пойму Иртыша, прорезая и углубляя овраги, постоянно изменяя рельеф местности. Кто когда-нибудь бродил в окрестностях дома отдыха, помнит, как узкая тропинка среди пышного разнотравья то сбегает вниз в ложбину, то снова поднимается на сопку. Сами сопки, а их три, склоны сопков, оврагов покрыты лесом. Преобладающей древесной породой здесь является липа, среди взрослых деревьев

много подроста. Компанию липе составляют сосна, береза, осина. В конце мая высокий берег благоухает цветущей черемухой. Различные кустарники приютились под пологом леса: смородина красная и черная, малина, шиповник, жимолость и другие.

Вообще в пределах данной территории произрастает более ста видов растений, в том числе редких на территории Тобольского района и Тюменской области. Прострел желтеющий — растение-первоцвет, его нежная красота, а также лечебные свойства сослужили ему недобрую службу; купальница европейская — тоже одно из раннецветущих растений, желтые цветы которого украшают нежную майскую зелень. Позднее на живописных лугах зацветают любка двулистная, или ночная фиалка, тонкий аромат исходит от ее цветов ночью, за что и получило растение это поэтическое название; северной орхидеей называют похожие на дамские туфельки цветки башмачка крапчатого. В июле на склонах памятника природы можно найти цветущую лилию-саранку, а в августе — синие колокольчики горечавочника легочного. Богата флора этого природного комплекса и лекарственными растениями. Здесь растут душица обыкновенная и растение от 99 болезней — зверобой продырявленный; нежной красотой пленяют цветы

купены лекарственной — растения, используемого при лечении сердечной хвори. Множество других трав, целителей наших тел, могут отыскать знатоки-травники.

В мае-июне особую активность проявляют и пернатые обитатели этих мест: повсюду среди молодой зелени они снуют, порхают, летают. Пленяет слух пение дроздов — рябинника и дерябы, раздаются трели соловья и зяблика, иногда слышны ритмичный стук дятла о сухой ствол дерева или незатейливая песня кукушки.

С высокого берега открываются необозримые просторы и горизонт, в котором сливаются небо и земля. Внизу же к основанию коренного берега примыкает пойма шириной до полутора километров — такое пространство «отвоевал» Иртыш у суши, изменяя в течение тысячелетий свое русло. Весной во время паводка пойма сплошь затоплена водой, летом, когда большая вода уходит, в пойме заметны другие водоемы, петляет и извивается по ней речка Крушинская (рыбаки называют ее Черной). Берущая свое начало в Тимкином логу от подземных ключей и бегущая по нему в виде ручья у основания берега, речка снова подпитывается ключами и теперь уже степенно и плавно течет по пойме. В разгар лета топкие болотистые берега ее обрамлены красивыми цветами белой кувшинки.

Встречается и другое редкое водное растение — кубышка малая.

Пересекая пойму, впадает речка Крушинская в озеро-старицу — остаток древнего русла Иртыша. В низких местах до самой осени остаются небольшие болотца с осоками, калужницей и другими влаголюбивыми растениями. Обширные пространства поймы, не занятые водой, покрываются летом пышным ковром разнотравья. Среди цветущего зверобоя, клевера, звездчатки порхают бабочки — червонцы, голубянки, крапивницы, «зависают» над цветами стрекозы, с гулом проносятся шмели — все стрекочет, жужжит, звенит.

Но не все так прекрасно на описываемой территории. Непосредственно к северной границе памятника природы примыкают участки двух садоводческих кооперативов — «Вымпел» и «Родничок», а также поселок, жители которого раньше обслуживали дом отдыха. Именно в районе северной границы на обрыве коренного берега свалены кучи мусора, в основном здесь бытовые отходы, проволока, непригодные части автотехники. Все это повреждает живой почвенный покров и древостой, увеличивает риск возгорания.

Киселевская гора с Чувашским мысом

Их площадь — 92,5 гектара. Была здесь когда-то деревня Ки-

селевка — заметны еще в некоторых местах следы былых строений. Жили на этой горе, величаво возвышающейся над Иртышом, русские люди.

Но задолго до русских обживали эти места тюркские племена. Не случайно на мысу этой горы — Чувашском — археологи обнаружили остатки ханского городища. Здесь в 1582 году произошла историческая битва казаков Ермака с воинами хана Кучума.

Результатом сложных геологических процессов в течение долгого времени явилось обособление этого участка от основной части материка. «Могучая река в этом месте круто, почти под прямым углом, поворачивает свое русло, грозя унести с собой непокорный утес. Вот уже сколько веков длится этот поединок великанов», — так писал С.П. Заваляхин «В древнем центре Сибири».

Постепенно река берет свое: подмывая юго-восточный берег, она забирает у суши очередной огромный кусок. Нетрудно себе представить, что может произойти с этим памятником природы в недалеком будущем. Жаль, если этот прекрасный уголок природы будет смыт «Землероем» — именно так переводится название Иртыш с тюркского.

Почему же к разряду особо охраняемых природных территорий отнесена Киселев-

ская гора? Кроме того, что она является частью эталонного, т.е. типичного, и в то же время уникального ландшафта, в составе флоры по ее склонам отмечены редкие для нашего региона растения: башмачок крапчатый, чина клубеньковая, любка двулистная. До недавнего времени на одном из склонов горы с середины июля по август можно было наблюдать цветение ковыля перистого — растения, занесенного в Красную книгу РСФСР. Его шелковистые, переливающиеся на солнце словно серебряные нити колоски всегда привлекали внимание людей. Это и неудивительно: растение-то степное, а растет в Тобольске! Но, как правило, красота растений их же и губит. Поэтому мало осталось ковыля: «любители» букетов сгубили почти всю популяцию этого уникального не только для Тобольского района, но и для всей России растения.

Ощутимый вред памятнику природы наносят не только сборщики букетов. Березовый лес по краю мыса страдает от любителей попариться в бане — множество деревьев загублено заготовителями березовых веников. А сколько мусора оставлено вдоль дороги, поднимающейся на гору! Захламленность такая, что напоминает городскую свалку. В 70-х годах на территории памятника был построен свинокомплекс и рас-

паханы земли под посевы, что также, в свою очередь, наносит непоправимый урон природе этого комплекса.

Мы надеемся, что читатель не останется равнодуш-

ным к проблемам окружающей среды и всякий раз, когда захочет сорвать красивый цветок или поймать порхающую бабочку, остановится и просто полюбуется ими.

«Детски-ясные грезы давно я забыла...»

Тобольская газета «Сибирский листок», немалое значение которой в общественной жизни и культуре края еще предстоит исследовать и оценить, оказала, в частности, услугу и истории сибирской литературы тем, что сохранила имена и произведения ныне забытых авторов.

Среди тех, кого она печатала в 1916—1919 годах, наиболее заметны два поэта: Василий Силин и Нина Салмина. Силин, окончивший в Тобольске гимназию, к тому времени уже стал студентом Томского университета, затем курсантом Иркутского военного училища и вновь студентом (подборка его стихотворений была напечатана в шестом номере журнала за 1999 год под заголовком «Я слышу голос Ермака»), а Салмина в эти годы воспитывалась в Тобольской Мариинской женской школе-гимназии. В Тобольском филиале государственного архива Тюменской области в фонде гимназии уда-

лось отыскать прошение командира Березовской военной команды капитана Георгия Алексеевича Салмина на имя председателя педагогического совета о приеме в первый класс его дочери Анны, написанное 28 октября 1918 года. О решении совета он просил уведомить его через дочь Нину, ученицу седьмого, выпускного класса.

В одном из ранних стихотворений Н. Салминой «Чайка», напечатанном 27 ноября 1916 г., отчетливо слышатся ностальгические северные мотивы. Широка река сибирская, Обь — кормилица людей — Ходят волны богатырские В бурю грозную по ней.

Страшны, страшны бури грозные,
С шумом катится волна,
А над ней лишь чайка носится,
Томной грустию полна.

«Ах ты, чайка белокрылая,
Ты красавица морей,
Ты снеси привет сердечный мой
Оби-матушке моей!».

— Не слетать мне
 в бурю грозную,
Не снести привета мне:
Середины Оби-матушки
Не видала я во сне!

Краса-чайка в бурю носится
Над кормилицей-рекой,
С ней мечта моя уносится
И поклон реке родной.

В такой же тональности
выдержаны стихотворения
«Лес» и «Там, где бурно шумит
и играет волна». Но много
больше было стихов, в которых
прорывался общественный тем-
перамент юной поэтессы.

В 1917 году в № 73 «Си-
бирский листок» сообщил, что
в Березове «образовался ма-
ленький союз «Орловцы» (оче-
видно, из учащихся, съехав-
шихся на летние каникулы —
В.Б.). Цель союза — стремить-
ся к образованию. Членом это-
го союза, ученицей Тобольской
Мариинской женской гимна-
зии Ниной Салминой написа-
но стихотворение «Гимн со-
юза». Здесь же напечатан сам
гимн, полный романтического
пафоса. Вот его последняя
строфа:

Крепни ж, Русь моя родная,
Благоденствуй, наш народ!
Все преграды разрушая,
Марш, товарищи, вперед!

Скоро, однако, грезы о на-
родном благоденствии при-
шлось забыть. Хаос революци-
онных событий влечет за собой
быструю перемену поэтических
настроений. Наступивший 1918

год Нина Салмина встречает не
традиционными безмятежными
поздравлениями и выражением
светлых надежд, а мрачными
сетованиями.

Не с новым годом! не
 с новым счастьем!
Все тот же гнет, вот тот же стон,
Рыдают люди и шлют проклятья,
И злобной местью враг напоен!

К чему веселье?.. рыдайте, люди,
Уже привыкшие страдать...
Под звон бокалов,

 под клики пира
Идет брат с братом воевать.

Отравой горькой полны все чаши,
До дна их выпить нам рок судил...
Не с новым годом!

 не с новым счастьем!
Несутся стоны из могил.

Далее стихотворения зача-
стую приобретают уже характер
политических прокламаций,
что видно по их заголовкам и
посвящениям: «Привет чехос-
ловацким и сербским войскам»,
«На смерть Александра Нико-
лаевича Кушника. Посвяща-
ется 18-му Тобольскому полку»,
«На резолюцию юго-славян»,
«Сибирским полкам», «На
кладбище (Памяти Яхонтова,
погибшего на севере в бою с
красноармейцами)», «Жещина-
славянка».

Н. Салмина заканчивала
гимназию в разгар гражданской
войны. 24 мая 1919 г. «Сибирс-
кий листок» напечатал ее сти-
хотворение «На выпуск абиту-
риентов».

Подруги! Сегодня мы
вновь разойдемся,
Расстанемся снова,
теперь навсегда.
И, может, не мы над
судьбой посмеемся,
А с нами жестоко
пошутит судьба.
Но молоды мы!!!
И сдаваться без бою,
Без битвы могучей и стыд,
и позор,
Давайте ж бороться
за правду святую,
Чтоб нам не бросали
жестокий укор.
Так много неправды,
так много насилья,
В сердцах у людей
умирает любовь.
Склонились усталые
в скорбном бессильи.
А там... на полях
льется братская кровь.
Идемте ж к озлобленным
с дивным заветом,
Заветом прощенья,
заветом Христа,
Идемте к усталым
с могучим приветом,
Чтоб им рассказать,
что любовь не мечта,
Что люди сольются в единое море,
И встанет Россия
из пепла и тьмы!..
Возьмемте ж на сердце
все русское горе
И правдой разрушим
кошмарные сны!
И пусть нам далеко
до полной победы,
Пусть мы истомимся
под гнетом судьбы,

Лишь были бы живы
России заветы,
Лишь нас не позорили
б кличкой «рабы».
Так смело на битву,
на бой за святыни
Поруганной дерзко родимой земли,
Пусть знают все люди,
что смелые ныне
Не все еще в дебрях могилы легли.
Тремя неделями позже, 15
июня, в газете появилось сти-
хотворение Василия Силина
«Поэту Н. Салминой», напол-
ненное сочувствием к юной
женщине, столь глубоко при-
нявшей в свое сердце российс-
кие беды.
Вместо песен грусти,
грудь тоской гнетущих,
О далеких звездах
в тихом небе спой!
О седой метели, о снегах поющих,
О груди, согретой юною мечтой!
Сердце зачаруй нам грезой забытой.
О цветах весенних
сказку Расскажи.
Спой о детской вере,
о душе открытой,
В эти дни печали грудь заворижи.
Будет много крови,
будет много стонов,
В зареве пожаров задрожит земля,
Ослабеет голос права и законов,
Много трупов
примут милые поля.
Будет много крови...
Сердце это знает.
Сердце рвется к свету,
полное тоской.

Неизбежной грустью
цепко грудь сжимает,
И забыт беспечный розовый покой.

Сердце рвется к свету,
полное печали.
О! Не пой же песен осени и слез!
Пой об ярких звездах,
о безбрежной дали.

Зачаруй напевом
детски-ясных грез!
Автор не вызывает на спор.
По существу, он разделяет боль
вчерашней гимназистки. Он
лишь мягко настаивает вопреки
логике.

24 июня «Сибирский листок» напечатал «Ответ поэту В. Силину», исповедальный и ясно говорящий о том, что автор не обойден лирическим дарованием. Салмина пишет о наболевшем.

Снова вечер повеял
душистой прохладой.
Солнца луч заглянул,
улыбаясь, в окно.
Но сегодня я песням
о счастье не рада.
Сердце думой тревожной
и мраком полно!
Мне не нужно любви!...
призрак родины милой,
Истекающей кровью
любимых сынов,
Снова встал предо мной
и с неведомой силой
Разбудил от чарующих
грезовых снов.
И замолкли напевы.
Порвались струны,
В сердце жгучая скорбь
за отчизну мою...

Брат, зачем ты просил
звуков радостно-юных,
Знай, я песен о счастье
людей не пою.
Первый звук моих слов
завучал для отчизны,
Слово первое было
призывом: «Вперед!».
И с тех пор я пою
про кровавые тризны,
Про грядущую волю
и нынешний гнет.
Детски-ясные грезы
давно я забыла,
Не проси же — отчизна
к иному зовет.
По отрогам Уральским,
по грустным равнинам
Кровь родимая,
русская кровь все течет.
И невинные слезы
замученных братьев
Душу жгут всем понятной
бездумной тоской!..
Нет, под звуки рыданий,
тоски и проклятья
Я не вправе слагать гимн
мечте золотой.
Не суди, загляни
в мою душу больную,
Там дрожат переливы
кровавые слез:
Слишком сильно
и свято Россию люблю я,
Слишком резко оборвана
нить юных грез.

Этот ответ не исчерпал всего, что вызвало в душе послание «брата»-поэта. Салмина оставалась во власти нахлынувших чувств и 9 июля опубликовала стихотворение «Знаю я белые-белые ночи», начатое такими

же лирическими строчками и так же горько оканчивающееся грозными видениями и трагическими предчувствиями. Знаю я белые-белые ночи: В небе чуть виден серп грустной луны. Бледные звездочки — Божии очи Смотрятся в сумрак речной глубины. Тихо качаются тополи стройные, Шепчутся ветки над сонной рекой, Знаю я ночи те строго спокойные, Ночи тоски безнадежно больной. Тихо!.. Мережится битва кровавая. В сердце тревога растет и растет! Знать, победит нас та банда неправая, Родина кровью людей истечет. Знать, уж погибли они, беззаветные, Читавшие свято отчизну свою,

Знать, навсегда смолкли песни победные, Смелые пали в неравном бою? Тихо!.. Чу! Слышны напевы печальные, В сердце тоска все растет и растет. Это отчизна приветы прощальные Лучшим из лучших людей отдает! Сколько крестов по равнинам раскинулось? Сколько погублено сил молодых? Туча кровавая снова надвинулась, Голос любви по России затах. Вскоре жизненный след как Василия Силина, так и Нины Салминой теряется, и судьбы их до сих пор пока остаются неизвестными. А сохранившиеся стихи и этот трогательный мимолетный поэтический диалог явственно доносят до нас то громадное потрясение, которое вызвала в юных душах гражданская война.

Фотография в Тобольске

Фотография была изобретена в 1839 году. А.С. Пушкин два года недожил до этого события. Очень высоко оценил это изобретение наш великий земляк Д.И. Менделеев, сам любил фотографировать. В его архиве сохранилось множество интересных альбомов, фотоколлекций, снимков. Его желание «завести» фотографию не осуществилось, но интерес к ней он

пронес через всю жизнь. Много усилий приложил великий русский ученый, способствуя делу развития отечественной светописи.

У известного советского историка фотографии Сергея Александровича Морозова в его книге «Русская художественная фотография» есть глава, посвященная фотографу Давиньону, который в 1845 году путеше-

ствовал по России, а затем отправился в Сибирь, где жили на поселении декабристы. Давиньон сделал несколько портретов Волконского, Поджою, Панова В Третье отделение царской канцелярии поступил донос, и фотограф был арестован. Все «дошечки» с портретами были якобы уничтожены. Давиньон был одним из первых профессиональных фотографов в России.

Из отчета шефа жандармов в 1845 году Николаю I: «Из переписки государственных преступников усмотрено было, что отставной инженер-поручик Давиньон, занимающийся снятием дагерротипных портретов, путешествовал по Сибири и там снимал портреты с государственных и политических преступников. Пересылавшиеся к родственникам портреты поселенцев Поджою, Панова и Волконского, также жены и детей последнего оставлены в Третьем отделении». Среди декабристов был велик интерес к фотографии — это уже 1843 год! Известно, что Николай Бестужев и другие декабристы увлекались фотографией, но их опыты не дошли до нас. Государь император высочайше повелел запретить поселенцам снимать с себя портреты и отправлять их родственникам. Велел отобрать все «принадлежности дагерротипов» и отобранное отправить в Третье отделение собственной Его Величества канцелярии.

К тому времени многие из декабристов, сосланных в Сибирь, уже находились на государственной службе, занимая те или иные посты, и пользовались определенными привилегиями. Тем не менее на вопрос генерал-губернатора Западной Сибири князя П.Д. Горчакова, должно ли «высочайшее повеление» относиться и к данной категории поселенцев, шеф жандармов недвусмысленно ответил, что «было бы лучше, если бы и состоящие на службе в Сибири из государственных и политических преступников не снимали с себя портретов и не пересылали оных к своим родственникам для собственной их же пользы, дабы портретами своими они не обращали на себя неуместного внимания». От наказания Давиньона спасло то, что техника фотографии была несовершенна. Дагерротип — это всегда единственный экземпляр. Копии у него на руках не оставалось. Его обвиняли в желании распространять портреты ссыльных. Логика в обвинении была: события происходили в 1845 году, в год 20-летия восстания на Сенатской площади. Интерес к «сибирским изгнанникам» по-прежнему был велик, но еще более сильна была к ним царская немилость. В Сибири местные чиновники еще долго собирали портреты, сделанные Давиньоном, или расписки, подобные этой: «1846 года января

дня, в присутствии полицейского управления мы, нижеподписавшиеся, проживающие в находящиеся под надзором полиции государственные и политические преступники, выслушав предписание господина, состоящего в должности тобольского гражданского губернатора, от 8 настоящего месяца за № 218 дали эту подписку в том, что обязываемся не иметь у себя дагерротипов и что в настоящее время таковых у себя не имеем. В том подписуемся: Иван Пущин, Евгений Оболенский, Иван Якушкин и др.». Как видно, делу Давиньона придавалось очень большое

значение. Это было свидетельством и того, что с самого своего появления фотография заявила о себе как о мощном средстве массовой информации, с которым уже нельзя было не считаться.

Первое появление фотографий в Тобольске относится к 1860-м годам. Открытие фотографических заведений было весьма сложным делом. Желющие содержать таковые должны были иметь «Свидетельство о политической благонадежности», должны были дать подписку о том, что политических ссыльных они снимать не будут ни под каким видом.

Кому принадлежат

Дата разрешения

Титулярному советнику Паутову	19 августа 1864 г.
Купцу второй гильдии	
Андрияну Сыромятникову	1 января 1868 г.
Лисицину	1868 г.
Черненко	1868 г.
Жене политического ссыльного	
Юлии Томашевичевой, дворянке	28 января 1870 г.
Марии Пичикус (фотография находилась в доме И. Лютыка)	23 марта 1874 г.
Федору Котовщикову	21 июня 1875 г.
Коллежскому ассессору	
Александру Соину	25 сентября 1875 г.
Березовскому мещанину	
Федору Котовщикову	21 июня 1878 г.
Подпоручику Алексею Садкову	16 апреля 1878 г.
Тобольскому мещанину Петру Сухих	16 мая 1879 г.
Слонимскому мещанину	
Ипполиту Кузиковскому	
(к польским повстанцам не принадлежал)	20 февраля 1881 г.
Белебеевскому мещанину	
Василию Туленкову	7 августа 1882 г.

Тобольскому мещанину	
Якову Фидлерману	27 мая 1884 г.
Исааку Ермолаевичу Кеслеру	
(с 1870 г. путешествовал	
по всей России)	10 февраля 1886 г.
Омскому мещанину Исаю Кадышу	24 мая 1889 г.
Омскому мещанину Иосифу Когану	30 апреля 1890 г.
Монсу Шустеру	5 марта 1891 г.
Крестьянину Московской губернии	
Павлу Афанасьеву	12 августа 1891 г.
Жене рядового Асне Шустер	15 июля 1892 г.
Тобольской мещанке	
Нехе Бердичевской	27 августа 1893 г.
М.М. Уссаковской	1897 г.
А. Цветкову	
Е. Шредеру	
А. Мурих, по ул. Большая	
Архангельская, собственный дом	

Открывая фотографии в Тобольске, лица, более преуспевающие в этом деле, открывали филиалы в других городах и выезжали в сельскую местность. В 1866 году циркуляром от 18 мая за № 1052 было получено распоряжение доставлять в Главное Управление по делам печати точные сведения о фотографиях и других заведениях. За этим очень следило Управление МВД, князь Лобанов-Ростовский.

В 1870 году губернатор Соллогуб отправляет окружному исправнику циркуляр: обязательно вести «ведомость о всех фотографиях в городах Тобольской губернии и Тобольске». Об изменении в делах фотографии доносить немедленно. Ни в коем случае не разрешать снимать лиц, состоящих под надзором полиции. Сведения по-

давались ежегодно к первому июля.

В 1879 г. фотографий по Тобольской губернии было 3, в 1880 г. — 2, в 1882 г. — 4, в 1883 г. — 5, в 1884 г. — 4, в 1885 г. — 6, в 1887 г. — 7, в 1889 — 11, в 1893 г. временных фотографий по Тобольской губернии было четыре. Они принадлежали гражданину города Варшавы Флориану Ляхмайеру, березовскому мещанину Федору Котовщикову, германскому подданному Иогану Зеббину, тобольскому мещанину Монсу Шустеру (из «Всепоподаннейших отчетов начальника Тобольской губернии» за указанные годы).

Купец второй гильдии Андриан Сыромятников имел фотографию, у него работал политический ссыльный Адам Буковский (вероятно, по особому разрешению).

Фотограф Лисицин работал при Тобольской духовной семинарии. В 1870 году дворянке Юлии Томашевичевой, которая приехала в ссылку к мужу добровольно, разрешено губернатором открыть фотографию. Фотограф Паутов в связи с переездом в Пермь отдает свои фотопринадлежности Томашевичевой. Томашевичева в 1874 году передает фотографию Марии Пичикус с разрешения тобольского губернатора и по ее просьбе.

Фотограф Яков Фидлерман, 10 лет живя в Тобольске (1881—1891), занимался фотографическим делом, затем подал прошение о разрешении проводить фотоработы в Восточной Сибири. Также он желал открыть фотографии в Томске, Таре, Кургане, Березове. Разрешение последовало. В марте 1891 года крестьянин Московской губернии Павел Афанасьев подал прошение об открытии фотографии в Тобольске. Проживал во второй части Тобольска в доме Соколова. Имел фотографию в Омске. Разрешение получил 18 августа. Одновременно открыл фотографию в Таре. Афанасьев снимал в 1891 году наследника цесаревича, путешествовавшего по Сибири. Купил дом по Абрамовской улице.

Игнатий Игнатьевич Лютык — дворянин Ковенской губернии. В 1865 году был сослан в Сибирь за восстание в царстве Польском. Прожил в То-

больске 14 лет, выучился фотографическому делу, но как политический ссыльный не получил разрешения на открытие фотографии. 13 и 17 мая 1871 года вышел «всемилощивейший манифест», а 9 января 1874 года Игнатий Лютык был прощен. 30 мая 1879 года он пишет прошение на имя тобольского губернатора о разрешении иметь фотографию, так как это единственный источник существования его семьи. Он служил подмастерьем в фотографическом заведении Марии Пичикус, был лучшим среди всех. Фотография Пичикус находилась в то время в доме Лютыка. Семья проживала по Большой Архангельской улице. Прошение не было удовлетворено. Лютык скоропостижно скончался. Семья жила тем, что сдавала часть дома жильцам и мастерскую фотографам. Мастерскую арендовал фотограф Садков. Затем по договору с вдовой Лютыка она перешла к другому фотографу. В 1891 году Монс Шустер, проживая в доме Лютыка, арендует и фотомастерскую. В 1892 году его сноха Асна Шустер с разрешения тобольского губернатора открывает фотомастерскую в этом же доме по Большой Архангельской.

В фондах ТГИАМЗ есть небольшая коллекция фотографий Туленкова, Фидлермана, Шустера, Уссаковской, Цветкова, Афанасьева.

*Указ из монетного департамента в Тюменскую
воеводскую канцелярию о правах и обязанностях
пробирного мастера П. Серебренникова*

В журнале «Лукич» (2000. №6. С. 151–154) опубликовано сообщение тюменского краеведа В. Ефремова «К вопросу о клеймах». Сегодня мы публикуем документ по вышеупомянутой теме.

Указ ея императорского величества самодержицы всероссийской берг канторы из манетного департамента Тюменской воеводской канцелярии и по доношениям города Тюмени пробирного мастера Петра Серебренникова приказали 1-е присланные при репорте ис показанной канцелярии собранные в тамошней пробирной палатке с клеймения серебра в нынешнем 767 году по день высылки тамошняго пробирного мастера Серебренникова в Москву в комиссию о сочинении проекта Нового Уложения от тюменского купечества депутатом, пошлинные деньги четырнадцать копеек для записи в приход и причисления к капиталу отослать при указе к казначею Карпову, которые и отосланы. 2-е А что она ж Тюменская воеводская канцелярия означенным рапортом представляла чтоб за высылкою ево Серебренникова в означенную комиссию, определять смотрение в том городе Тюмени золотых и серебряных дел над мастерами иметь тобольскому пробирному мастеру Власову, но токмо как означенный Серебренников вышеписанным своим

доношением в Монетном департаменте объявил что сего октября 9 числа в комиссию сочинения проекта нового уложения представлен... на ево место в депутаты другой, а он де Серебренников от оной комиссии вовсе уволен, в чем и данной от той комиссии пашпорт в оном департаменте предъявил, то за сим в правление по оному Тюмени оного пробирного мастера должности определением реченного тобольского мастера Власова оставить, абы притом по прежнему реченному Серебренникову, чего для ево Серебренникова туда и отправить от манетного департамента немедленно при указе 3-е Он же Серебренников в своем доношении пишет что за находящимся ведомства Екатеринбургской заводской канцелярии на Екатеринбургских и Демидовских заводах и в городе Туринске серебряниками и золотарями коих тут состоит немалое число препоручено в сплавке и в деле серебряных вещей смотрение иметь реченному Сибирской губернии пробирному мастеру Власову, но как в том же ево доношении значится что от Тобольска до Екатеринбург

пять сот шездесят одна, до Демидовских заводов пять сот шездесят четыре, а до города Туринска четыреста четыре версты, напротив же того от Тюмени только до Екатеринбургa три ста семь, до Демидовских заводов три ста десять, а до города Туринска сто пятьдесят верст: То в разсуждении таковой до тех мест от Тобольска разстоянием, против города Тюмени, излишней отдаленности, вышеписанным находящимся при упомянутых заводах и в Туринске серебряникам и золотарям способнее иметь золото и серебро для плавки, а делаемые из того вещи с пробой объявлять во упомянутом городе Тюмени нежели со оным по немалой от тех мест отдаленности ездить в Тобольск, к тому ж помянутые и заводские и туринские серебряники и золотари непроизводят ли что где в противность указов и сплавов золоту и серебру в домах своих мимо учрежденной на то пробирной палатки, и те плавки неупотребляют ли российских монет мелких серебряных копеек и кановых либо краденых церковных и протчих, а ис того делая непродают ли и ниже указанных проб вещей бес клейма неплатя с них указанных пошлин; сверх же того в тех местах означенные серебряники и золотари для того мастерства в силе по силе именного 700 года указа записные со взятием с них за ту записку в казну положен-

ного числа денег и здачею им пробных игол находятся; и петли между оными кого незаписных потаенно то мастерство производивших; то чтоб все те неудобства тобольский мастер мог по силе данной ему инструкции и указов смотреть и разведывать в том по отдаленности же тех мест от Тобольска весьма ненадежно; того ради за теми Екатеринбургскими и Демидовскими заводами и города Туринска золотого и серебряного дела мастерами и золотарями в производстве означенного золотого и серебряного мастерства по способности тех мест разстояния как выше значит;/ к городу Тюмени нежели к Тобольску соо...вращение всех вышеописанных неудобств а притом и самим показанным серебряникам и золотарям для избежания от излишнего в Тобольск проезду отягощения препоручить во всем том смотрение иметь показанному тюменскому пробирному мастеру Серебряникову сверх города Тюмени и уезду онаго; ему и поступать позванию должности ево во всем по силе инструкции и указов без всякого упущения под опасением в чем либо... исполнение неупустительного по законам штрафа, а объявленного мастера Власова за сим тех заводских и туринских серебряников и золотарей из ведения уже исключить и для того тем мастерам и золотарям велеть золото и серебро к сплав-

ке и делаемые из оногo вещи к пробе и к клеймению об'являть в пробовальную тюменскую пoлатку ко оному пробирному мастеру Серебреникову без всякой утайки под опасением же за неисполнение неупустительного по указам штрафа, где и брать с тех сплавов и клеймения указанные определяемым в тое тюменскую палатку старостам; и чтоб те часто упоминаемые заводские и туринские серебреники и золотари непременно в том чинили исполнение, также и показанному пробирному Серебреникову что по должности ево во исполнение данных ему инструкций и указов принадлежит были б во всем в беспрекословном послушании о том им Екатеринбургской заводской канцелярии и от Екатеринбургской же и Туринской ратуш, кто из них по ведомству которого места состоит, обязать с крепким подтверждением подписками; а в противном чего либо случае чинить от тех присутственных мест ему пробирному мастеру Серебреникову и надлежащее по законам вспомоществование и удовольствие. 4-е Екатеринбургской же и Туринской ратушам вместо того что по ведомству которого места збиралось с тамошняго купечества на жалование реченному тобольскому пробирному мастеру Власову оногo же (за исключением из ево ведения ведомства тех мест мастеров) ему производить а отсылать

по зборе те деньги в Тюменскую воеводскую канцелярию на жалование же в число положенного оклада вышеписанному тюменскому мастеру Серебреникову жалованья збором и во оную Тюменскую воеводскую канцелярию отсылково тем Ратушам непродолжить по прошествии каждой в настоящей трети года = далее трех дней или уже по крайней мере недели, дабы он занеполучением того жалованья немог в содержании себе з домошними претерпеть нужды; за сим же реченного тобольского мастера Власова доволествовать по окладу ево жалованьем собирая Тобольскому магистрату ведомства ево с купечества кроме уже вышеписанного Екатеринбургского, Туринского и Тюменского купечества.

5-е Тюменскому магистрату жалование вышеоб'явленному мастеру Серебреникову в число положенного указом правительствующего сената «753» году годового сорока осми рублей окладу как недоданное соопределения ево тем чином «763» году июля с 16 числа по нынешний «767» год по двадцати по четыре рубля за каждый год, так же и сего «767» года по сентябрь месяц сполна что следует немедленно собрав с кого надлежит отослать для выдачи ему во оную Тюменскую канцелярию или от того магистрата выдать токмож тою отсылкою или ему выдачею того жа-

лованья не более 6 продолжало было одной или по крайней мере двух недель от получения сего; а притом и впредь по третям года в число показанного положенного ему сорока осми рублей окладу за присылкою в Тюменскую воеводскую канцелярию от Екатеринбургской и Туринской ратуш зборных с тамошняго купечества сколько оного жалованья по ведомству того тюменского магистрата подлежать будет ль то число потому же оному магистрату собирая отсылать во оную тюменскую канцелярию сполна без удержания и тою отсылкою по прошествии в другой настоящей трети непродолжать же доле недели, дабы Серебренников по недостаточеству немог в содержании себя понести нужды ж чего ради тюменской воеводской канцелярии ему Серебренникову того жалованья как от тюменского магистрата недоданного по «767» год так и впредь от оногж и от Екатеринбургской и Туринской ратуш что откуда подлежит истребовать незабвенно, а как означенный мастер Серебренников во упомянутом своем доношении пишет что от оного тюменского купечества производится жалованье и показанному тобольскому мастеру Власову по пятнадцать рублей токмо оная ему Власову от Тюмени дача того жалованья предвидитца совсем за излишнее, ибо он Власов тем жалованьем сполна в

число положенного ему окладу должен довольствован единственно от тех мест где ему определено в деле означенного серебряного мастерства смотрения иметь, кроме города Тюмени, от которого по содержанию сего и впредь ему Власову производить ничего неследует, а надлежит, то число что ему от того тюменского купечества производилось употреблять на дачу вышеописанному определенному в том в Тюмени мастеру Серебренникову число положенного ему окладу.

6-е Во исполнение правительствующего сената «753» года указу для обучения пробирного искусства в учении двух человек по его Серебренникову в способности их к тому усмотрению ис купецких или з Серебренниковых детей тюменскому магистрату, по силе предпосланных указов, выбрав отдать их Серебренникову немедленно и непринося в том никаких отговорок и в департамент по исполнению и рапортовать. 7-е Означенной же пробирный мастер Серебренников представляет что для сплавов золота и серебра и проб и клеймения вещей в том городе Тюмени пробирная палатка со всеми к тому принадлежностями по случаю бывшего там в прошлых годах пожару состоит поныне в доме ево Серебренникова, а сверх де оной в тот же ево дом и ставет постой при том же де с того ж ево дому

требуют отправлением и протчей полицейской должности от чего де он и несет всеконечное раззорение а понеже как именным ея императорского величества блаженные памяти государыни императрицы Анны Иоановны «733» году февраля 26 числа указом повелено в деле золотые и серебряные товары пробирным мастерам пробовать чрез огонь, а не на камне, то по силе оногo для сплавков пробования и клеймение золота и серебра в том городе Тюмени равно как и в протчих; необходимо пробовальной палатке быть следует, которая с принадлежностями, как вышезначится в доме помянутого пробирного мастера Серебренникова и состоит; которую ж что она учреждением есть во исполнение означенного именного указу для государственной и народной пользы и должно счесть и ея каково как необходимо нужнейшую казенную надобность; в разсуждении чего ему мастеру Серебренникову оную имеющуюся в том доме ево пробирную палатку исследовать содержанием ее заменять равно как бы и какой постой был; а что сверх содержания той палатки ставитца во онной ево же дом постой и ныне стоят камендант с канцеляриею и с военными немало числа служителями, то в том ему Серебренникову против других обывателей весьма явное излишнее отягощение,

а притом помногочаству того постоя может и при сплавах и при пробе и при клеймении серебра и золота производить не без помешательства: сверх же сего естли кем либо от... ного ж зделается пробирным и плавильным инструментам и припасам какия утрата или повреждение то от того и в пробах всего паче последовать будет неверность и немалая конфузия от чего он Серебренников и заподлинно имеет подвергнуть себе безвинно к ответу и штрафу и притти может во всеконечное раззорение, притом же напротив того крайне небезопасно что за таковым последуемым ему паче чаяния от вышеписанного отягощения раззорением немог бы он Серебренников по ево недостаточеству впасть в какое либо умышленное, в противность указов, преступление; ибо по званию должности ево он Серебренников обязан содержать все подлежащие к пробованию золота и серебра инструменты во всякой исправности на определенном ему жалованьи: того ради в разсуждении ж всех сил обстоятельств: соображая что указом правительствующего сената «753» году всех пробирных мастеров и в градские никакие по кучеству службы употреблять неповелено, да и в Москве и Санкт-Петербурге таковые званием чины в силе правительствующего сената «743» году указу ж полицей-

мейстерскими канцеляриями от полицейских должностей оставляютца свободны следственно и оной Тюменской воеводской канцелярии по сношению с тамошним магистратом объявленного пробирного мастера Серебренникова от содержания во упомянутом ево доме от постою и от прочих требующих ее с того ево двора по обывательству полицейских должностей как ныне так и впредь уволить необходимо надлежит; и ничем тем ево неотягачать и дабы ему Серебренникову от магистрата небыло какого притеснения, того для, по силе прежде посланных из манетной канцелярии указов быть ему единственно в ведомстве означенной Тюменской канцелярии. 8-е и потребованию же ево Серебренникова для караулу в означенной пробирной палатке и случающихся

при оной разсылок равно как в Москве и Санкт-Петербурге в пробирных палатках караул содержитца определить оной же канцелярии из штатной воинской команды. 9-е. И о том о чем надлежит послать в Тюменскую и Туринскую воеводские и в Сибирскую губернскую канцелярию и в Тюменский же магистрат, в Туринскую и Екатеринбургскую ратуши указы, в Екатеринбургскую ж заводскую канцелярию проморию, которые и посланы, а реченному мастеру Серебренникову о том же из департамента указ да и Тюменской воеводской канцелярии о том ведать и учинить посему ея императорского величества указу
октября 27 дня 1767 году.

ТФ ГАТО. Ф. 8. Оп. 1. ЛЛ. 23—42 об.

Публикация В. Ефремова

История одного техникума

Какими были первые годы существования Советского государства? Разруха, голод, нищета — вот с чего начиналась история нового мира. Культура и образование находились в упадке, одной из причин которого был острый кадровый голод. Часть интеллигенции по-

гибла в пламени гражданской войны, многие ушли с отступающими белыми армиями на Дальний Восток, а затем в Китай.

Не хватало медиков, педагогов, агрономов. В первую очередь стране были нужны практики, времени же на их подго-

товку было крайне мало. Оптимальным выходом из такой ситуации стало появление учебных заведений нового типа — техникумов, срок обучения в которых составлял 3 года. Именно техникумы стали основной «кузницей кадров» в эти годы.

Многие из них создавались не на пустом месте, будучи приемниками учебных заведений, существовавших до революции. Так, в октябре 1920 года, вскоре после окончания боевых действий на территории края, в Тюмени был открыт сельскохозяйственный техникум, разместившийся в здании бывшего реального училища¹. Фельдшерско-акушерская школа, переведенная из Тобольска в августе 1921 года, обеспечивала город медицинскими работниками². В том же 1921 году из отделения по подготовке работников школы 1 ступени Тюменского института народного образования был образован педагогический техникум³. История всех вышеназванных учебных заведений достаточно хорошо известна; приобретая новый, более высокий статус, они и сегодня сохраняют лидирующие позиции в сфере народного образования Тюмени.

Но в те годы было создано и другое учебное заведе-

ние с трагической, но интересной, хотя и мало кому известной судьбой. Речь идёт о промышленно-экономическом техникуме, впервые открывшем свои двери в 1925/26 учебном году. В сущности, судьба его могла быть столь же удачной, как и у вышеназванных его собратьев — до революции в городе уже существовало коммерческое училище Колокольниковых, готовившее кадры для торговли и промышленности и располагавшее солидной материальной базой.

Однако власти к тому времени уже распорядились его имуществом: здание училища было передано окружному исполкому, а оборудование — созданному ранее педагогическому техникуму⁴. В результате возникший по инициативе окружного комитета содействия промышленно-экономическому образованию (Комсод) техникум изначально был лишен материальной базы. Однако нужда в специалистах соответствующего профиля была столь велика, что руководство техникума принимает решение использовать полученную на тот момент поддержку властей и начать занятия 9 февраля 1926 года — в середине учебного года.

¹ Путеводитель по государственным архивам Тюменской области. Тюмень, 1962. С. 295.

² ГАТО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

³ Трудовой набат. 1921. 25 сентября // Из истории культурного строительства в Тюменской области. Свердловск, 1980. С. 79.

⁴ ГАТО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 14. Л. 11.

Поскольку средств у Комсода было недостаточно, техникум существовал в условиях крайней экономии. Вследствие этого изначально в нём было сформировано лишь одно счетно-финансовое отделение (вместо планируемых двух), готовившее квалифицированных техников-счетоводов, работников по финансовому, административному и хозяйственному управлению. Полный курс обучения должен был составить три года. Впрочем, первое время техникум не имел даже учебного плана, утвержденного Государственным Ученым Советом, учебные же программы пришли в техникум лишь через полтора года после начала занятий.

Как уже было сказано выше, собственным зданием техникум не располагал и потому вынужден был арендовать ряд кабинетов у сельскохозяйственного техникума. Более того, весь административно-творческий коллектив состоял из совместителей — работников других учебных заведений города, преимущественно всё того же сельхозтехникума. Организация не имела даже собственной классной мебели и оборудования, а общежитие для студентов представляло собой комнату, рассчитанную на проживание не более 6 человек (при общем количестве учащихся 72 человека)!

Причины столь плачевного положения дел лежали не только в изначальном отсутствии материальной базы у создаваемого учебного заведения, но и в полной неопределённости с его финансированием — техникум не состоял ни на окружном, ни на областном (Уральской области), ни на государственном бюджете. Поэтому вскоре после его открытия встал вопрос о возможном закрытии нового учебного заведения. Руководство его предпринимало всевозможные шаги для решения этой проблемы. Так, летом 1927 года намечалась поездка заведующего техникумом (эту должность занимал, опять же по совместительству, директор сельхозтехникума П.А. Мартэн) в Наркомпрос в Москву, с целью ходатайства о принятии техникума на государственный бюджет⁵. На Совете техникума было также решено поднять этот вопрос во время поездки Мартэна на Всероссийскую краеведческую конференцию в Свердловск⁶ и отправить информацию о сложившейся ситуации в Главпрофобр (Главный комитет профессионального образования) и Всекомсод.

В результате заведующий выяснил, что в области намерение закрыть техникум не было столь твердым, как это казалось в Тюмени. Как председатель Облкомсода, так и за-

⁵ ГАТО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 5. Л. 25.

⁶ ГАТО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

ведущий Уралпрофобром посчитали необходимым попытаться сохранить техникум, «...если инициатива, подкрепляемая определенной материальной поддержкой, будет исходить из округа...»⁷. Иными словами: мы не против существования техникума, если деньги на его содержание будут выделять другие. Впрочем, областные власти также обещали принять участие в финансировании, однако это обещание так и осталось словами. В мае-июне 1928 года проблема финансирования предельно обострилась. Окружные власти заявили, что отстаивать техникум, не имеющий ни здания, ни оборудования, ни собственного преподавательского персонала, слишком сложно⁸. Таким образом, беда учебного заведения (отсутствие материальной базы) стала его виной. С необходимостью существования техникума, кстати, первого в Зауралье, соглашались все; оказать материальную помощь не хотел никто.

В результате, несмотря на отдельные отчаянные попытки исправить положение (положено начало собственной учебной библиотеке, организованы кабинеты товароведения и рынковедения, намечалось приоб-

ретение за 690 рублей оборудования кабинета бывшей торговой школы в городе Челябинске, появились заявления от педагогов, желавших работать в техникуме, в том числе от закончивших курсы при Плехановском институте в Москве), отсутствие стабильного финансирования сыграло решающую роль в определении судьбы техникума. Последним криком отчаяния стало обращение руководства техникума к общественности города с призывом о помощи, опубликованное в местной печати, на страницах которой в мае 1928 года развернулась горячая дискуссия о дальнейшей судьбе этого заведения. Но обилие слов не смогло восполнить отсутствие средств. В результате 1927/28 учебный год стал для промышленно-экономического техникума последним.

Жизнь доказала, что решение это было ошибочным, и в конце 1930-х годов в нашем городе снова открывается аналогичное учебное заведение — кооперативный техникум, состоящий уже из трёх отделений. Но это будет потом. И мало кто знает сегодня о том, что у этого заведения был свой предшественник, а у знаменитого Коммерческого училища — преемник.

⁷ ГАТО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 26. Л. 12.

⁸ ГАТО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 26. Л. 13.

Судьбы местной печати

19 ноября 1906 г. в Тюмени вышел первый номер газеты «Сибирский голос». Деньги для издания газеты имелись уже давно, толки о ее появлении начались чуть не со дня опубликования манифеста 17 октября, но неблагоприятное политическое положение и недостаток инициативы тормозили осуществление задуманного дела. Только оживление, внесенное в местную жизнь прибытием политических ссыльных, дало толчок энергии инициаторов, и желанная газета, наконец, появилась. Ее политическая физиономия была строго демократической, но никакой определенной партийной окраски не носила. Говорила газета пониженным голосом, выражалась по преимуществу робкими словами, ибо тяжелая атмосфера первого междудумья к особенной смелости не располагала.

Однако скромность и аккуратность не послужили газете во спасение. Век ее оказался чрезвычайно коротким. Наступили выборы во вторую Государственную Думу, усилились репрессии местных властей, и скромная газета пала жертвой генерал-губернаторского усмотрения: 26 января 1907 г., т.е.

меньше чем через 2 $\frac{1}{2}$ месяца, «Сибирский голос» был приостановлен на все время военного положения в Тюмени.

Энергия инициаторов, однако, не была сломана этой первой неудачей. 13 февраля, когда выборы уже закончились (администрация тормозила выдачу разрешения на издание новой газеты до конца выборов), вместо «Сибирского голоса» появился «Тобольский край».

Как ни старалась редакция новой газеты быть скромнее голубя и мудрее змеи, усилия ее в этом направлении, увы, не увенчались успехом. Меньше чем через два месяца — 8 апреля — «Тобольский край» был приостановлен на 46 номере, и его место заняла новая, третья по счету, газета «Тобол». Однако какой-то рок тяготел над тюменской демократической печатью, и век новой газеты оказался не длиннее века ее предшественниц. Кое-как протянув вторую половину апреля и май, она пала жертвой репрессий, наступивших после роспуска второй Государственной Думы. 3 июня тобольским генерал-губернатором были опубликованы обязательные постановления по поводу возбуждения вражды к пра-

вительству и распространения ложных слухов (аналогичные постановления были изданы почти во всех городах России), а 8 июня «Тобола» уже не стало. Он умер на № 38.

Ровно через девять дней — 17 июня — на развалинах «Тобола» возникла четвертая газета — «Тобольская речь», но судьба ее сложилась чрезвычайно печально. Гильотина в виде обязательных постановлений 3 июня продолжала действовать, и уже 24 июня ее топор опустился на голову нового издания. За нарушение пункта четвертого обязательных постановлений редактор «Тобольской речи» был оштрафован на 500 рублей, и так как уплатить такой большой штраф газета оказалась не в состоянии, то редактор был на месяц посажен в тюрьму. С согласия последнего редакция хотела продолжать выпускать номера газеты, но администрация воспретила выпуск газеты впредь до приискания нового редактора. Пришлось прекратить издание «Тобольской речи» на № семь и попытать счастья под другим флагом.

27 июня вышел первый номер пятой газеты — «Тобольский голос», выпустившей тридцать пять номеров и 10 августа приостановленной издателем по чисто личным обстоятельствам. «Тобольский голос» заменила «Сибирская окраина»,

которой также не суждены были долгие дни. Первый номер газеты появился 11 августа, последний, 39-й, 3 октября. Подобно «Тобольской речи», «Сибирская окраина» пала под тяжестью штрафа в 200 рублей, наложенного на нее генерал-губернатором. Штраф газета не уплатила, и редактор ее также был посажен на месяц в тюрьму. С арестом же редактора был приостановлен выпуск газеты.

Любопытна, между прочим, причина штрафа. Он был наложен, как о том гласила бумага, предъявленная полицейским приставом издателю, за заметку «Кровавое событие», помещенную в отделе «Хроника г. Тобольска». Вот что буквально гласит эта заметка: «Не успели забыть ограбления с убийствами почти под самым городом, как новое кровавое событие взволновало город. Это происшествие в д. Кутарбитке (второй этап от Тобольска). Когда известие об этом достигло до первой каторжной тюрьмы, то в ней начался бунт, который еще неизвестно чем кончился. В городе про это происшествие говорят много, но не решаюсь сообщать того, что говорят»*.

И только! И, однако, за это невинное сообщение газета была подвергнута штрафу и фактически приостановлена.

Как ни ясна была тенденция властей, инициаторы газеты и на этот раз не пали духом и 9 ок-

* Речь идет о кровавом столкновении между партией каторжан и конвойными, во время которого было убито 22 арестанта и один солдат.

тября выпустили новую, седьмую, газету «Сибирский край». Потому ли, что с открытием третьей Думы несколько облегчилось положение печати, или потому, что редакция вела дело с удвоенной осторожностью, но только новой газете посчастливилось больше, чем всем предыдущим. Она успела выпустить пятьдесят номеров — цифра, о которой ее предшественницы только мечтали, но в конце концов и эта газета не избежала обычной судьбы. Пятидесятый номер оказался последним номером, и 9 декабря по распоряжению генерал-губернатора «Сибирский край» был приостановлен на все время военного положения.

С гибелью «Сибирского края» наступил конец той неравной борьбы с администрацией, которую в течение целого года так упорно вели инициаторы газеты. Частые приостановки тяжело отзывались на материальном положении газеты, число подписчиков стало постепенно падать, энергия руководителей истощаться. К этому присоединились еще осложнения с типографией, которая

отказалась печатать газету. Все это вместе взятое заставило инициаторов органа сложить оружие и, таким образом, оставить поле битвы за администрацией. В течение нескольких дней после закрытия газеты редакция выпускала еще телеграммы и объявления. Но затем и это было прекращено. Газета умерла и, вероятно, долго не воскреснет.

В заключение несколько цифровых итогов. Газета просуществовала 12 месяцев и 20 дней. За это время она была шесть раз приостановлена администрацией и один раз самим издателем, сменила семь названий и семь редакторов и два раза была оштрафована на сумму 700 рублей, взамен каковой суммы ее редакторы отсидели два месяца в тюрьме. Средняя продолжительность существования каждой газеты была, таким образом, менее двух месяцев и составляла 55 дней.

Недурная иллюстрация к «действительной» свободе печати, обещанной 17 октября!

Сибирские вопросы.
1908. №9. С.35—38.